

71:02-12/34-8

Академия управления МВД России

На правах рукописи

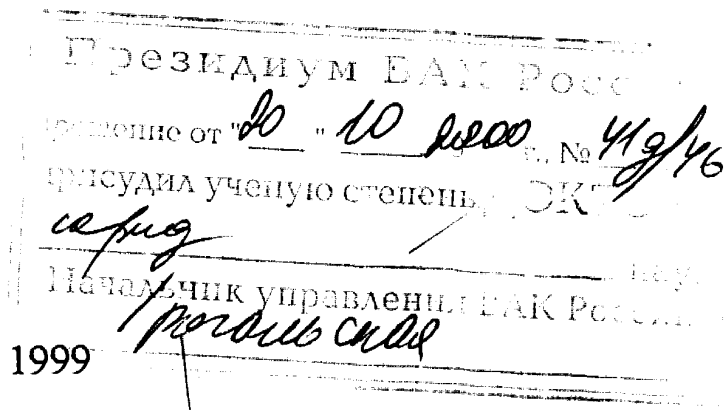
Немытина Марина Викторовна

Суд в России:
вторая половина XIX – начало XX вв.

Специальность 12.00.01 – теория права и государства;
история права и государства; история политических и
правовых учений

*Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Москва 1999

Содержание

Введение	с.3
Глава 1. Историография и источники	
1.1 Историография	с.22
1.2 Источники	с.61
Глава 2. Самодержавие и пореформенный суд	
2.1. Демократический суд в механизме самодержавия	с.73
2.2. Судебная контрреформа	с.109
Глава 3. Реализация принципов и институтов судебных уставов (1864-1889 гг.)	
3.1. Демократические принципы уставов 1864 г.	с.158
3.2. Применение институтов судебной реформы.	с.182
Глава 4. Подготовка проектов новой редакции судебных уставов в комиссии Н.В. Муравьева (1894-1899 гг.)	
4.1. Причины создания и организационные формы комиссии по пересмотру судебных уставов	с.241
4.2. Проекты новой редакции судебных уставов	с.261
Глава 5. Суд в государственно-правовом развитии России начала XX в.	
5.1. Основные направления судебной политики России начала XX в.	с.300
5.2. Реформа местной юстиции 1912 г.	с.331
Заключение	с.365
Источники и литература	с.374

Введение

Актуальность темы. Процесс реформирования судебной системы Российской Федерации проходит под знаком возвращения в отечественную государственность демократических принципов и институтов судебных уставов Александра II. Примерами тому может служить введение сегодня в России суда присяжных и мировой юстиции¹. Обращение юристов к отечественной правовой традиции призвано противостоять ярко выраженной в современном российском праве тенденции заимствования западных правовых ценностей и институтов. Ставшие в последнее время общепринятыми в любой отрасли права ссылки на дореволюционный отечественный опыт, как ни парадоксально, не сопровождаются развитием историко-правовой науки, проведением комплексных, фундаментальных исследований в этой области знаний. Отсюда - подчас поверхностные и фрагментарные представления наших ученых и практиков о принципах и институтах дореволюционного российского права. Это касается, в частности, и судебной реформы второй половины XIX в. в России. Неиссякающий сегодня интерес юристов к этой теме вовсе

¹ См.: Закон РФ от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекса РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР российского и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313.; Закон РФ от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270.

не означает серьезного осмысления сущности и механизма реализации принципов и институтов судебных уставов 1864 г.

Состояние дел в российском судебном ведомстве, сложившееся в связи с принятием уставов 1864 г., ассоциируется с проблемами судебной власти в стране сегодня. И эти параллели далеко не в пользу современного процесса реформирования - в нашем отечестве не принято извлекать уроки из прошлого, чтобы избежать ошибок в настоящем и непоправимых последствий в будущем. В то же время знания и представления о роли суда в государственном механизме, о направлениях развития судебной реформы, о соотношении в действиях правительства реформаторских и консервативных тенденций, о взаимодействии принципов и институтов судебной реформы имеют поистине непреходящее значение.

«Отцами» судебной реформы был избран путь радикального реформирования старых судебных порядков: в российскую государственность была внедрена новая судебная система; провозглашались принципы несменяемости судей, независимости суда от администрации, равенства всех перед законом и судом, гласности, устности, состязательности, права обвиняемого на защиту, презумпции невиновности, оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи; учреждались институт судебных следователей, адвокатура, суд присяжных, реорганизовывалась прокуратура.

В диссертации ставится проблема суда, опередившего в своем развитии другие государственные учреждения, раскрывается содержание демократических принципов и институтов судоустройства и судопроизводства, многие из которых нашли наиболее полное воплощение именно в тот период отечест-

венной истории и поддаются реконструкции в сегодняшнее право.

Предмет диссертационного исследования - суд, введенный в России уставами 1864 г. и представлявший собой феномен демократического суда в условиях самодержавия. Суд исследуется автором как на уровне политики правительства, нашедшей отражение в законодательстве и проектах законов, так и практики применения принципов и институтов судебных уставов 1864 г.

Степень научной разработанности проблемы. Объектами пристального внимания в науке всегда были: причины, заставившие самодержавие пойти на проведение судебной реформы - самой последовательной в ряду преобразований второй половины XIX в. в России, степень ее радикализма, соотношение демократических принципов и институтов судостроительства и судопроизводства с основами российской государственности, принятое в дополнение к судебным уставам 1864 г. законодательство. Подходы к судебным преобразованиям второй половины XIX в. как со стороны современников, так и последующих исследователей, вплоть до сегодняшнего дня, зависели от идейно-политических позиций авторов, менялись в связи с изменением господствующей идеологии и естественной для каждого человека эволюцией взглядов. Не были свободны и от конъюнктуры.

Наиболее обширный пласт материала, подлежавший осмыслению и анализу в ходе проведенного исследования - это работы дореволюционных авторов, представленные как фундаментальными исследованиями, такими как «Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет» (Пг., 1914), «Судебная ре-

форма под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского (М., 1914), «Министерство юстиции за сто лет» (СПб., 1902), так и статьями ученых и практиков в периодической печати: «Журнале министерства юстиции» и «Журнале гражданского и уголовного права». В этих изданиях впервые появились статьи А.Ф. Кони, Н.В. Муравьева, И.Я. Фойницкого и других не менее известных авторов.

Для исследований досоветского периода, независимо от существовавших тогда направлений общественно-политической мысли, в оценках судебной реформы были характерны общие позиции: признание судебной реформы как наиболее последовательной среди преобразований второй половины XIX в.; конструктивный анализ принципов и институтов судебных уставов 1864 г. присущий всем без исключения авторам; оценка законодательства, принятого в дополнение к судебным уставам 1864 г. как с позиций ограничения, так и совершенствования положенных в их основу демократических начал; обоснование новелл, внесенных в судебные уставы в 70-80-е гг., несоответствием нового суда основам государственности России (позиции И.В. Гессена, Н.В. Муравьева, В. Фукса).

Дореволюционной историографии при всей глубине и многоплановости исследований были свойственны такие недостатки, как идеализация судебных уставов 1864 г. и объяснение самой судебной реформы и последующих изменений в уставах 1864 г. прежде всего субъективными факторами.

В то время как отечественная правовая традиция оказалась прерванной, зарубежная историография судебной реформы после 1917 г. развивалась в русле, обозначенном дореволюци-

онными исследователями, сумела сохранить их взгляды и позиции, а подчас и ошибки.

Исследования советского периода по данной проблеме до конца 60-х гг. носили фрагментарный характер. Работа Б.В. Виленского «Судебная реформа и контрреформа в России» (Саратов, 1969) долгое время оставалась единственной монографией по теме, содержащей анализ предпосылок судебной реформы, сущности судебных уставов, обосновывающей проведение правительством контрреформы путем принятия серии законодательных актов в период 70-80-х гг. XIX в. Правда, автор, отдавая дань своему времени и господствовавшим методологическим догмам, рассматривает судебные преобразования в контексте революционного движения как основного фактора, обусловившего проведение судебной реформы и последующий отказ от ее принципов и институтов.

В работах, вышедших в советский период, преобладала критика принципов и институтов уставов 1864 г. в плане их незавершенности и непоследовательности. Господствовавшая методология требовала от авторов подхода к проблеме судебной реформы 1864 г., основанного на признании роли и места суда в карательном механизме эксплуататорского государства. В то же время советским исследователям удалось продвинуться в определенных направлениях: в понимании обусловленности судебных преобразований этого периода экономическими, политическими и социальными факторами (работы Б.В. Виленского, П.А. Зайончковского, И.В. Оржеховского, В.А. Шуваловой); в осмыслении политики в сфере суда как важной составляющей внутренней политики самодержавия (работы П.А. Зайончковского, Л.Г. Захаровой, В.А. Твардовской, Н.А. Троицкого); в

анализе политических процессов (работы М.М. Глазунова, Б.А. Митрофанова, Н.Н. Полянского, Н.А. Троицкого, А.В. Хохлова); в оценке степени ограничения демократических начал судебных уставов принятым в дополнение к ним законодательством, в связи с чем была поставлена проблема судебной контрреформы (работы Б.В. Виленского, Н.А. Троицкого, П.А. Зайончковского, Кузнецовой Е.Н., Е.А. Скрипилева); в обосновании места суда в государственном механизме самодержавия (работы Б.В. Виленского, П.А. Зайончковского, Н.Н. Ефремовой, Е.А. Скрипилева); в характеристике некоторых институтов и принципов судебных уставов (работы А.К. Афанасьева, Ю.Г. Галая, Н.В. Черкасовой); в исследовании особенностей проведения судебной реформы в отдельных частях России (работы З.И. Жвания, К.П. Краковского, А.В. Марыскина, П.Ф. Щербины).

Работы, вышедшие в постсоветский период, следует рассматривать отдельно. С конца 80-х гг. происходит отказ от критической оценки судебных уставов 1864 г., поиск в них позитивных моментов, приемлемых для современного реформирования, стремление вернуться к позициям, уже достигнутым в дореволюционной историографии. В этом ключе выходит монография М.Г. Коротких «Самодержавие и судебная реформа 1864 г.» (Воронеж, 1989), повествующая о том, как в ходе подготовки, сопровождавшейся борьбой противоположных взглядов и течений, судебные уставы приняли свои демократические очертания. Глубоким осмыслением политики правительства в сфере суда в обозначенный период является работа Н.М. Корневой. Продолжается изучение отдельных принципов и институтов судебных уставов как с позиций истории государства и права,

так и отраслевых наук (работы А.В. Верещагиной, А.В. Воронина, С.Н. Гаврилова, С.М. Казанцева, А.М. Ларина, А.Г. Мамонтова, Ю.В. Сорокиной).

Наличие в диссертации главы, специально посвященной историографии проблемы, избавляет от необходимости подробно излагать содержание работ предшествующих исследователей. В то же время можно констатировать, что накопленная к настоящему времени сумма знаний и представлений о том, чем была для России судебная реформа 1864 г., каковы ее обречения и просчеты, давно требует взвешенного, объективного, свободного от идеологических догм, методологических схем и конъюнктурных расчетов осмысления.

Отказавшись от подходов, существовавших в советский период и заставлявших пристрастно искать в судебной реформе 1864 г. элементы непоследовательности и незавершенности, преодолев романтически-идеалистический взгляд конца 80-х - начала 90-х гг. XX в. на самую демократическую из реформ Александра II, настало время осмыслить, наконец, объективно судебные преобразования второй половины прошлого века и начала нынешнего.

Хронологические рамки исследования охватывают период с принятия судебных уставов 1864 г., учредивших в России новый суд, до февраля 1917 г., когда пало самодержавие и его государственные институты. Хотя следует признать, что и в период от февраля до октября 1917 г. суды не претерпели значительных изменений и продолжали существовать по инерции в соответствии со сложившимися ранее формами судоустройства и судопроизводства.

Подготовка судебных уставов не входит в предмет исследования как наиболее изученный ранее другими авторами круг проблем. Отправной точкой диссертационного исследования служит содержание судебных уставов 1864 г. Внимание акцентируется на реализации провозглашенных судебными уставами принципов и институтов в период, когда они претерпели существенные изменения - с 1864 по 1889 гг.

Особое внимание в исследовании уделяется деятельности комиссии по пересмотру судебных уставов 1864 г. под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева, разработавшей проекты новой редакции судебных уставов. Работа комиссии охватывает период с 1894 по 1899 гг., а обсуждение проектов в различных государственных структурах продолжалось до 1905 г., когда стало очевидно, что они не будут претворены в жизнь.

Не меньший интерес представляет выяснение роли суда в государственном механизме России начала XX в., причем не только как орудия подавления революции 1905-1907 гг. (что является наиболее исследованным «сюжетом»), но и как компонента правового государства, идеи которого получили широкое распространение в то время. В работе исследуется затнувшееся в Государственной думе трех созывов обсуждение и принятие закона о местной юстиции 1912 г.

Методология исследования. При проведении исследования на пересечении исторической и юридической наук автором были использованы присущие той и другой науке методы, приемы и принципы. Основными методологическими принципами диссертации являются: объективность, историзм, всесторонность. Материал изучался с позиции примата факта над концепцией и

анализировался с учетом хронологии событий, содержания политических и правовых форм, необходимости получения максимально возможной достоверной информации из имеющихся источников. Проблема исследовалась в рамках как объективных факторов - характер государственной власти, расстановка политических сил в обществе, так и субъективных - взгляды и действия людей, стоявших у власти и применявших принципы судопроизводства на практике. Для изложения материала избран проблемно-хронологический подход.

Автором были использованы следующие методы научного исследования:

1) *исторический метод* - изучение изменяющихся во времени явлений, когда в хронологической последовательности восстанавливается цепь событий и фактов;

2) *системный метод* - государство рассматривается как целостный механизм, одним из звеньев которого является суд; все принципы и институты судебной системы, в свою очередь, взаимосвязаны и взаимообусловлены;

3) *формально-юридический метод* - осмысление политических и правовых форм;

4) *метод анализа* - в работе анализируются источники права, правовые принципы и институты, исторические факты;

5) *сравнительно-правовой метод* - объективная оценка суда в исследуемый период предполагает осмысление содержания судебных уставов 1864 г., принятого в дополнение к ним законодательства и практики их применения.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты, материалы официального делопроизводства, как опубликованные так и хранящиеся в государственных архивах,

периодическая печать, дневники и воспоминания государственных деятелей, юристов.

В работе дан детальный сравнительный анализ судебных уставов 1864 г. и принятых в дополнение к ним нормативных актов. Отслеживается подготовка и обсуждение этих нормативных актов, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в фонде департамента законов Государственного Совета Российского государственного исторического архива (ф. 1149), а также в ряде личных фондов.

Автором были введены в научный оборот материалы комиссии, подготовившей проекты новых судебных уставов. Большая часть этих материалов опубликована и составляет 42 тома.

Значительный объем работы был проделан автором по восстановлению хода подготовки и принятия закона о местной юстиции 1912 г. - наиболее значимого мероприятия правительства в сфере суда начала XX в. Это прежде всего материалы Государственной думы трех созывов и Государственного совета, отражающие дебаты вокруг проектов законов, борьбу партийных фракций и депутатских групп.

Описание источников, положенных в основу диссертационного исследования, содержится в отдельной главе.

Цель настоящего исследования - свободное от идеологических догм и конъюнктурных расчетов осмысление политики самодержавия в сфере суда с введения новых судебных установлений 1864 г. до падения режима в феврале 1917 г. и изучение в русле этой политики содержания и практики применения демократических принципов и институтов судебных уставов.

Цель исследования и содержание проблемы определили необходимость решения следующих задач:

- выяснить место и роль нового демократического по своей природе суда в механизме самодержавия - устаревшей политической формы;

- установить основные тенденции в политике правительства в области суда в указанный период;

- проследить реализацию принципов и институтов судостроительства и судопроизводства, составлявших краеугольный камень реформы, взаимодействие их друг с другом;

- определить степень ограничения основных начал судебной реформы законодательством, принятым в дополнение к уставам 1864 г.;

- обобщить проекты судебных преобразований, подготовленных на рубеже XIX-XX вв.;

- оценить состояние судостроительства и судопроизводства в России накануне гибели самодержавия.

Научная новизна исследования. Автор представляет к защите комплексное историко-правовое исследование, посвященное судебной политике самодержавия на протяжении полувека, применению провозглашенных уставами 1864 г. принципов и институтов, готовившимся правительством, но нереализованным, проектам судебных преобразований. Автором делается попытка дать ответ на вопрос, насколько демократическим началам уставов 1864 г. удалось «сохраниться» при столкновении с господствовавшими в России политическими формами.

Положения, выносимые на защиту:

- мероприятия, проводимые правительством в сфере суда в исследуемый период, как нельзя более точно отражают главное

противоречие во внутренней политике самодержавия - противоречие между необходимостью реформ и стремлением к самосохранению: реализация радикальной судебной реформы и одновременно свертывание провозглашенных ею демократических принципов и институтов, окончившаяся неудачей огромная работа по полному и систематическому пересмотру судебных уставов на рубеже XIX - XX вв.;

- судебные уставы 1864 г. следует рассматривать с позиций внедрения в российскую государственность и право элементов конституционализма, поскольку именно здесь нашли закрепление принципы и институты, получившие в других странах право на существование в результате революций и провозглашенные в конституциях (независимость судебной власти как проявление принципа разделения властей, равенство всех перед законом и судом, презумпция невиновности, участие общественности в отправлении правосудия);

- введенный судебными уставами 1864 г. демократический суд вступил в противоречие с другими институтами самодержавия: независимость суда от администрации лишала власть монарха прерогатив в судебной сфере; несменяемость судей принципиально отличала их статус от других государственных служащих; равенство всех перед судом противоречило сословному строю с его привилегиями и ограничениями; участие в отправлении правосудия представителей общества - присяжных заседателей - допускалось при отсутствии элементов представительства в других сферах государственной деятельности;

- реформаторские и консервативные тенденции в политике правительства в отношении нового суда на протяжении второй половины XIX в. шли параллельно, в то же время при присталь-

ном внимании можно определить, что в 70-80-е гг. вторая тенденция преобладала, и констатировать проведение правительством судебной контрреформы; радикализм судебной реформы 1864 г. уже сам по себе обусловил быстрый переход к контрреформе, а подъем революционного движения, повлекший политические процессы в новом суде, послужил своего рода катализатором судебной контрреформы;

- правительство действовало в отношении судебных уставов 1864 г. достаточно гибко и осторожно, приходилось лавировать, потому что откровенное возвращение к прежним, дореформенным порядкам было невозможно - судебная реформа пользовалась популярностью в различных слоях российского общества; нейтрализуя демократические принципы и институты, самодержавие вместе с тем пыталось создать видимость неприкосновенности новых судебных порядков;

- с начала 70-х гг. коррективы в уставы 1864 г. вносятся без разработанного заранее плана сообразно с потребностями момента (например, по поводу не оправдавшего надежд правительства исхода политического процесса); в период правления Александра III принципы и институты уставов 1864 г. «исправляются» уже по четко очерченной программе; ограничиваются прежде всего те принципы и институты судебной реформы, которые обеспечивают известную самостоятельность и независимость судебной власти: несменяемость судей и подчинение их только закону, гласность, суд присяжных, мировая юстиция, готовилось преобразование адвокатуры; новые судебные порядки достигают окраин России уже в деформированном виде (без института присяжных заседателей, с различными типами мировой юстиции и т.д.);

- к концу 80-х гг. провозглашенные судебной реформой принципы и институты были нейтрализованы, суд вполне «вписался» в общий строй государственных учреждений; в то же время множеством поправок к судебным уставам (к середине 90-х гг. число их превышало 700) были нарушены единство и целостность судебного механизма;

- в 1894 г. министр юстиции Н.В. Муравьев создает комиссию для пересмотра законоположений по судебной части, призванную осуществить полный и систематический пересмотр судебных уставов 1864 г.; деятельность комиссии можно охарактеризовать как подготовку еще одной судебной реформы, однако внесенные ею в 1901 г. в Государственный совет проекты новой редакции судебных уставов так и не получили практического воплощения;

- в начале XX в. основным мероприятием правительства в сфере суда бесспорно была реформа местной юстиции 1912 г., которую следует рассматривать не просто как восстановление в России мирового суда, а как стремление правительства уравнять крестьян, составлявших большую часть населения страны, в правах с другими сословиями, ввести жизнь российской деревни в правовое русло;

- «мертворожденные» проекты муравьевской комиссии, подготовленная, но не реализованная на практике, кодификация гражданского права, введенное в действие лишь в незначительном объеме Уголовное уложение 1903 г. свидетельствуют о кризисе режима и его неспособности к проведению серьезных, нацеленных на перспективу преобразований; реформаторские процессы, происходившие в России в этот период - создание Госу-

дарственной думы, реформа Государственного совета, Манифест 17 октября 1905 г., - отражают лишь потребности момента.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования содержащихся в диссертации положений и выводов для осмысления стратегии и тактики судебных преобразований в современных условиях. Обретения и просчеты самой последовательной из реформ Александра II позволяют распознать «подводные камни», которые встречаются на ее пути в государстве с многоукладной экономикой, устаревшей формой правления, социальной и политической нестабильностью. Содержащиеся в нормативном материале, архивных документах, трудах дореволюционных юристов и других источниках обширные сведения о содержании принципов и институтов уставов 1864 г. и практике их применения при критическом осмыслении и взвешенном подходе могут быть реконструированы в сегодняшнем правовом пространстве.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке курсов истории права и государства, судебного права, уголовного и гражданского процесса. Они могут служить не только для более глубокого осмысления истории суда в России, но и для усвоения непреходящих понятий о сущности и значении судебной власти в обществе и государстве, о ценности демократических принципов и институтов судопроизводства.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре теории и истории государства и права Саратовского юридического института МВД РФ и на кафедре государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора юридических на-

ук. Основные результаты исследования были доложены автором и обсуждались российскими и зарубежными коллегами, как юристами, так и историками, на межвузовских, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах»:

- организационно-деятельностная игра «Судебная власть в России: перспективы и пути становления», проведенная Государственно-правовым управлением Президента РФ и Международным комитетом по содействию правовой реформе в России - Москва, апрель 1993 г.;

- международная научная конференция «История земства и перспективы развития местного самоуправления в России», организованная Комитетом по вопросам работы Советов народных депутатов и развития самоуправления Верховного Совета РФ, Всероссийской научно-исследовательской программой «Местное самоуправление: исторический опыт, современность и перспективы развития», университетами США, Германии, Японии и др. - Тверь, май 1993 г.;

- организационно-деятельностная игра-семинар «Судебная реформа и юридический профессионализм (введение в современную юриспруденцию)», проводимая Государственно-правовым управлением Президента РФ и Международным комитетом по содействию правовой реформе в России, - Москва, ноябрь 1993 г.;

- научно-практический семинар «Суд присяжных в России: проблемы функционирования и научно-педагогического обеспечения», организованный Государственно-правовым управлением Президента РФ, Минюстом и Госкомвузом России, - Москва, март 1994 г.;

- конференция «Защита в суде присяжных», организованная Американской ассоциацией юристов Центрально-и Восточно-Европейская правовая инициатива (СИИЛИ), - Сочи, апрель 1994 г.;

- межвузовская научно-теоретическая конференция «Проблемы конституционного развития Российской Федерации и обеспечение прав человека» - Саратов, май 1994 г.;

- научно-практическая конференция «Законотворческая деятельность субъектов Российской Федерации», состоявшаяся в Саратовской государственной академии права в ноябре 1997 г.;

- международная научная конференция «Lay Participation in the Criminal Trial in the 21st Century», International Institute for Higher Studies in the Criminal Justice» - Siracusa, Italy, May, 1999;

- всероссийская конференция «Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов: практика, проблемы, перспективы» - Геленджик, октябрь 1999 г.

На протяжении 1995-1996 гг. диссертант являлся руководителем научно-практической лаборатории по исследованию суда присяжных при Саратовском областном суде в рамках совместной программы, осуществленной Московским, Ростовским, Саратовским областными судами и Британским институтом международного и сравнительного права при поддержке Вестминстерского фонда за демократию. Результатом работы стали научно-методические рекомендации по совершенствованию формы судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Начиная с 1993 г., автор участвовал в организации и проведении серии научно-практических семинаров по актуаль-

ным проблемам российского и международного права для практикующих юристов - судей, прокуроров, адвокатов, следователей. В семинарах наряду с другими проблемами обсуждались вопросы диссертационного исследования - состязательность, право обвиняемого на защиту, деятельность суда присяжных, организационные формы адвокатуры, судебный контроль за арестами и др.

Проблемы, поставленные в диссертационном исследовании, нашли практическое применение в процессе участия автора в российских и международных программах по клиническому юридическому образованию (семинары, конференции, коллоквиумы, подготовка методических пособий по обучению юристов практическим навыкам), а также при руководстве бесплатной юридической консультацией Региональной общественной организации «Центр содействия проекту правовой реформы Саратовской области» и юридической клиникой Саратовского юридического института МВД РФ.

Выводы работы обсуждались диссертантом с зарубежными коллегами во время визита в составе делегации российских юристов в Великобританию по приглашению Британского института международного и сравнительного права и Вестминстерского фонда за демократию в октябре 1995 г., во время стажировок в США: в августе 1997 г. по приглашению Американской ассоциации юристов Центрально- и Восточно-Европейская правовая инициатива и в августе 1999 г. по приглашению Библиотеки Конгресса США.

Структуру диссертации определили задачи исследования и избранный метод изложения диссертационного материала. Диссертация состоит из введения и пяти глав (каждая глава де-

лится на два параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1

Историография и источники

1.1. Историография

Ни у кого не возникает сомнений относительно того, что судебная реформа 1864 г. была наиболее последовательной в ряду преобразований второй половины XIX в. в России. Эта позиция отражена как в трудах дореволюционных исследователей пореформенного суда, будь то приверженцы либерального или охранительного направления, так и в работах, вышедших после 1917 г., будь то исследования, опубликованные в советский период или в последнее время. Сказанное можно отнести и к зарубежной историографии.

Судебным преобразованиям 1864 г. в дореволюционной историографии посвящено множество работ. Это не случайно. Ведь именно судебная реформа дала толчок развитию правовой мысли в России второй половины XIX - начала XX вв. Многие талантливые, прогрессивно настроенные, желавшие принести пользу отечеству люди в этот период избирали сферой своей деятельности юриспруденцию. Служба в судебном ведомстве (а понятие судебное ведомство применительно к тому времени следует трактовать широко - к нему относились не только судьи, но и судебные следователи, прокуроры, состоявшие при судах) предоставляла известную независимость, которую не могла дать никакая иная государственная должность. Что же касается адвокатской деятельности, то она традиционно счи-

тается одной из наиболее либеральных профессий. И открытие новых судов повлекло за собой расцвет адвокатуры в России.

Следует отметить, что многие практикующие юристы занимались тогда и теоретическими изысканиями - слишком велика была потребность в осмыслении происходящего, связанного с изменениями в судеустройстве и судопроизводстве страны. Достаточно вспомнить имя А.Ф. Кони, который, занимая в разное время высокие посты в судебном ведомстве, в том числе пост обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената, оставил богатейшее теоретическое наследие. Многие из его работ не утратили актуальности и сегодня. Идеи А.Ф. Кони о несменяемости судей, о суде присяжных, мировом суде звучат вполне современно.

Традиционное деление дореволюционных исследователей на два направления - охранительное и либеральное - в общественно-политической мысли России применительно к судебной реформе не всегда способствует осмыслению данной проблемы. Яркие представители либеральной идеологии в России могли отрицательно относиться к судебным уставам. Так, К.Д. Кавелин считал судебную реформу 1864 г. в том виде, в каком она осуществлялась, преждевременной для России.

Наоборот, среди представителей охранительного направления звучали голоса в поддержку судебных уставов. Широкую известность получила фраза по поводу судебных уставов 1864 г., которой Н.В. Муравьев, в то время прокурор Московской судебной палаты, открыл курс лекций по уголовному судопроизводству в Московском университете: «С нас довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанию. Начала, в ней проведенные, так высоки и чисты, влияния и последст-

вия их так благотворительны для русской жизни, что дальше их нам незачем и некуда идти»¹. Г.В. Джаншиев, стоявший на либеральных позициях, позднее возьмет эту фразу в качестве эпиграфа к своей работе². Однако восторженное на первый взгляд отношение к судебным уставам не помешало Н.В. Муравьеву в бытность его министром юстиции (1894-1905 гг.) возглавить комиссию, в рамках которой осуществлялся полный и систематический пересмотр провозглашенных этими уставами принципов.

Анализируя отношение дореволюционных исследователей к пореформенному суду, где трудно провести грань между представителями либерального и охранительного направлений в общественно-политической мысли, необходимо учитывать следующее:

во-первых, критикуя судебные уставы 1864 г. «справа» и «слева», представители как охранительного, так и либерального направлений, зачастую сходились в одном - судебная реформа преждевременна, заимствована с запада, не имеет истоков в своем отечестве и потому подрывает устои российского общества и государства;

во-вторых, перемена во взглядах, когда сторонники судебной реформы 1864 г. позднее оказывались в лагере ее противников (яркие примеры - М.Н. Катков, К.П. Победоносцев), была обусловлена тем, что вполне приемлемые для России в

¹ Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 77.

² См.: Джаншиев Г.В. Из эпохи великих реформ. М., 1894. С. 365.

теории демократические начала судебной реформы оказывались противоречащими устоям государства на практике.

Встречающиеся в литературе одинаковые оценки пореформенного суда представителями как охранительного, так и либерального течения, а также противоположные позиции внутри одного направления, носят не только объективный - последовательность и демократизм судебной реформы, обусловившие критику нового суда «справа» и «слева», - но и субъективный характер, вполне объяснимый собственной позицией автора, его опытом и наблюдениями, эволюцией взглядов, целью написания работы и т.д.

На момент введения судебных уставов 1864 г. в правительственном лагере, в обществе, в юридической среде для подавляющего большинства авторов была характерна их идеализация. Новый суд представлялся воплощением в жизнь идеалов правосудия, элементов правового строя, веками жившей в человеке мечты о суде «скором, правом и милостивом, равном для всех»³.

В хоре голосов в поддержку судебной реформы явным диссонансом звучала позиция В. Фукса,⁴ который упрекал составителей судебных уставов в «наивном оптимизме» и «слепом подражании западным образцам». Автору свойственно критическое отношение к основополагающим институтам уставов 1864 года. Суд присяжных, по его мнению, «...представляет бесспорно главный вид того общественного самосуда, который был установлен у нас судебной реформой. Хотя другой вид этого само-

³ Высочайший указ Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 г. об утверждении судебных уставов.

⁴ Фукс В. Суд и полиция: В 2 ч. М., 1889. Ч. 2 С. 9.

суда, то есть мировой суд, имеет количественно более обширную сферу применения»⁵.

В дореволюционной историографии была поставлена и проблема взаимодействия нового суда со старой политической формой, каковой являлось самодержавие. Так, И.В. Гессен писал, что новый суд «вошел в государственный организм инородным телом»,⁶ обосновывая тем самым несоответствие новых судебных порядков основам российской государственности. Раз это (в данном случае новый суд) инородное тело, то оно либо отторгается, либо болезненно приспосабливается к организму.

Логическим продолжением поставленной в дореволюционной историографии проблемы несоответствия нового суда самодержавию как политической форме стал вопрос об «исправлении» выявившихся в ходе проведения судебной реформы недостатков. Работы дореволюционных исследователей проникнуты стремлением осмыслить сущность законодательства, принятого в дополнение и изменение судебных уставов, ответить на вопрос, насколько же были поколеблены дух и буква уставов 1864 г.

Авторы в зависимости от своей общественно-политической позиции, цели написания работы в новеллах к судебным уставам отмечают две тенденции – ограничение демократических принципов и институтов реформы 1864 г. и их совершенствование. Одни исследователи отдают предпочтение тенденции на совершенствование судебного строя на основе «исправления» выявившихся в ходе реализации уставов недостатков – зачастую то, что кажется приемлемым в теории, в формулировках закона, не выдерживает испытания практикой. Другие авторы

⁵ Там же. Ч. 1. С. 97.

⁶ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 142.

усматривают в законодательстве, принятом в дополнение к судебным уставам, прежде всего ограничение его прогрессивных начал, приведение нового суда в соответствие с другими государственными институтами. А поскольку эти институты отставали по уровню развития от суда, то такого рода деятельность правительства не могла не носить элементов контрреформы.

Так, составители официального издания «Министерство юстиции за сто лет» показывают ход разработки, обсуждения и принятия поправок к уставам 1864 г., излагают на основе обширных делопроизводственных и научно-публицистических материалов их содержание. Эти изменения и дополнения представляются им направленными на улучшение, совершенствование судебного строя. Здесь подчеркивается частный характер этих поправок с целью показать, что прогрессивные начала судебной реформы 1864 г. не были поколеблены⁷.

Авторы другого официального издания - «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет», среди которых такие известные ученые, как Ю.В. Готье, Н.Н. Полянский, Б.И. Сыромятников, подходят к новеллам в уставах более объективно, видя в них не только элементы совершенствования, но и ограничения нового судебного строя⁸. Так же можно оце-

⁷ См.: Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

⁸ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет: В 2 т. Пг., 1914.

нить и известное издание «Судебная реформа» под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского⁹.

Более критично рассматривает изменения и дополнения, внесенные в уставы 1864 г., А.А. Титов в работе «Реформы Александра II и их судьба». Он пишет: «Снаружи казалось, что все в уставах Александра II по-прежнему, а внутри содержание подменялось другим, и это другое содержание иногда в корне изменяло смысл многих статей закона, а иногда шло совершенно вразрез с самыми основными, общими началами судебных установлений»¹⁰. Тем самым автор констатирует, что поправки к судебным уставам поколебали устои судебной реформы 1864 г.

В то же время следует заметить, что изменения в законодательстве о суде дореволюционные исследователи рассматривают зачастую без должной связи с эволюцией общественно-политического строя России. В их работах речь идет скорее о «саморазвитии» пореформенного суда. Хотя справедливости ради следует сказать, что в ряде работ отмечается и «политический момент» в практике правительства по изменению судебных уставов – стремление правительства превратить суды в элемент политического влияния (например, работы А.Ф. Кони,¹¹ И.Я. Фойницкого¹²). Причем, по мнению этих авторов, поправки

⁹ См.: Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского Т. 4. М., 1914.

¹⁰ Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. М., 1910.

¹¹ Кони А.Ф. Присяжные заседатели // Соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 332-333.

¹² См.: Фойницкий И.Я. Как мы провели 1878 год? Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их

к судебным уставам, преследовавшие политическую цель, проходили гораздо легче и быстрее, нежели новеллы, вызванные действительными потребностями практики.

Понятие «судебная контрреформа» впервые встречается у А.А. Кизеветтера в 1916 г.¹³ Не случайно термин появился накануне гибели самодержавного строя на страницах работы историка, кадета по своим политическим убеждениям, не причастного ни по роду деятельности, ни по времени, в которое он жил, к новому правосудию в России. Автор характеризует как судебную контрреформу законодательство, вносившее коррективы в уставы 1864 г., не определяя ее временных рамок. Понятие «судебная контрреформа» дано А.А. Кизеветтером как характеристика общей тенденции в судебной политике самодержавия.

Историографический обзор литературы по исследуемой проблеме будет неполным без выходявших в тот период времени многочисленных учебников по судоустройству, уголовному и гражданскому процессу, связанным с ними отраслям материального права¹⁴.

Ценные материалы по судебной проблематике содержатся в дореволюционных периодических юридических изданиях. Статьи

сокращению // На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. СПб., 1900. Т. 2.

¹³ См.: Кизеветтер А.А. История России в XIX веке: В 2 ч. М., 1916. Ч. 2. С. 123.

¹⁴ См., например: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912; Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1896; Т. 2. СПб., 1899.

чаще всего освещали отдельные принципы и институты судебной реформы. Так, в свое время широкую известность получила серия статей С. Хрулева о суде присяжных,¹⁵ где автор глубоко проникает в сущность этого института и дает рекомендации по совершенствованию его деятельности.

Интересный материал, который вполне может свидетельствовать о развитии в России в тот период времени не только судебной статистики, но и социологии права, содержится в книге «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. 1874-1894 гг.», составленной при участии Е.Н. Тарновского¹⁶. Эти статистические данные служат хорошей иллюстрацией применения основных принципов и институтов уставов 1864 г.

Период повышенного интереса к новому судебному строю в России заканчивается к концу 80-х гг. Судебные порядки, введенные уставами 1864 г., с помощью принятого в дополнение к ним законодательства «попритерлись» к общественному и государственному строю России. Качественный состав представителей судебного ведомства и адвокатуры несколько снизился.

Всплеск интереса к суду наблюдается по поводу создания в 1894 г. комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева. Российское общество и юридическая мысль восприняли известие о создании комиссии настороженно и не-

¹⁵ См.: Хрулев С. Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков // Журнал гражданского и уголовного права (далее - ЖГ и УП). 1886. Кн. 8-10.

¹⁶ См.: Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. 1874-1894 гг. / Сост. при участии Е.Н. Тарновского. СПб., 1899.

доуменно. Чего же следует ожидать: отказа от прогрессивных начал судебной реформы или только согласования множества законодательных актов, принятых в дополнение к уставам 1864 г.? Для дореволюционной историографии, независимо от направлений, характерна негативная оценка деятельности муравьевской комиссии.

Так, А.Ф. Кони, обращаясь к деятельности комиссии для пересмотра законоположений по судебной части в работах «Триумвиры» и «История развития уголовно-процессуального законодательства в России», в частности, замечает: «Из каких-то своих личных целей Муравьев стал подкапываться под главные устои нового суда, под суд присяжных, несменяемость судей, единство кассации, предварительное следствие...». А.Ф. Кони усмотрел в основе создания комиссии, характере и направленности ее деятельности субъективный фактор. Автор, сам входивший в состав комиссии, не видел потребности со стороны общества и государства в полном и систематическом пересмотре уставов 1864 г. и не скрывал своего удовлетворения в связи с неудачей в ее работе. А.Ф. Кони отмечал, что после пяти лет работы «...пересмотр судебных уставов был сведен к учреждению должности участкового судьи, сменяемого, ... с огромной, превышающей силы и разумение одного человека подсудностью, к уничтожению параллельного строя мировых и общих судебных учреждений, к передаче кассационных функций по огромному числу дел в судебные палаты, к передаче предварительного следствия в руки полиции и т.д.». Причины неудачи комиссии по пересмотру судебных уставов А.Ф. Кони видел не только в несостоятельности разработанных ею проектов, но и в изменившейся политической ситуации. «Лишь так

называемое «освободительное движение», — пишет он, — помещало ... осуществиться на практике»¹⁷ проектам комиссии.

Упомянутая выше работа И.В. Гессена «Судебная реформа» была написана в период обсуждения проектов муравьевской комиссии в Государственном совете, когда участь их еще не была решена, но совершенно отчетливо прослеживалось негативное к ним отношение в правительстве, в печати, внутри судебного ведомства. Итоги деятельности комиссии Н.В. Муравьева автор оценил как «проект согласования судебных уставов с условиями государственного строя»¹⁸. Если вспомнить его же характеристику суда, введенного в России реформой 1864 г., как «инородного тела в организме самодержавия», то автору, оценившему деятельность муравьевской комиссии как правительственный курс на приспособление этого «инородного тела» к основам российского государства, нельзя отказать в логике. И.В. Гессен негативно отнесся к концепции новой редакции судебных уставов, подвергнув критике институт участкового судьи с необъятной компетенцией, ликвидацию единства кассации, суд присяжных особого состава. При этом автор обратил внимание на противоречия как внутри проектов, так и между проектами и объяснительными записками к ним.

Состояние судоустройства и судопроизводства в начале XX в. уже не вызывает у дореволюционных исследователей большого интереса. На фоне реформирования высших государственных органов начала века проблема судоустройства и судопроизводства как-то меркнет, да и сами судебные порядки уже

¹⁷ Кони А.Ф. Соч. Т. 2. С. 321-322.

¹⁸ Гессен И.В. Указ. соч. С. 220.

не претерпевают столь существенных изменений. Наиболее значимым мероприятием правительства в сфере суда в начале XX в. следует признать подготовку и принятие закона о местной юстиции 1912 г. Этой реформе, например, уделялось много внимания в юбилейном издании «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет». Подчеркивалось, что от правового положения крестьян, от полного уравнивания их в правах с другими сословиями, предусмотренного законом о местной юстиции 1912 г., во многом зависело развитие российского общества.

Подводя итоги, можно отметить, что для дореволюционной историографии в оценках пореформенного суда были характерны следующие черты:

- идеализация судебных уставов 1864 г. как воплощения идеалов правосудия в жизнь, создания в России основ правового строя;

- объяснение проведения судебной реформы волей императора - одна из «великих реформ Александра II»;

- явное преобладание в оценках авторов позитивного взгляда на пореформенный суд как на самую последовательную из реформ второй половины XIX в.;

- отсутствие зачастую серьезных противоречий во взглядах на пореформенный суд среди представителей двух противоположных направлений общественно-политической мысли - охранительного и либерального - и в то же время противоречивые суждения о сущности уставов 1864 г. внутри одного направления;

- размежевание среди представителей охранительного и либерального направлений по мере введения судебных уставов

в жизнь, столкновения новых судебных порядков с реалиями российской жизни;

- обоснование изменений в судебном строе несоответствием нового суда основам российской государственности;

- стремление дореволюционных исследователей пореформенного суда объяснить как судебную реформу 1864 г., так и последующие преобразования в этой сфере прежде всего субъективным фактором, а не социально-экономическими и политическими потребностями и переменами;

- определение в законодательстве, принятом в дополнение к судебным уставам в последующий период, двух тенденций: на совершенствование судебного строя и на ограничение демократических начал уставов 1864 г.

Российская правовая традиция, в которую, несомненно, вошли многие работы, характеризующие пореформенный суд, была прервана в 1917 г. Состояние судоустройства и судопроизводства, которое было достигнуто и, по общему признанию дореволюционных исследователей, опережало развитие других государственных институтов самодержавия, было разрушено. Строилась новая советская судебная система, и содержание ее составляли иные принципы и иные институты. Казуистика дореволюционных юристов была слишком сложной в условиях новой советской действительности, где поначалу в качестве основного источника права признавалось революционное правосознание. Наследие, оставленное дореволюционными исследователями пореформенного суда, было надолго предано забвению.

В новых условиях отрицалась концепция самостоятельной и независимой судебной власти, к которой пришла дореволюционная отечественная правовая наука. Господствовавшая методо-

логия требовала подхода к проблеме судебной реформы на основе сущностных характеристик эксплуататорского государства и места суда в его карательном механизме. По выражению В.И. Ленина, буржуазный суд «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивавшим интересы денежного мешка»¹⁹. Этот постулат лежал в основе любого исследования, посвященного суду иной (не социалистической) формации. Выйти из таких жестких методологических рамок и идеологических догм было не то что сложно, но в принципе невозможно. А доминирующим фактором, обуславливающим проведение реформ или, наоборот, откат от них, считалось революционное движение. В этом ключе судебная реформа 1864 г. не могла быть ничем иным как «одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»²⁰.

Как дореволюционной историографии была характерна идеализация судебной реформы, так советской историографии была свойственна недооценка демократической направленности уставов 1864 г. Хотя в то же время признавалось, что именно судебная реформа являлась самым последовательным шагом «по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»²¹.

До 60-х гг. из-под пера советских исследователей вышло очень мало работ, посвященных судоустройству и судопроизводству России второй половины XIX – начала XX вв. Когда

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 340.

²⁰ Там же. Т. 5. С. 33.

²¹ Там же. Т. 20. С. 165.

принималось за аксиому, что социалистическое государство и право - вершина прогресса, то отвергались и отечественное правовое наследие, и сравнительное правоведение как значимая область юриспруденции.

Можно назвать некоторые работы, прямо или косвенно связанные с судебной политикой самодержавия, вышедшие в то время. Это: «Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями» Л. Слухоцкого,²² «Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг.» Н.Н. Полянского²³. Направленность и стиль работ отражены уже в названиях. Из всего многообразия принципов и институтов судеустройства и судопроизводства дореволюционной России внимание советских исследователей в этот период привлекали те, где политический аспект прослеживался в большей степени. Оценка дореволюционного суда давалась авторами с позиций использования его правительством для подавления революционного движения. Общий обзор уголовного судопроизводства дан в «Курсе советского уголовно-процессуального права» М.А. Чельцова-Бебутова²⁴.

Потребовалось время, чтобы советские исследователи, как историки так и юристы, всерьез обратились к проблеме судеб-

²² См.: Слухоцкий Л. Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. М.-Л., 1926. Т. 3.

²³ См.: Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1958.

²⁴ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1.

ной реформы 1864 г. Такого рода исследования появляются лишь в 60-е гг.

Первыми монографическими исследованиями, посвященными пореформенному суду, в советской историографии были работы Б.В. Виленского²⁵.

В монографии «Судебная реформа и контрреформа в России» значительное место отводилось Б.В. Виленским подготовке судебной реформы 1864 г., подробно анализировались проекты судебных преобразований первой половины XIX в., давался краткий обзор судоустройства и судопроизводства, введенных уставами 1864 г., была поставлена проблема судебной контрреформы. Автор видел и предпосылки судебной реформы, и последующий отказ от ее принципов и институтов в революционном движении, которое в духе времени им трактовалось широко — здесь и революционная идеология, и крестьянские выступления, и движение народников. На этом фоне роль правительства в проведении реформ 60-70-х гг. XIX в., этой «революции сверху», кажется малозначительной. Так, проектам судебных преобразований, вышедших из-под пера декабристов, затем революционеров-демократов, Б.В. Виленский уделил гораздо больше внимания, чем шедшей внутри правительственного лагеря борьбе за содержание судебных уставов. Отдавая дань господствовавшей в то время идеологии, автор в оценке принципов и институтов судебных уставов 1864 г. делал акцент не на их позитивную направленность, а на их ограниченность и непоследовательность.

²⁵ См.: Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963; Он же. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

Введенное в советскую историографию Б.В. Виленским понятие «судебная контрреформа» положило начало серьезной дискуссии, развернувшейся в последующих работах. Предметом полемики стал вопрос о том, можно ли рассматривать как судебную контрреформу принятое в дополнение к судебным уставам ограничительное законодательство или же в качестве таковой следует расценить предпринятую министром юстиции Н.В. Муравьевым попытку осуществить полный и систематический пересмотр судебных уставов.

Б.В. Виленский рассматривал в качестве судебной контрреформы принятое в дополнение к уставам 1864 г. законодательство 70-80-х гг. Движение народничества, выразившееся в различных формах - от пропаганды до террора - «послужило причиной ясно проявившегося стремления царизма отказаться от ряда институтов судебной реформы»,²⁶ то есть осуществить обратное преобразование - судебную контрреформу. Автор полагал, что, хотя уставы 1864 г. формально оставались действующим законодательным актом, провозглашенные ими принципы и институты к началу 90-х гг. были фактически ликвидированы. В одних случаях упразднялся институт как таковой, что произошло с мировой юстицией, ликвидированной на большей части территории России законом 1889 г., в других - при сохранении внешней оболочки выхолащивалась сущность института, как произошло с судом присяжных.

Б.В. Виленский, как, впрочем, и другие исследователи в тот период, недооценивая демократический характер самой судебной реформы и не видя позитивных моментов в законода-

²⁶ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. С. 232.

тельстве, принятом в дополнение к судебным уставам, переоценил роль судебной контрреформы. Вряд ли можно согласиться с мыслью автора о том, что произошла «полная ликвидация демократических институтов этих уставов в 70-80-х гг.». Провозглашенные судебными уставами принципы и институты судостроительства и судопроизводства были ограничены, урезаны, деформированы... (возможны еще синонимы), но не ликвидированы.

Вместе с тем следует прислушаться к точке зрения Б.В. Виленского о том, что судебная реформа подверглась пересмотру гораздо раньше других «великих реформ Александра II», уже с начала 70-х гг., в период правления царя-освободителя, в то время как другие реформы - к примеру земская, городская - претерпели изменения позднее, в царствование Александра III. Б.В. Виленский выделил конкретные законодательные акты, с которых начиналась судебная контрреформа - Правила 19 мая 1871 г., передававшие познания по делам о политических преступлениях в ведение чинов корпуса жандармов, - и которыми заканчивалась - Положение и Правила 1889 г., ликвидировавшие в большинстве губерний России мировую юстицию. Исследователем было высказано предположение, что «созданная в 1894 г. правительственная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева лишь подтвердила то, что было сделано царизмом с демократическими институтами судебных уставов в 70-80-х годах»²⁷. Это суждение автора не было обосновано анализом материалов комиссии.

²⁷ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России.

Б.В. Виленский руководствовался собственной оценкой мероприятий правительства 70-80-х гг., согласно которой в деле ограничения принципов и институтов судебных уставов правительству идти дальше было некуда.

Почти одновременно с опубликованием монографии Б.В. Виленского была защищена кандидатская диссертация В.А. Шуваловой, посвященная подготовке судебной реформы 1864 г.²⁸ Автор откровенно недооценивает «самую буржуазную» из реформ второй половины XIX в. в России и разоблачает реакционную сущность как политических и правовых институтов самодержавия в целом, так и принципов и институтов судебных уставов 1864 г. в частности. Если в монографии Б.В. Виленского были впервые введены в научный оборот источники, поставлены такие концептуальные проблемы, как судебная контрреформа, оценка деятельности комиссии Н.В. Муравьева, то о работе В.А. Шуваловой этого сказать нельзя.

Предметом изучения Н.А. Троицкого стали политические процессы революционеров-народников, чему посвящена серия монографических исследований, где глубокий научный анализ проблемы сочетается с живым, можно сказать, литературно-художественным стилем изложения. Автор подходит к проблеме пореформенного суда с двух позиций: 1) использование революционерами-народниками демократических принципов и институтов уставов 1864 г. в своих политических процессах;

²⁸ См.: Шувалова В.А. Подготовка судебной реформы 1864 года в России. Дис... канд. юрид. наук. М., 1965.

2) отношение самодержавия к суду как к средству своей карательной политики²⁹.

Применение судебных уставов 1864 г. в политических процессах народников очень скоро, по мнению Н.А. Троицкого, выявило неэффективность нового судебного механизма как средства борьбы с революционным движением. Ответным шагом самодержавия стала судебная контрреформа, которая проводилась правительством в 70-80-е гг. и «была направлена своим острием»³⁰ на изменение порядка производства по делам о государственных преступлениях. Однако в отличие от Б.В. Виленского Н.А. Троицкий полагает, что не следует преувеличивать результаты судебной контрреформы будто бы она полностью ликвидировала буржуазно-демократические начала судебной реформы³¹. И с этой трактовкой следует согласиться.

Осмыслению проблемы «самодержавие и суд» способствовали работы П.А. Зайончковского,³² И.В. Оржеховского,³³ где судеб-

²⁹ См.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. Саратов, 1976; Он же. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882. М., 1978; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895. М., 1979; Он же. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1894 гг. Изд. 2-е. Саратов, 1983.

³⁰ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. С. 54.

³¹ Там же. С. 50-51.

³² См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала

ная политика рассматривалась в качестве существенной составляющей внутренней политики правительства второй половины XIX в.

Одну из глав в работе «Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала 90-х годов)» П.А. Зайончковский посвятил судебным преобразованиям. Автор исследовал мотивы, которыми руководствовалось правительство, принимая в 80-е гг. тот или иной закон, ход его разработки и обсуждения в высших государственных органах. Очевидна противоречившая духу и букве уставов 1864 г. сущность этого законотворчества. Однако П.А. Зайончковский на основании изложенного пришел к следующему выводу: «ни судебные установления, ни процесс судопроизводства не были коренным образом реформированы»³⁴ законодательством 80-х гг. и судебная контрреформа не была проведена. Причиной тому, по мнению автора, послужила заинтересованность широких слоев общества, главным образом буржуазии, в судебных уставах 1864 г., защита их принципов со стороны высших чиновников министерства юстиции во главе с министром Д.Н. Набоковым.

Только полный и систематический пересмотр судебных уставов, а не внесение изменений в отдельные их статьи, счи-

90-х годов). М., 1970; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

³³ См.: Оржиховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х годах XIX века. Лекции по спецкурсу. Горький, 1974; Он же. Самодержавие против революционной России: 1826-1880 гг. М., 1982.

³⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 239.

тал П.А. Зайончковский, можно рассматривать как судебную контрреформу. А поскольку новые судебные уставы, подобно новым земскому и городовому положениям, означавшим проведение соответствующих контрреформ, так и не были приняты, осуществление в России судебной контрреформы признать нельзя. Провести судебную контрреформу, по мнению автора, предстояло комиссии, учрежденной в 1894 г. для пересмотра законоположений по судебной части под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева. Однако претворить в жизнь эти планы правительству помешал «общественный подъем, начавшийся примерно с 1892-1893 годов, рост массового рабочего движения и соединение его с социал-демократией»³⁵. Таким образом, П.А. Зайончковский выразил прямо противоположный мнению Б.В. Виленского взгляд на судебную контрреформу в России, связав ее проведение с комиссией Н.В. Муравьева.

Вряд ли следует преувеличивать поддержку судебной реформы в «верхах», в частности со стороны министра юстиции. У судебных уставов были как сторонники, так и противники, в том числе и в ближайшем окружении Александра II, затем Александра III. Министр юстиции Д.Н. Набоков не обладал должной решительностью и авторитетом, чтобы противостоять реакционным планам правительства в отношении судебных уставов 1864 г. Так, законодательство, предусматривавшее изменение порядка производства по делам о государственных преступлениях и носившее на рубеже 70-80-х гг. ярко выраженную реакционную направленность, принималось в период пребывания на посту министра юстиции не кого-нибудь другого, а именно Д.Н. Набокова. То же можно сказать и по поводу подготовки

³⁵ Там же. С. 261.

закона 20 мая 1885 г., ограничившего судебскую несменяемость, по поводу законопроектов, направленных против суда присяжных. Наконец, Д.Н. Набоков был попросту смещен со своего поста, когда это потребовалось «наверху».

Широкая поддержка судебной реформы в различных слоях общества, заставила правительство избрать путь нейтрализации демократических начал судебных уставов 1864 г., а не их отмены. Внешне казалось, что в России сохраняется демократический судебный строй, в действительности же подлинное содержание уставов, их дух менялись в результате принятия, казалось бы, частных изменений и поправок.

Несомненной заслугой П.А. Зайончковского явилось введение в научный оборот ряда архивных документов, отражающих работу так называемой муравьевской комиссии. Однако для того чтобы дать реальную оценку деятельности этой комиссии, необходимо подробно исследовать причины ее создания, ход работы и подготовленные проекты новой редакции судебных уставов. Оценить степень консерватизма разработанных комиссией Н.В. Муравьева проектов, в которых П.А. Зайончковский усматривал судебную контрреформу, можно только в сравнении как с первоначальной редакцией уставов 1864 г., так и с принятым в дополнение к уставам в 70-80-е гг. разрозненным, если иметь в виду внешнюю форму, но в то же время достаточно последовательным, если анализировать внутреннее содержание, законодательством.

Точку зрения П.А. Зайончковского на проблему судебной контрреформы разделили его ученики.

Л.Г. Захарова в работе «Земская контрреформа 1890 года» заметила, что «судебная контрреформа так и не была осущест-

влена, хотя она предусматривалась Толстым и одобрялась царем»³⁶. По мнению Л.Г. Захаровой, доклад министра внутренних дел Д.А. Толстого Александру III от 18 декабря 1886 г., основной идеей которого было введение института земских участковых начальников, «...предусматривал в перспективе пересмотр всего судоустройства»³⁷.

В.А. Твардовская в работе «Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания)» «мертворожденные» проекты муравьевской комиссии оценила как неудачу самодержавия в борьбе против судебных уставов. Как предположила автор, последовательность судебной реформы привела к тому, что ее «оказалось труднее всего вырвать из жизни»³⁸.

В России во второй половине XIX в. сложилась парадоксальная ситуация, когда суд в силу последовательности реформы 1864 г. опередил в своем развитии другие институты самодержавия, перестав быть опорой режима в условиях возросшей революционной активности народников. Правительство не могло не попытаться исправить сложившееся положение, внося в судебные уставы такие коррективы, которые позволили бы вновь сделать суд «послушным и управляемым», причем, как можно скорее.

Таким образом, в оценке судебной контрреформы обозначились два взгляда. Одни авторы вслед за Б.В. Виленским считали, что судебная контрреформа в России была проведена,

³⁶ Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М., 1968. С. 163.

³⁷ Там же. С. 98.

³⁸ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 252.

рассматривая в качестве таковой ограничительное законодательство 70-80-х гг. Эта позиция нашла отражение в вышеприведенных работах Н.А. Троицкого, в работах Н.Н. Ефремовой, А.Е. Скрипилева³⁹. Другие же исследователи во главе с П.А. Зайончковским отрицали проведение судебной контрреформы - новые судебные уставы, подобно новым земскому и городскому положению, так и не были приняты. Эта точка зрения встречается в уже упомянутых работах Л.Г. Захаровой, В.А. Твардовской, в диссертации А.К. Афанасьева⁴⁰.

Очевидно, что авторы, отождествлявшие судебную контрреформу с законодательством 70-80-х гг., зачастую преувеличили его ограничительный характер как отменявшего демократические начала уставов 1864 г. и не увидели в нем естественного стремления правительства исправить обнаружившиеся в ходе практической реализации недостатки. В то же время исследователи, связывавшие проведение судебной контрреформы с комиссией Н.В. Муравьева, всерьез не проникли ни в содержание ее деятельности, ни в сущность подготовленных проектов. Подходя формально к проблеме судебной контрреформы - обязательное принятие новых судебных уставов - они не усмотрели в новеллах 70-80-х гг. свойств, противоречивших «духу и бу-

³⁹ См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802-1917 гг. (Историко-правовое исследование). М., 1983; Скрипилев А.Е. Об одной стороне судебной контрреформы в России // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 119-123.

⁴⁰ Афанасьев А.К. Суд присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866-1885 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1978. С. 33.

кве» уставов 1864 г. и заложенной в них концепции демократического суда.

В советской историографии встречается и точка зрения, отличная от двух преобладающих, согласно которой под судебной контрреформой понимается законодательство, принятое в дополнение и изменение судебных уставов в 80-е гг. - в период курса, проводимого правительством Александра III. Так, по мнению Е.Н. Кузнецовой, «...представляется неточным включать в судебную контрреформу законы, вносящие изменения в отдельные статьи судебных уставов еще в царствование Александра II»⁴¹. Позиция автора, ограничившего хронологические рамки судебной контрреформы, все-таки тяготеет к исследованиям, обосновывающим проведение контрреформы.

Проблемы судоустройства и судопроизводства, введенных уставами 1864 г., в 70-80-е гг. XX в. исследуются «вширь» и «вглубь». Появляется серия работ, посвященных особенностям реализации судебной реформы 1864 г. в отдельных частях России. Это работы З.И. Жвании, Ф.А. Ишкулова, К.П. Краковского, А.В. Марыскина, П.Ф. Щербины⁴². Авторы обратились

⁴¹ Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80-90-х годов XIX века в России (государственно-правовая характеристика). Дис... канд. юрид. наук. Л., 1977. С. 52.

⁴² См.: Жвания З.И. Судебная реформа в Грузии (60-80-е годы XIX в.) Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1979; См.: Ишкулов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1974; См.: Краковский К.П. Судебная реформа в земле Войска Донского. Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1981; См.: Марыкин А.В. Судебная реформа 1864 г. и особенности ее проведения на территории

и к отдельным принципам и институтам уставов 1864 г. История создания и развития адвокатуры в России нашла отражение в работах Н.В. Черкасовой⁴³. Материалы по организации, составу и деятельности суда присяжных в России в период 1866-1885 гг. были обобщены в диссертации А.К. Афанасьева⁴⁴. Реорганизации прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г. были посвящены работы С.М. Казанцева⁴⁵. Взаимодействие админи-

Белоруссии. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1985; См.: Щербина П.Ф. Судебная реформа 1864 года на Правобережной Украине. Львов, 1974.

⁴³ См.: Черкасова Н.В. Судебная реформа 1864 г. и возникновение адвокатуры в России // Историко-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980; Она же. К истории русской адвокатуры // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982; Она же. Образование и развитие адвокатуры в России // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М., 1986; Она же. Формирование и развитие адвокатуры в России в 60-80-е годы XIX века. М., 1987.

⁴⁴ См.: Афанасьев А.К. Суд присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866-1885 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1978.

⁴⁵ См: Казанцев С.М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987; Он же. Роль прокурора в гражданском

страции и суда в пореформенный период стало предметом исследований Ю.Г. Галай⁴⁶.

Эволюция судебного строя России в контексте развития государственных учреждений России была дана в работах Н.Н. Ефремовой,⁴⁷ А.В. Шаврова⁴⁸. Появляются и исследования, специально посвященные судебной контрреформе⁴⁹.

Внутренняя политика самодержавия начала XX в. дала материал для исследований иного круга авторов. Реформирование высших государственных органов в русле восприятия ими элементов конституционной монархии, создание и рост активности политических партий, общественный подъем, вылившийся сначала в революцию 1905-1907 гг., а затем вообще приведший к

процессе дореволюционной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж, 1988.

⁴⁶ См.: Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX века (1866-1879 гг.). Дис... канд. ист. наук. Минск, 1979.

⁴⁷ См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи (проблемы историографии) // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980; Она же. Министерство юстиции Российской империи. 1802-1917 гг. (Историко-правовое исследование). М., 1983.

⁴⁸ См.: Шавров А.В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864-1917) // Советское государство и право. 1985. № 12; Он же. Сенат в системе юридических учреждений Российской империи (1861-1904 гг.). Дис... канд. юрид. наук. М., 1986.

⁴⁹ Скрипилев А.Е. Об одной стороне судебной контрреформы в России // Советское государство и право. 1983. № 9.

краху самодержавия, — на этом фоне изменения, происходившие в сфере суда в начале XX в., кажутся малозначительными. Новый суд, учрежденный по западному образцу уставами 1864 г., «попритерся» к российской действительности и вошел в общий строй государственных учреждений. Волна общественного внимания, сопровождавшая введение новых судебных порядков и связанные с ними судебные процессы, спала. Не случайно в работах, освещавших внутреннюю политику самодержавия в начале XX в., судебные преобразования того периода не находят отражения⁵⁰. Более значимые перемены в правительственном курсе заслуживали первоочередного внимания. Даже реформа местной юстиции 1912 г., которая у современников (будь то представители правительственного лагеря или существовавших в России партий) вызывала большой интерес, на фоне структурной перестройки высших государственных органов и агонии самодержавия меркнет и не находит отражения в историографии послеоктябрьского периода.

Состояние российского судоустройства и судопроизводства начала XX в. в советской историографии рассматривалось с позиций использования судебных органов для подавления революционного движения⁵¹.

⁵⁰ См., напр.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

⁵¹ См.: Глазунов М.М., Митрофанов Б.А. Первые Советы перед судом самодержавия (1905-1907 гг.). М., 1985; Краковский К.П. Суд и администрация в России в начале XX в. (О «независимости» суда на политических процессах)

Следует признать, что в силу господствовавших тогда догм и идеологических установок советская наука к оценке судебных преобразований второй половины XIX в. подходила односторонне, не восприняв многого из накопленного в дореволюционный период. В то же время можно констатировать, что *заслуга советской историографии в осмыслении проблемы состояла:*

- в стремлении связать судебные преобразования второй половины XIX в. с общественно-политической жизнью в России, отказавшись от господствовавшего в дореволюционный период взгляда на реформы как на акт доброй воли со стороны Александра II и его окружения;

- в отказе от идеализации судебной реформы 1864 г. и в выявлении в судебных преобразованиях правительства элементов непоследовательности;

- в стремлении дать сравнительный анализ уставов 1864 г. и принятого в дополнение к ним законодательства, а также оценить степень ограничения этими новеллами принципов и институтов судебной реформы;

- в подробном изучении политических процессов в России второй половины XIX - начала XX вв.;

- в исследовании особенностей реализации судебной реформы в различных частях России.

Для советской историографии было характерно стремление последующие изменения в судебных уставах объяснить не по-

// Правоведение. 1988. № 4; Полянский Н.Н. Указ. соч.; Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905-1907 гг. Дис... канд. юрид. наук. Иваново, 1974.

пытками правительства ввести новый суд в общий строй государственных учреждений России, а исключительно динамикой революционного движения, исходя из устоявшейся характеристики этапов революционно-освободительного движения в России и складывавшихся в стране революционных ситуаций. Поэтому советской историографии по сравнению с дореволюционной не удалось продвинуться:

- ни в осмыслении борьбы внутри правительственного лагеря за содержание уставов 1864 г.;

- ни в определении места судебной реформы в системе преобразований второй половины XIX в., их взаимодействия и взаимной обусловленности;

- ни в выяснении роли суда в механизме самодержавия, его связи с другими звеньями государственного аппарата;

- ни в оценке тех принципов и институтов, которые не имели политической направленности, но были крайне важны для обеспечения экономического развития и общественного прогресса (местная юстиция, гражданско-процессуальные нормы).

В постсоветский период меняются акценты, происходит постепенный отход от идеологических догм. Авторы в своих исследованиях больше внимания уделяют расстановке сил внутри правительственного лагеря, восстанавливают наработанные дореволюционными исследователями идеи о месте и роли суда в государственном механизме пореформенной России, об обеспечении с его помощью экономического развития страны, о применении на практике демократических принципов и институтов уставов 1864 г.

Вторым в отечественной науке послеоктябрьского периода монографическим исследованием, посвященным пореформенному

суду, стала работа М.Г. Коротких «Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России», вышедшая спустя два десятка лет после монографии Б.В. Виленского. Автор стремился «проанализировать происхождение судебной реформы, генезис ее институтов, социально-экономическую и идейно-политическую их обусловленность, классовую сущность, показать эволюцию позиции самодержавия в разработке и принятии программы судебных преобразований в России, ее трансформацию в судебных уставах 1864 г.». Исследуя борьбу групп и направлений внутри правительственного лагеря за содержание судебной реформы, роль самодержавия в судебных преобразованиях, М.Г. Коротких заметил, что «передовые принципы и институты, легшие в основу судебной реформы 1864 г., определились не сразу, а были введены в результате победы либерального направления в правительственных сферах»⁵². Ему удалось воспроизвести, как в ходе подготовки и обсуждения судебных уставы 1864 г. приобретали свои демократические очертания, восстановить «авторство» государственных деятелей в проектировании основных принципов и институтов уставов 1864 г.

М.Г. Коротких вслед за дореволюционными авторами показал взаимосвязь реформ - крестьянской, судебной, военной, местного самоуправления - и увидел смысл модернизации судебного строя по западному образцу в обеспечении поступательного развития России. Главное в работе М.Г. Коротких - это первый после долгих лет перерыва в отечественной науке позитивный взгляд на судебную реформу с провозглашенными ею началами несменяемости, гласности, состязательности, права

⁵² Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 4.

на защиту, институтом присяжных заседателей, мировой юстиции. Автор отнюдь не идеализирует уставы 1864 г., что было свойственно дореволюционной историографии. Отказавшись от присущего советским исследователям видения проблемы «сквозь черные очки», стремления показать судебную реформу как ограниченную и непоследовательную, М.Г. Коротких, очевидно, хорошо понимал, что очень скоро демократические принципы и институты судебной реформы 1864 г. войдут в жизнь современного ему общества и государства.

Осмысление проблемы продолжается в кандидатской диссертации Н.М. Корневой «Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881-1905 гг.)»⁵³. Автор отмечает, что во внутренней политике самодержавия в целом и судебной в частности тогда «сосуществовали две противоречившие друг другу тенденции: одна, направленная на консервацию отжившего свой век самодержавного строя, и вторая - на ускоренное экономическое развитие страны». При этом «отношение царского правительства к утвержденным им самим же судебным уставам, его мероприятия в области суда и права наиболее ярко характеризуют непоследовательность и противоречивость политики самодержавия»⁵⁴. Говоря о судебной контрреформе, Н.М. Корнева расширяет ее хронологические рамки: нижнюю границу судебной контрреформы она относит к 1866 г. - повороту правительства Александра II к реакции, верхнюю - к 1905 г. - приостановлению рассмотрения в Государственном

⁵³ См.: Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881-1905 гг.). Дис... канд. ист. наук. Л., 1990.

⁵⁴ Корнева Н.М. Указ. соч. С. 3.

совете проектов новой редакции судебных уставов, подготовленных комиссией Н.В. Муравьева. Автор трактует судебную контрреформу не только как законодательство, «исправлявшее» судебные уставы, но и как «проекты судебного преобразования <...>, которые не получили законодательного воплощения»⁵⁵.

Н.М. Корнева выделяет три основных периода в истории судебной контрреформы:

«1. 1866-1885 гг. - период частичных неплановых изменений положений судебных уставов под теми или иными предлогами.

2. 1885-1894 гг. - попытка проведения судебной контрреформы путем постепенных изменений судебных уставов по заранее намеченному плану.

3. 1894-1905 гг. - работа комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, редактирование проектов комиссией в министерстве юстиции и обсуждение их в Государственном совете»⁵⁶.

При таком подходе нельзя провести временную грань ни между реализацией судебной реформы и контрреформой (введение новых судов и начало контрреформы датируются 1866 г.), ни между законодательными актами и проектами судебных преобразований (реформа, как и контрреформа, - это, очевидно, преобразование, а не его проект). Сочетание тенденций реформаторства и контрреформаторства в политике правительства

⁵⁵ Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // Правоведение. 1985. № 4. С. 91.

⁵⁶ Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судоустройства... С. 32-33.

в отношении судебных уставов объективно затрудняет определение как мероприятий самодержавия, означающих судебную контрреформу, так и ее хронологических рамок.

Необходимо отметить, что в работе Н.М. Корневой использован богатейший источниковый материал, введенный ею в научный оборот впервые.

Отечественная наука не свободна от конъюнктурных веяний. В советский период все изменения в политике самодержавия обосновывались очередным подъемом или спадом революционного движения, тем самым как бы за правительством не признавалось ни воли, ни права выходить из сложившейся ситуации по своему усмотрению. В перестроечный период не принято было вообще рассматривать революционное движение как фактор, так или иначе определяющий политику правительства.

Для российской историографии 90-х гг. характерна некая эйфория в отношении к судебной реформе 1864 г., когда в стремлении реформировать современное правосудие авторы (в основном юристы, причем не только занимающиеся историей права, но и представители отраслевых наук) обращаются к отечественному наследию. Советская судебная система и провозглашавшие ее принципы и институты признаются непригодными, основанными на обвинительном уклоне, не обеспечивающими процессуальных прав и интересов личности; сравнительное судебное право как таковое у нас отсутствовало (на протяжении 70 с лишним лет упивались тем, что достигли совершенной системы, превосходящей западные образцы). Оставалось только обратиться к судебной реформе 1864 г. Тем более, что принципы и институты современного правосудия в России должны были стать созвучными господствовавшим во второй половине

XIX в.: превращение суда в самостоятельную и независимую от законодательной и исполнительной ветвь власти, несменяемость судей, суд присяжных, мировая юстиция, право обвиняемого на защиту.

В русле реконструкции опыта прошлого выходят работы А.В. Верещагиной,⁵⁷ А.М. Ларина⁵⁸ и др. Можно заметить, что особый интерес исследователей, обусловленный потребностями практики, вызывало состояние уголовно-процессуальной сферы в дореволюционной России.

Так, первые в современной России процессы с участием присяжных шли под знаком возрождения этого института. У судей, прокуроров, адвокатов отсутствовали поначалу элементарные представления о сущности института присяжных заседателей. И в этом смысле знания по истории суда присяжных в России оказались весьма полезными.

Перспектива учреждения в России института мировых судей, очевидно, также заставит реконструировать знания по истории этого института.

Среди историко-правовых исследований, появившихся в последнее время и имеющих отношение к исследуемой теме, можно назвать коллективную монографию «Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века», где наряду с другими

⁵⁷ См.: Верещагина А.В. Реформа уголовной юстиции 1864 г. и ее значение для преобразования уголовного процесса Российской Федерации. Дис... канд. юрид. наук. М., 1993;

⁵⁸ См.: Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. М., 1994.

отраслями российского права дается общая характеристика судоустройства и судопроизводства⁵⁹.

Авторы продолжают исследовать отдельные принципы и институты судебной реформы 1864 г. Так, диссертация А.Г. Мамонтова была посвящена реформе предварительного следствия во второй половине XIX века в России⁶⁰. С.Н. Гаврилов в своей работе уделяет большое внимание историческому аспекту участия адвоката в российском уголовном процессе⁶¹.

Следует заметить, что в настоящее время при изучении тех или иных принципов, институтов, норм современного российского судоустройства и судопроизводства стало общепринятым делать небольшой экскурс в дореволюционное прошлое. В то же время некорректно оценивать судебную реформу второй половины XIX в. в России по содержанию уставов 1864 г. в их первой редакции или вовсе не глядя на дату их издания, как это иногда случается. В дополнение и изменение судебных уставов 1864 г. вышла серия законодательных актов, которые зачастую не принимаются во внимание исследователями. То же можно сказать и о правоприменительной практике, которая во все не берется в расчет. Отсюда – идеализация судебной ре-

⁵⁹ Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. М., 1997.

⁶⁰ См.: Мамонтов А.Г. Реформа предварительного следствия во второй половине XIX века в России (историко-правовое исследование). Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1996.

⁶¹ См.: Гаврилов С.Н. Актуальные вопросы организации адвокатуры и участия защитника в уголовном процессе в России. История и современность. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.

формы современными авторами, особенно представителями отраслевой юридической науки.

Проблемы суда России второй половины XIX - начала XX вв. нашли отражение и в зарубежной историографии. В то время как советская историческая и историко-правовая наука, будучи связанной идеологическими догмами, абстрагировалась от многих позиций дореволюционной отечественной историографии, зарубежные исследователи продолжали работать в обозначенном ею направлении. Но в зарубежную историографию перешли и ошибки дореволюционных исследователей. В первую очередь, преувеличение роли субъективного фактора как в проведении модернизации суда, так и в неспособности в дальнейшем продолжить начатое⁶².

Вместе с тем в понимании проблемы зарубежными авторами обозначились и новые взгляды. Так, американский исследователь Р.С. Уортман отмечает, что модернизация судебной системы во второй половине XIX в. и использование правительством законности являлись отражением эволюции самодержавия в целях самосохранения. Он также обращает внимание на несоответствие нового суда общегосударственной системе и как проявление этого на сочетание в политике правительства в сфере суда реформаторских и контрреформаторских тенденций. Судебная модернизация, по мнению Р.С. Уортмана, не привела к стабильности в России. Самодержавию, раздираемому противо-

⁶² См.: Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. New York, 1953; Kaiser F.S. Die Russische Justizreform von 1864. Leiden, 1972.

речиями, не удалось выполнить миссию источника и покровителя законности⁶³.

Другой исследователь из США - В.Г. Вагнер - в своих работах основное внимание уделяет противоречиям в политике самодержавия в сфере суда, когда правительство в одно и то же время было созидателем, покровителем и антагонистом новых юридических институтов. В результате, с одной стороны, самодержавие, реформируя судебную систему, стремилось не допустить ограничения своей власти, а с другой - общество не получило надежных гарантий защиты прав и законных интересов⁶⁴.

Т.Е. Планк анализирует применение одного из основополагающих принципов судебной реформы 1864 г. - несменяемости судей. Этот принцип, вызванный к жизни потребностями общества, по мнению автора, действовал, несмотря на несоответствие его самодержавному строю. Закон от 20 мая 1885 г. не упразднил, а напротив, упрочил судебскую несменяемость че-

⁶³ См.: Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976.

⁶⁴ См.: Vagner W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies // The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54. № 3; Vagner W.G. Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861-1914 // Russian Law. Historical and Political Perspectives. Leiden, 1977.

рез применение дисциплинарного производства в отношении судей⁶⁵.

Т. Тарновский, объектом внимания которого стала деятельность комиссии Н.В. Муравьева по пересмотру судебных уставов, причины ее неудач видит в противоречиях внутри правительства. Правительство во второй половине XIX в., по его мнению, оказалось неспособным предпринять последовательный конструктивный курс - ни прогрессивный, ни реакционный⁶⁶.

В то же время зарубежным исследователям свойственно, преувеличивая роль субъективного фактора, недооценивать общественно-политическую ситуацию в России.

1.2. Источники

Источники, положенные в основу исследования, можно разделить на четыре группы: 1) нормативный материал; 2) материалы официального делопроизводства; 3) письма, дневники, воспоминания; 4) периодическая печать.

Отправной точкой исследования являются судебные уставы 1864 г. Чтобы иметь возможность не только проанализировать нормы уставов, но и восстановить мотивы, которыми руководствовался законодатель при их составлении, представилось

⁶⁵ См.: Plank T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia // William and Mary Bill Rights Journal. Winter, 1996.

⁶⁶ См.: Tarnovski T. The Aborted Counter-Reform: Muraviev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1981. № 89.

целесообразным использовать официальное издание «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны»⁶⁷.

Судебные уставы 1864 г. даны в сравнении с принятыми в дополнение к ним новеллами. Законодательные акты, принятые в изменение уставов 1864 г., приводятся по Полному собранию законов Российской империи: за 60-70-е гг. - собрание второе, с 46 по 54 том; с 1881 г. - собрание третье. В работе анализируется более тридцати нормативных актов, принятых в дополнение к судебным уставам. Следует заметить, что охватить все законодательные акты, вносившие поправки в судебные уставы, невозможно. В то же время основные из них, отражающие суть законодательной политики самодержавия в сфере суда в означенный период и существенные изменения в судостроительстве и судопроизводстве, в работе представлены.

Материалы официального делопроизводства взяты из фондов различных государственных архивных хранилищ: *Российского государственного исторического архива* (далее РГИА); *Государственного архива Российской Федерации* (далее ГАРФ); *отдела рукописей Российской государственной библиотеки* (бывшей ленинской) (далее РГБ); *отдела рукописей Российской национальной библиотеки* (бывшей библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) (далее РНБ); *Государственного архива Саратовской области* (далее ГАСО).

Большая часть материалов официального производства по данной проблеме хранится в фондах различных государственных органов РГИА. Применительно ко второй половине XIX в. боль-

⁶⁷ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1-4. СПб., 1867.

шинство нормативных актов проходило через департамент законов Государственного совета, некоторые (например, «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г.) - через Комитет министров.

В фонде департамента законов РГИА (ф. 1149) хранятся дела: «Об издании правил относительно порядка действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений» (оп. 8 - 1871, д. 35); «О некоторых изменениях в правилах о судопроизводстве по делам о государственных преступлениях и в постановлениях Уложения о наказаниях о заговорах и противозаконных сообществах» (оп. 8 - 1872, д. 36); «Об изменении некоторых постановлений судебных уставов, касающихся частных поверенных по судебным делам» (оп. 8 - 1873, д. 39); «Об изменении некоторых статей закона 7 июня 1872 г., определяющих порядок производства дел о государственных преступлениях» (оп. 9 - 1878, д. 17); «Об изменении подсудности и порядка производства дел о преступлениях, предусмотренных статьями 263-271, 285 и 395 Уложения о наказаниях (изд. 1866 г.), а также дел о некоторых других, наиболее тяжких преступлениях против должностных лиц» (оп. 9 - 1878, д. 18); «О порядке исследования, направления и разрешения дел о государственных преступлениях» (оп. 9 - 1882, д. 63); «Об изменении некоторых постановлений о присяжных заседателях» (оп. 10 - 1884, д. 58); «Об изменении порядка составления списков присяжных заседателей» (оп. 10 - 1884, д. 63); «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» (оп. 10 - 1885, д. 26); «Об утверждении Положения о земских

участковых начальниках, съездах сих начальников и о губернских по сельским делам присутствиях» (оп. 11 - 1889, д. 44 а); «Об утверждении правил о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям» (оп. 11 - 1889, д. 78).

Каждое из этих дел, как правило, содержит: представление министра юстиции (именно из министерства юстиции чаще всего поступали законопроекты), иногда еще и представление министра внутренних дел; отзывы и замечания заинтересованных министерств и ведомств на законопроект; сравнительное изложение соответствующих статей судебных уставов 1864 г. и проектируемых изменений; журналы или мемории заседаний Соединенных департаментов и общего собрания Государственного совета, отражающие ход дискуссий вокруг законопроектов.

В составе Государственного совета создавались Особые совещания для тщательной проработки того или иного вопроса. Так, в РГИА существует фонд Особого в составе Государственного совета совещания для подробного обсуждения законопроектов по пересмотру законоположений по судебной части (ф. 1587), который отражает ход обсуждения проектов новой редакции судебных уставов, подготовленных комиссией под председательством Н.В. Муравьева.

В фонде министерства юстиции РГИА (ф. 1405) хранятся материалы с предложениями заинтересованных ведомств и лиц по пересмотру судебных уставов, отражающие закулисную борьбу по поводу разработки и принятия новелл к судебным уставам. Так, например, в фонде министерства юстиции хранится записка прокурора Одесской судебной палаты Евреинова «О результатах практического применения Правил 19 мая 1871 г. о

порядке действий чинов корпуса жандармов по расследованию преступлений» (1879 г.). Она отражает значение данного закона как первой серьезной меры в системе мероприятий правительства по ограничению демократического характера уставов 1864 г.

В фонде министерства юстиции хранятся материалы комиссии под председательством Н.В. Муравьева (ф. 1405, оп. 515). Большая часть этих документов вошла в 42 тома, опубликованных комиссией. «Подготовительные материалы», изданные в 12-ти томах для обеспечения работы комиссии ее делопроизводством, содержат: перечень законодательных актов, принятых в дополнение к уставам 1864 г. до 1894 г.; законодательные предположения по вопросам судоустройства и судопроизводства; руководящие разъяснения Сената; отзывы ведомств и отдельных лиц о состоянии суда в России за это же время; систематический указатель литературы по теме⁶⁸. В 9 томов «Трудов» комиссии вошли: материалы совещания старших председателей и прокуроров судебных палат, созванного в декабре 1894 г. в связи с началом работы комиссии; результаты ревизий судов, проводившихся министерством в 1895 г.; статистические данные и разного рода иные сведения, представленные судами на запросы комиссии⁶⁹. Проекты новой редакции судебных уставов (учреждения судебных установлений, уставов уголовного и гражданского судопроизводства) содер-

⁶⁸ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. (Далее Высоч. учр. комис.). Подготовительные материалы. СПб., 1894-1896. Т. 1-12.

⁶⁹ Высоч. учр. комис. Труды. СПб., 1895-1899. Т. 1-9.

жат более 4,5 тыс. статей и 16 томов объяснительных записок к ним⁷⁰. Были также изданы «Особое приложение к судебным уставам о волостном судебном устройстве в Прибалтийских губерниях» с объяснительной запиской⁷¹ и «Свод отзывов ведомств по выработанным комиссией законопроектам»⁷².

Материалы муравьевской комиссии в свое время были изданы довольно большим тиражом и не только разосланы в заинтересованные ведомства, но и поступили в продажу. В настоящее время они хранятся в ряде российских библиотек и относительно доступны для исследователя. Эти материалы интересны не только для осмысления политики правительства, предпринявшего в конце XIX в. полный и систематический пересмотр системы судоустройства и судопроизводства, но и с позиций обобщения практики применения уставов 1864 г. за тридцать лет.

Политику самодержавия в сфере суда позволяют восстановить также ежегодные печатные «всеподданнейшие» отчеты министерства юстиции. Следует заметить, что представление

⁷⁰ Высоч. учр. комис. Проект новой редакции учреждения судебных установлений. Объяснительная записка к проекту... Т. 1-5; Проект новой редакции устава уголовного судопроизводства. Объясн. зап. к проекту... Т. 1-5; Проект новой редакции устава гражданского судопроизводства. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-6.

⁷¹ Высоч. учр. комис. Особое приложение к судебным уставам о волостном судебном устройстве в Прибалтийских губерниях. Объясн. зап. к нему. СПб., 1900. Т. 1.

⁷² Высоч. учр. комис. Свод отзывов ведомств по выработанным комиссией законопроектам. СПб., 1901.

этих отчетов не было регулярным. В исследуемый период отсутствуют отчеты с 1869 по 1885 гг. Поэтому данный источник позволяет почерпнуть сведения лишь о некоторых интересующих нас мероприятиях правительства, в частности, о законах 1887 г. об ограничении гласности и изменении порядка составления списков присяжных заседателей, 1889 г. - об изъятии некоторых категорий дел из компетенции суда присяжных и о введении института земских участковых начальников.

Материалы официального делопроизводства хранятся и в личных фондах РГИА: Н.В. и В.Н. Муравьевых (ф. 995); графов Пален (ф. 272); А.В. Головнина (ф. 851); И.Л. Горемыкина (ф. 1626).

Так, в фонде Муравьевых хранится рукопись министра юстиции Н.В. Муравьева «О необходимости изменений судебных учреждений и судебных порядков» (1894 г.) - программа деятельности комиссии по пересмотру судебных уставов (ф. 995, оп. 3, д. 15). Содержащаяся в том же деле печатная копия записки К.П. Победоносцева от 30 октября 1885 г. с планом систематического преобразования принципов и институтов судебной реформы позволяет проследить связь между законодательством о судоустройстве и судопроизводстве 80-х гг. XIX в. и деятельностью муравьевской комиссии.

Материалы Совещания, образованного при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (1905-1906 гг.) (ф. 1544), отражают подход правительства к судебной власти в контексте переустройства государственных органов в начале XX в.

Были использованы фонды отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Так, в фонде А.В. Головнина хранится

представление Петербургского совета присяжных поверенных в Государственный совет по поводу предложения министра юстиции о предоставлении ему права исключать поверенных из сословия (ф. 208, оп. 539, д. 118). Эта идея министра юстиции не была реализована.

В фонде Воронцовых-Дашковых отдела рукописей Российской государственной библиотеки удалось обнаружить материалы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (р. 2, п. 13, д. 2). В этом Совещании в 1904 г. было начато обсуждение вопроса о необходимости реформы местной юстиции. Далее обсуждение законопроекта перешло в Государственную думу и Государственный совет, пока, наконец, закон не был принят в 1912 г.

Обусловленная структурными изменениями высших государственных органов в начале XX в. процедура принятия законов требует обращения к другим источникам - это опубликованные стенографические отчеты Государственной думы и Государственного совета. Были использованы издания, хранящиеся в фондах Государственной исторической библиотеки. С помощью этих источников удалось, например, восстановить в деталях процесс подготовки и принятия закона о местной юстиции 1912 г., проходившего в Государственной думе трех созывов, вызвавшего бурные дебаты и в Государственном совете. Реформа местной юстиции - наиболее существенное судебное преобразование в России начала XX в.

Из фондов Государственного архива Саратовской области в настоящем исследовании были использованы фонды Саратовского окружного суда (ф. 8), Саратовской судебной палаты (ф. 9) и Саратовского губернского жандармского управления (ф. 53).

Были использованы письма, дневники и воспоминания государственных и судебных деятелей России второй половины XIX – начала XX вв. Это дневники П.А. Валуева,⁷³ воспоминания С.Ю. Витте,⁷⁴ Д.А. Милютина,⁷⁵ письма и записки К.П. Победоносцева,⁷⁶ воспоминания А.А. Половцова,⁷⁷ Е.М. Феокистова,⁷⁸ А.Ф. Кони,⁷⁹ Н.С. Таганцева,⁸⁰ Е.И. Козлининой⁸¹ и др.

Важная составляющая часть использованных в работе источников – периодическая печать. Правительство уделяло много внимания идеологическому обоснованию проводимого им кур-

⁷³ См.: Валуев П.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1961.

⁷⁴ См.: Витте С.Ю. Воспоминания / Под ред. А.И. Сидорова: В 3 т. М., 1960. Т. 1, 2.

⁷⁵ См.: Милютин Д.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. М., 1950. Т. 3, 4

⁷⁶ См.: Письма Победоносцева Александру III. В 2 т. М., 1925–1926. Т. 1, 2; Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред. М.Н. Покровского. М-Пг., 1923. Т. 1. Полутом 1, 2.

⁷⁷ См.: Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1966. Т. 1, 2.

⁷⁸ См.: Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. / Под ред. Ю.Г. Оксмана. Л., 1929.

⁷⁹ См.: Кони А.Ф. Соч.: В 8 т. М., 1966–1968. Т. 1–4.

⁸⁰ См.: Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919.

⁸¹ См.: Козлинина Е.И. За полвека. Записки старейшей русской журналистки (пятьдесят лет в стенах суда). 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.

са. Поэтому периодическая печать того времени точно отражала повороты в политическом курсе правительства.

Яркий пример - публицистика М.Н. Каткова. Выступая вначале на страницах «Московских ведомостей» в поддержку судебных уставов, он, по мере того как новые судебные порядки приходили в столкновение с другими государственными институтами, постепенно менял тон. С начала 70-х гг. М.Н. Катков перешел к критике основных принципов и институтов уставов 1864 г., а в 80-е гг. обрушился на них яростными нападками. «Самодержавием в самодержавии» называл М.Н. Катков судебскую несменяемость и независимость. «Суд улицы», «суд толпы», «игрушка в руках защиты» - звучали определения в адрес суда присяжных. У М.Н. Каткова идеализация судебной реформы постепенно переходит в более взвешенное отношение, затем - в критику. Чем дальше, тем резче становится эта критика. Издания М.Н. Каткова завершаются 1887 г.

К концу 80-х гг. в обществе обозначился спад интереса к суду. Печать служила здесь своего рода индикатором. Новый всплеск интереса к проводимой в судебной сфере политике правительства произошел в связи с созданием в 1894 г. комиссии для полного и систематического пересмотра судебных уставов. Для исследователя важны оценки деятельности комиссии, встречающиеся в периодических изданиях различных направлений.

В начале XX в. выразителем интересов правительства в периодической печати выступал В.П. Мещерский с его «Гражданином». Уровень статей и степень понимания им состояния дел в судебном ведомстве, безусловно, не сравнимы с

М.Н. Катковым. Тем не менее, статьи В.П. Мещерского вполне отражали общий настрой правительства.

Ценным источником по истории судоустройства и судопроизводства в России является «Журнал министерства юстиции». Издание было основано в 1859 г., в период подготовки реформы 1864 г., когда отчетливо осознавалась потребность в специальном научно-практическом печатном органе для судебного ведомства. Спустя 11 лет издание журнала было прекращено. Возможно, это произошло не случайно. С начала 70-х гг. в судебной политике происходит отход от принципов и институтов судебной реформы, и издание журнала, выражавшего настроения внутри судебного ведомства, по-видимому, противоречило устремлениям правительства. Журнал стал издаваться вновь с 1894 г. и должен был «послужить верным отражением взглядов министерства юстиции и указателем направления его деятельности»⁸². Таким образом, данный источник отражает не все периоды в рамках настоящего исследования. Но этот журнал позволяет в деталях воспроизвести деятельность муравьевской комиссии, причем довольно объективно, без скидок на то, что издание правительственное.

Другое, не менее интересное юридическое периодическое издание в исследуемый период – «Журнал гражданского и уголовного права». Его содержание создает отчетливое представление о состоянии дел в судебном ведомстве. В статьях высказываются мнения о путях совершенствования законодательства и судебной практики.

⁸² Журнал министерства юстиции (далее Ж М Ю). 1894. № 1. С. 4.

Остается добавить, что публиковавшиеся в то время в юридических периодических изданиях статьи свидетельствуют о высоком уровне развития науки и практики. Даже через столетие многие позиции этих статей звучат современно.

К чести государственных деятелей и юристов прошлого следует заметить, что как опубликованные, так и содержащиеся в архивных хранилищах источники по проблеме суда России второй половины XIX - начала XX вв. позволяют полно и всесторонне исследовать судебную политику самодержавия, установить авторов-разработчиков каждого законопроекта. Достаточно назвать 74-томное дело по подготовке судебной реформы 1864 г., 42 тома материалов комиссии Н.В. Муравьева, материалы департамента законов Государственного совета, периодические юридические издания.

Глава 2

Самодержавие и пореформенный суд

2.1. Демократический суд в механизме самодержавия

В российских реформах второй половины XIX в. современного исследователя притягивает умение правительства Александра II с относительно малыми для себя потерями выйти из кризисной ситуации на рубеже 50-60-х гг., определить оптимальные направления преобразований, обеспечивая при этом продвижение страны по пути развития.

Либеральное окружение Александра II, не меняя основ государственного устройства (были сохранены форма правления в виде абсолютной монархии, система органов управления в центре и на местах), выявило приоритеты в реформировании, обеспечившие экономическое и социальное развитие российского общества и государства.

Правительство Александра II осознало колоссальное отставание России от передовых европейских стран и необходимость вхождения в русло мировой цивилизации. Поражение в Крымской войне 1853-1856 гг. поставило самодержавие перед выбором: либо российской империи сойти на нет как великой державе, либо попытаться догнать передовые страны Запада. Уступая набравшей силу общей тенденции экономического развития и под угрозой новой «пугачевщины», создаваемой антикрепостническим движением крестьянства, правительство пошло по пути реформирования - начало подготовку отмены крепост-

ного права, а также реформ местного самоуправления, образования, финансовой, судебной, военной, полицейской.

19 февраля 1855 г. в крайне неблагоприятных для страны обстоятельствах на престол вступил 36-летний Александр II. Спустя год в речи, произнесенной им 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства, монарх впервые вынужден был провозгласить известный принцип: «лучше отменить крепостное право "сверху", нежели дожидаться того времени, когда оно начнет отменяться "снизу"».

Крестьянская реформа, занявшая центральное место в ряду преобразований второй половины XIX в. в России и предоставившая крестьянам, составлявшим 8/10 населения страны, личную свободу, сделала возможным проведение и других реформ.

Манифест и Положение 19 февраля 1861 г., сохранив экономическую зависимость крестьян, тем не менее предоставили им личную свободу, выражавшуюся в возможности заключать гражданские сделки, выступать в суде в качестве истца и ответчика, открывать торговые и промышленные заведения. Экономическая свобода для крестьян задумывалась правительством как производная от личной свободы. Хотя в центре развития деревни продолжала оставаться не личность крестьянина, а «мир», община, предоставленная крестьянину правоспособность вела к расслоению деревни и кризису общины, следовательно, к экономической свободе как основе формального равенства.

Вслед за крестьянской была проведена судебная реформа 1864 г., которая обеспечивала защиту отношений собственности и прав личности. Были образованы органы земского (1864 г.) и городского (1870 г.) самоуправления, взявшие на себя решение наболевших проблем в хозяйственной и социаль-

ной сферах. Эти реформы были призваны обеспечить экономическое и социальное продвижение страны без радикальных, как казалось поначалу, перемен в государственном строе, демократизировать российскую действительность в определенных, четко очерченных рамках.

Правительство Александра II, вынужденное пойти на уступки в политической сфере, стремилось «откупиться по возможности»¹ теми из них, которые, по его мнению, позволяли сохранить самодержавную власть, — прежде всего реформами местного самоуправления и суда.

Введение элементов представительства в России было начато снизу, с земств. Органы земского самоуправления становились связующим звеном между обществом и правительственным аппаратом. Реформаторы попытались разделить государственную власть и ответственность на местном уровне с представителями земских обществ. Различные сословия, в том числе и крестьяне, получившие по реформе 1861 г. личную свободу, через органы местного самоуправления (губернские и уездные собрания и управы) были допущены к решению экономических и социальных вопросов местного значения.

Снабжение продовольствием, здравоохранение, просвещение, попечительство, благоустройство населенных пунктов — все эти проблемы, составляющие обыденную, каждодневную жизнь человека, в принципе могут быть в значительной степени разрешены через механизм местного самоуправления. Решение этих проблем вовсе не обязательно поднимать на общегосударственный уровень. В сложные, переходные для общества

¹ Валуев П.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 252.

моменты, каким и была эпоха реформ, проводимых правительством Александра II, значительно возрастает роль органов местного самоуправления. Правительство как бы передает им часть своих полномочий. А население, которое в свою очередь не в состоянии дожидаться, когда его насущные нужды будут урегулированы «сверху», на уровне власти, принимается решать свои проблемы «снизу». Оптимальной организационно-правовой формой здесь являются органы местного самоуправления, действующие в пределах предоставленной им компетенции.

Российские земские учреждения, как и созданные вслед за ними органы городского самоуправления (городские думы и управы), имели общественную природу. Не входя в систему государственных органов, не имея «ни головы» — земского учреждения общероссийского уровня, «ни ног» — соответствующих органов на уровне волости, действуя в пределах четко очерченной в законодательстве компетенции, располагая собственными бюджетными средствами, органы местного самоуправления взяли на себя решение значительного круга социально-экономических проблем, сгладили тем самым противоречия между обществом и государством и обеспечили более или менее стабильный общественный порядок.

Параллельно с земской шла судебная реформа. Составители Положения о земских учреждениях 1 января 1864 г. ориентировались на судебные уставы 20 ноября 1864 г. и, наоборот, правительство при открытии новых судебных установлений в той или иной части России учитывало введение в этой местности органов местного самоуправления.

Правительство предусмотрело возможность взаимодействия реформ в ходе их реализации: крестьянская реформа обеспечи-

валась судебными гарантиями защиты экономических и личных интересов населения; судебная система формировалась при посредстве земств (земства участвовали в выборах мировых судей, в составлении списков присяжных заседателей); суды вправе были разрешать споры между органами местного самоуправления и государственной власти. Реформы были созвучны друг другу по цели, характеру, принципам.

Общими принципами, на которых строилась деятельность органов местного самоуправления и новых судебных установлений стали: законность (противопоставлялась всевластию бюрократии); выборность, которая пронизывала всю систему органов местного самоуправления (в судебной реформе она проявлялась в порядке формирования мировых судебных установлений и участия общественного элемента в суде); гласность как форма контроля общества за органами местного самоуправления и юстиции; независимость от администрации (Положение о земских учреждениях 1864 г. фиксировало: «Земские учреждения, в кругу вверенных им дел, действуют самостоятельно»;² что касается судебной реформы, то ни одно должностное лицо, включая царя, не могло вмешиваться в решение судом уголовных и гражданских дел); равенство (органы местного самоуправления были призваны решать вопросы в интересах всех сословий, судьи при рассмотрении споров должны были исходить из принципа равенства всех перед судом).

Одним из первых пожеланий, обнародованных при вступлении Александра II на престол в Манифесте 19 марта 1856 г.,

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях (далее - Положение) // Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2. № 40457.

было: «правда и милость да царствуют в судах». Порядок преобразования судебного строя был следующим: сначала указаны основные недостатки судопроизводства по своду 1857 г., затем определены главные начала преобразования, в соответствии с которыми 29 сентября 1862 г. высочайше утверждались «Основные положения преобразования судебной части в России», вошедшие в Полное собрание законов³. В 1 и 2 статьях «Основных положений» отражено, что власть судебная отделялась от административной и законодательной.

В указе Александра II Сенату от 20 ноября 1864 г., вводящем в России новые суды, сказано: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»⁴.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. включали в себя четыре части: 1) Учреждение судебных установлений; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Устав гражданского судопроизводства; 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

³ См.: ПСЗ. Собр. 2-е. № 38761.

⁴ Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Уст. гражд. суд. СПб., 1867. С. XXXVIII.

Судебная реформа 1864 г. была самой демократичной среди преобразований 60-70-х гг. XIX в. в России. Радикализм судебной реформы определялся рядом факторов:

- крайней отсталостью российской дореформенной юстиции, не претерпевшей изменений на протяжении длительного периода времени;

- необходимостью с помощью демократизации судостроительства и судопроизводства обеспечить экономическое развитие страны;

- победой либерального направления в правительстве в ходе подготовки судебных уставов 1864 г.;

- недооценкой роли суда в государственном механизме - окружение Александра II полагало, что введение построенного на демократических принципах суда не изменит формы правления.

Успех других преобразований второй половины XIX в., экономика страны, по мысли реформаторов, в значительной степени зависели от состояния судебной сферы.

Применительно к реформе 1864 г. нельзя говорить ни о преемственности старого и нового суда, ни о трансформации отечественной правовой традиции. Конструкция судебной реформы 1864 г. аккумулировала теоретические доктрины о суде Монтеスキё, Бентама, Беккариа, Миттермайера, опыт судостроительства и судопроизводства в таких странах, как Франция, Италия, Германия, Бельгия, «общечеловеческие начала» суда, воплощенные в законодательстве стран Европы⁵.

⁵ См.: Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 98-99.

Судебная реформа 1864 г. определила направление правового развития России второй половины XIX – начала XX вв. В ряду отраслей и институтов права России самодержавие отдавало предпочтение именно демократизации судебной системы, гражданского и уголовного судопроизводства. В стране продолжало действовать дореформенное Уголовное уложение 1845 г., правда, в уголовное материальное право были внесены поправки, исключавшие его откровенно крепостнические нормы (например, отмена в 1863 г. телесных наказаний для низших сословий). Гражданское уложение в России так и не было принято, хотя проект его был разработан в начале XX в. В сфере гражданского материального права продолжало действовать множество разрозненных законодательных актов. В этой связи уместно вспомнить высказывание В. Случевского, который писал: «Каждое лицо может легче ограничить себя от применения худого уголовно-материального законодательства, нежели от действия худого уголовно-процессуального законодательства, так как первое применяется только к тем лицам, виновность которых установлена при посредстве второго»⁶. Автор подчеркивал приоритет норм уголовно-процессуального над нормами уголовного материального права. Точно так же составители судебных уставов 1864 г. уделяли первоочередное внимание гражданско-процессуальным формам и способам защиты личных имущественных прав, нежели их регламентации в гражданском материальном праве.

Конечно, в идеале демократизация должна пронизывать одновременно все отрасли права. Но если подобное не представ-

⁶ Случевский В. Учебник уголовного процесса. СПб., 1895. С. 27.

ляется возможным, то реформаторы вынуждены определять приоритеты, выбирать то, что имеет первоочередное значение и может служить базой для проведения последующих преобразований.

Принципы, которые в других странах получили право на существование в результате революций и нашли законодательное закрепление в конституциях (независимость судебной власти как проявление принципа разделения властей, презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту, гласность и состязательность процесса, участие общественности в лице присяжных заседателей в отправлении судопроизводства), в России были провозглашены по инициативе правительства - «революция сверху» - и впервые законодательно закреплены не на конституционном уровне, а судебными уставами 1864 г. - законодательными актами, реформировавшими судоустройство и судопроизводство. Те принципы, которые в других странах традиционно носят характер конституционных, в России впервые появились на уровне отраслевого законодательства и касались только одной сферы - судебной. И все же в глубинном понимании это было одним из проявлений эволюции самодержавия по пути превращения его в конституционную монархию.

По свидетельству государственного секретаря А.А. Половцова, Александр III считал, что судебные уставы «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был бы первый шаг»⁷.

⁷ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 228. (Запись от 30 мая 1884 г.).

По мнению В. Фукса, придерживавшегося весьма консервативных взглядов, «...в новом суде подозревали не только гарантию правильности решения гражданских и уголовных дел, но и могущественное орудие против произвола полиции, против посягательства администрации на личную свободу граждан, своего рода политический habeas corpus – исходную точку в недалеком будущем целого арсенала конституционных порядков»⁸.

Е.А. Скрипилев в статье, вышедшей в 1987 г., писал о «связи, существующей между конституционализмом и новой (по существу буржуазной) судебной системой. Отделение суда от администрации тоже есть признак конституционализма, один из его атрибутов»⁹. В современной отечественной историографии, пожалуй, впервые здесь дается оценка судебной реформы 1864 г. в контексте конституционного развития России.

Таким образом, правительство Александра II, чтобы сохранить самодержавие, идет на уступки в виде судебной реформы. Тем самым в российскую государственность был введен элемент конституционного строя – самостоятельная и независимая судебная власть. Стремясь избежать превращения России в конституционную монархию, самодержавие уже само вступило на этот путь. Вот суть противоречия, которое породила судебная реформа и которое впоследствии будет обостряться,

⁸ Фукс В. Суд и полиция: В 2 ч. М., 1889. Ч. 2 С. 2.

⁹ Скрипилев Е.А. «Императорская партия» в борьбе против конституции и конституционализма // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987. С. 85.

все глубже захватывая не только судебную сферу, но и государственность в целом.

Известный французский процессуалист XIX в. Ф. Эли отмечал тесную связь процессуальных принципов с принципами конституции: «Процессуальные формы воспроизводят различные принципы конституции, они там берут дух и тенденции, они являются их необходимым последствием, они непрерывно изменяются, чтобы следовать конституции в своих изменениях. Гарантии обвиняемого увеличиваются или уменьшаются в соответствии с принципами управления последних...»¹⁰. Очевидно, существует и обратное воздействие: влияние начал судеустройства и судопроизводства на государственность в целом.

Значимость того или иного исторического события или явления принято оценивать не по тому, что не было сделано по сравнению с нашими сегодняшними представлениями о нем, а по тому, что оно привнесло в общество и государство по сравнению с предшествующим.

Достоинства судебной реформы 1864 г. проявляются особенно отчетливо на фоне дореформенных судебных порядков. Множественность судебных инстанций (сословные суды, магистраты, ратуши, надворные суды и т.п.) с неопределенной подсудностью, с различным порядком судопроизводства затрудняла обращение в суд за защитой прав и законных интересов. Так, в дореформенном гражданском процессе действовали: общий, четыре главных, шестнадцать особенных порядков судопроиз-

¹⁰ Цит. по: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1. С. 582.

водства¹¹. Неопределенность процессуальных сроков, неограниченное число бумаг, подаваемых тяжущимися зачастую лишь с целью замедлить дело, неточность законов о судебных издержках порождали волокиту в судах и произвол со стороны судебных чиновников. Излишне строгие формальности в отношении внешней формы исковых прошений требовалось соблюдать при полном отсутствии правил об их внутреннем содержании.

Одни и те же органы государства выполняли одновременно административные и судебные функции. Смешение полицейской и судебной власти, элементы розыскного процесса (например, требования канцелярской тайны) были привнесены не только в уголовный, но и в гражданский процесс, придавая несвойственные ему черты.

Уголовный процесс накануне реформы 1864 г. носил инквизиционный характер (за исключением применения пыток, которые были отменены в 1801 г.) с формальной оценкой доказательств, когда «лучшим свидетельством всего света» считалось собственное признание обвиняемого, сила доказательств была заранее определена законом, не зависела от их внутреннего содержания. Система доказательств не была разработана.

В гражданском судопроизводстве использовался такой архаичный вид доказательств, как присяга тяжущихся. За неправильные иски и за подачу апелляционной жалобы, признанной судом неправильной, взыскивались штрафы, что, может быть, преследуя благую цель предотвратить подачу неправомερных прошений и жалоб, в конечном счете ограничивало права лица на защиту его законных интересов.

¹¹ См.: Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. Уст. угол. суд. СПб., 1867. С. VIII.

Правом представительства в дореформенном суде обладали стряпчие и ходатаи, которые при неопределенности норм материального и процессуального права приспосабливались легко их обходить, в чем, собственно, и состояло мастерство этих представителей. На дореформенных стряпчих и ходатаев не распространялся механизм ответственности, традиционно действующий внутри адвокатской корпорации.

Нельзя не отметить, что с принятием уставов 1864 г. реформировалась одновременно вся система судоустройства и судопроизводства. Отказавшись от хаотичной системы сословных судов, *судебные уставы ввели стройную систему судебных органов со строго очерченной компетенцией*. Параллельно действовали *система мировых судов* для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел, замыкавшаяся на уровне уезда, и *система общих судебных установлений* (окружные суды, охватывавшие территорию нескольких уездов, и судебные палаты, юрисдикция которых распространялась в пределах нескольких губерний). Высшей судебной инстанцией, объединявшей систему мировых и общих судов, был Сенат.

Судебная система России по уставам 1864 г. имела следующие очертания.

Мировой судья, избираемый на 3 года представительными органами местного самоуправления (уездными земскими собраниями или городскими думами) из среды местных обывателей на основе образовательного, служебного и имущественного ценза. Участковому мировому судье были подсудны уголовные дела, если предусмотренное в законе наказание не превышало 1 года лишения свободы, или гражданские с суммой иска не свыше 500 руб. Наряду с участковыми были учреждены должности по-

четных мировых судей, которые по просьбе сторон или при отсутствии участковых мировых судей рассматривали подсудные им дела.

Уездный съезд мировых судей - вторая апелляционная, инстанция для дел, рассмотренных мировыми судьями, в составе всех участковых и почетных судей уезда.

Параллельно с системой мировых судов действовала система общих судебных установлений:

Окружной суд, рассматривавший уголовные и гражданские дела, выходившие за пределы подсудности мирового суда. Уголовные дела, по которым в законе было предусмотрено наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния, рассматривались окружным судом с участием присяжных заседателей.

Судебная палата - апелляционная инстанция для дел, рассмотренных окружным судом без участия присяжных, суд первой инстанции для государственных и должностных преступлений. Судебная палата была разделена на департаменты. При рассмотрении судебной палатой дел в качестве суда первой инстанции участвовали сословные представители (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова, волостной старшина).

Согласно ст. 212 Учреждения судебных установлений председатели, товарищи председателей и члены окружных судов, в том числе и судебные следователи, а также старшие председатели, председатели департаментов и члены судебных палат назначались высочайшей властью по представлению министра юстиции.

Кассационные департаменты Сената - единственная в империи кассационная инстанция, призванная обеспечить единство судебной практики, охранять правила и обряды судопроизводства и тем самым служить опорой законодателю.

Сенат венчал систему судебных органов. Наряду с вновь созданными в ходе реформы департаментами в его составе сохранялись старые структуры, выполнявшие административные полномочия. Сенат был достаточно громоздким учреждением, наделенным не только судебной, но и административной властью.

Судебными уставами 1864 г. были провозглашены принципы равенства всех перед судом, независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласности, устности, состязательности; презумпция невиновности; право обвиняемого на защиту; оценка доказательств по внутреннему убеждению судьи. Учреждались институт судебных следователей, адвокатура, суд присяжных; реорганизовывалась прокуратура.

Не случайно из четырех томов, составлявших судебные уставы в первоначальной редакции 1864 г., первый том содержал Устав гражданского судопроизводства, призванный обеспечить поступательное движение экономики России, развитие гражданского оборота, защиту прав личности в сфере экономики, умирить столкновения прав и интересов частных лиц по вопросам собственности и обязательств.

В гражданском судопроизводстве вводились следующие правила:

- были выделены два порядка судопроизводства: общий (пространный), простой (сокращенный);

- полицейская власть отделялась от судебной и с этой целью учреждались мировые суды;

- гражданские дела подлежали рассмотрению не более чем в двух инстанциях;

- вместо следственного процесса в гражданских тяжёлых делах был учрежден процесс состязательный;

- сторонам предоставлялось право на получение квалифицированной юридической помощи;

- простые и малозначительные дела подлежали рассмотрению в сокращенном порядке;

- запрещалась подача тяжущимися неограниченного числа бумаг, количество их было сокращено - по две с каждой стороны;

- были упорядочены судебные издержки;

- устанавливались правила о доказательствах и отменено право суда назначать присягу тяжущемуся как судебное доказательство;

- предусматривалось участие в гражданском процессе прокурора как представителя государства;

- устанавливались правила о постановлении вопросов при решении дел, и судам вменялось в обязанность мотивировать свои решения;

- отменялись штрафы за неправомерные иски и за апелляционные жалобы, признанные судом неправильными;

- высший надзор за рассмотрением гражданских дел был возложен на Гражданский кассационный департамент Сената;

- исполнение судебных решений возлагалось на судебных приставов - особых, состоящих при суде чинов¹².

Характер гражданского процесса определялся частным интересом, инициативой сторон, наиболее полным воплощением принципа состязательности.

Уголовное судопроизводство отличалось от гражданского публичным характером. Его следовало рассматривать прежде всего как форму самоограничения со стороны государства. Степень демократизма уголовного процесса, наряду с универсальными принципами (гласностью, состязательностью, правом на защиту), определялась наличием широкого спектра гарантий прав обвиняемого:

- «при производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие»;¹³

- взятие под стражу как мера пресечения предусматривалась прежде всего, если лицо подозревалось в совершении преступления, влекущего за собой лишение всех прав состояния, либо всех особенных прав и преимуществ, с немедленным уведомлением ближайшего лица прокурорского надзора, которое, в свою очередь, могло требовать при недостатке улик ограничиться менее строгой мерой пресечения;¹⁴

- следователь не должен был «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому

¹² См.: Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. X-XI.

¹³ Уст. угол. суд. Ст. 265.

¹⁴ Там же. Ст. 283.

подобными мерами вымогательства»; в случае отказа обвиняемого отвечать на заданные ему вопросы следователь, отметив о том в протоколе, изыскивал «другие законные средства к открытию истины»;¹⁵

- «молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины»;¹⁶

- «муж или жена подсудимого лица, родственники его по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родные его братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, а если не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги»;¹⁷

- участвовавшие в деле лица могли приносить жалобы на всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права: жалобы на действия полиции приносились прокурору, на действия следователя - окружному суду;¹⁸

- предусматривалась возможность предъявления иска о возмещении вреда и убытков, причиненных незаконными действиями должностных лиц: «оправданный подсудимый не лишается права вознаграждения и с должностных лиц, в том числе и судебного следователя и прокурора, если может доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания или же вообще недобросовестно»;¹⁹

- если суд единогласно признавал, что присяжными заседателями вынесен обвинительный вердикт в отношении невинов-

¹⁵ Там же. Ст.ст. 405-406.

¹⁶ Там же. Ст. 685.

¹⁷ Уст. угол. суд. Ст. 705.

¹⁸ Там же. Ст.ст. 491, 493.

¹⁹ Там же. Ст.ст. 783-784.

ного, то дело передавалось на рассмотрение нового состава присяжных; по решению же присяжных, оправдывающему подсудимого, председатель немедленно объявлял его свободным от суда и содержания под стражей;²⁰

- приговоры суда, вошедшие в законную силу, прежде обращения их к исполнению, представлялись через министра юстиции на высочайшее усмотрение, когда суд ходатайствовал о смягчении подсудимому наказания в размере, выходящем за пределы власти предоставленной судебным учреждениям, или о помиловании²¹.

«Отцы судебной реформы» исходили из понимания целостности и единства механизма судоустройства и судопроизводства, звенья которого должны быть взаимосвязаны. Только независимый, несменяемый судья мог реально обеспечить процедуру судопроизводства на началах гласности, состязательности, права обвиняемого на защиту при участии присяжных заседателей. Гласность, состязательность, презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту более полно и последовательно воплощались в жизнь в судебной процедуре с участием присяжных заседателей - призванными в суд представителями общества, руководствующимися не нормой закона, а жизненным опытом и здравым смыслом и на основе этого выносящими вердикт о виновности (невиновности) подсудимого.

При органическом единстве принципов устности, гласности, непосредственности и состязательности можно все же выделить принцип состязательности, имевший решающее значение для всей системы уголовного процесса. Им определялось поло-

²⁰ См.: Там же. Ст.ст. 818-819.

²¹ См.: Там же. Ст. 945.

жение субъектов процесса, их права и обязанности, взаимоотношения друг с другом и судом. Состязательная форма процесса строилась таким образом, что обвиняемый рассматривался не как объект исследования (во всяком случае, не только как объект), но как сторона в процессе, как субъект процессуального права²².

Для России - страны с неограниченной властью императора, всесилием министров, произволом местной администрации - провозглашенные уставами 1864 г. принципы независимости суда от администрации, несменяемости судей, подчинения только закону сделали суды «государством в государстве»,²³ вследствие чего «власть монарха лишалась части своих верховных прав»²⁴.

Судебные уставы содержали нормы, ограждавшие как судей от давления со стороны администрации (пожизненное назначение, увольнению подлежали лишь судьи, совершившие уголовные преступления или признанные по суду несостоятельными должниками), так и общество от судей, не обладавших необходимым профессиональным уровнем или моральными качествами (дисциплинарная ответственность чинов судебного ведомства за упущения по службе, проступки вне службы, вопросы которых решала вышестоящая судебная инстанция).

Провозглашенная уставами 1864 г. гласность судопроизводства открыла двери судов для широкой публики, в прессе появились отчеты о ходе судебных разбирательств по наиболее

²² См.: Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 103.

²³ Московские ведомости. 1885. 4 сент. (передовая).

²⁴ Там же. 1884. 23 янв. (передовая).

интересным делам. Отправление судопроизводства стало единственной формой государственной деятельности, которая осуществлялась открыто. Противоречия в обществе, отражаясь в судебных процессах, становились достоянием широких масс. Гласность, с одной стороны, способствовала росту правосознания населения и авторитета суда в обществе, но с другой - малейший промах в работе судов получал огласку и мог служить поводом для нападков на новый судебный строй.

Одним из центральных институтов судебной реформы 1864 г. был суд присяжных. Можно сослаться на авторитетное мнение министра юстиции Н.В. Муравьева, официально выраженное в его представлении в Государственный совет: «...только участием в уголовном процессе, наравне с профессиональными судьями, и общественного элемента, в лице присяжных заседателей, достигается недоступная коронному суду возможность оценки рассматриваемого деяния с точки зрения живого и непосредственного чувства правды и справедливости, утверждается строгое соблюдение на суде начал непосредственности, устности, гласности и равноправия сторон, обеспечивается независимость и нелицеприятие судебных приговоров и обусловливается внутренний их авторитет, основанный на неразрывной связи между отправлением правосудия органами государственной власти и правовыми воззрениями народа»²⁵. Правда, возникает вопрос, насколько в данном случае министр, ограничивший этот институт в проектах новой редакции судебных уставов (1899 г.), был искренним.

Адвокатура в России появилась гораздо позже, чем в других странах. Отношение к адвокатуры в дореформенной России

²⁵ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 257. Л. 48 .

очень ярко иллюстрировало известное высказывание Николая II в беседе с князем Д.В. Голицыным: «А кто ... погубил Францию, как не адвокаты...? Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие?! Нет, князь, - заключил государь, - пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»²⁶.

Появление в России адвокатуры связано с принятием судебных уставов 1864 г. Без создания сильной адвокатуры, действующей на началах самоуправляющейся корпорации, было невозможно обеспечить презумпцию невиновности, состязательность, право обвиняемого на защиту в уголовном процессе и представительство интересов сторон в процессе гражданском.

Мировой суд был призван воплотить в жизнь отвечавшую нуждам и чаяниям народа мечту «о суде скором, правом и милостивом и равном для всех»²⁷. Поскольку «малодоступность суда приближается к полному отсутствию судебной защиты»,²⁸ мировой суд открывал доступ к правосудию широким слоям общества, обеспечивал быстрое и справедливое рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел выборными, пользующимися доверием населения судьями.

Суд в России, по мысли реформаторов, должен был стать судом в истинном смысле этого слова - учреждением, представляющим надлежащую сумму гарантий беспристрастного, справедливого и юридически правильного рассмотрения и реше-

²⁶ Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. 1886. Кн. 12. С. 535.

²⁷ Высочайший указ Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 г. об утверждении судебных уставов.

²⁸ Высоч. учр. комис. Объясн. зап. к проекту ... учр. суд. уст. Т. 1. С. 24.

ния дела. Преследовалась цель - обеспечить качество суда, ибо «неудовлетворительность суда в качественном отношении вовсе лишает население возможности судебным порядком защищать свои интересы»²⁹.

Безусловно, нельзя идеализировать судебную реформу, как, впрочем, и другие преобразования в России второй половины XIX в. Они были проведены в стране, только что освободившейся от крепостного права, пережитки которого сохранялись и в экономике, и в сознании людей, в стране, где оставался сословный строй с его привилегиями и ограничениями, где формой правления была абсолютная монархия. В тексте судебных уставов можно найти определенную ограниченность, непоследовательность, незавершенность.

Новый судебный строй сохранял в то же время остатки сословных судов (волостные суды по крестьянским делам), «инородческие» суды, значительная доля дел подпадала под церковную юрисдикцию.

Введенный в 1838 г. для государственных крестьян волостной суд после реформы 1861 г. распространил свои полномочия на всех крестьян, вышедших из крепостной зависимости и в силу этого освобожденных от помещичьей юрисдикции. Предполагалось, что сословный суд по крестьянским делам будет действовать до судебной реформы. Однако уставы 1864 г. его не ликвидировали.

Действие волостного суда было неразрывно связано с применением в крестьянской среде обычного права. При наследовании и разделах имущества, по делам об опеке и попечитель-

²⁹ Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898-1903 СПб., 1904. С. 110.

стве над малолетними, в спорах о земельных наделах крестьяне руководствовались не X томом Свода законов, а обычаями. Так, согласно обычаям отделенные дочери не являлись наследниками. Волостные судьи разрешали споры, руководствуясь особенностями местного быта, нравов и обычаев, не заботясь о том, чтобы точно указать ни обычай, который они применили к решению данного дела, ни свои соображения по делу.

Таким образом, сохранение юрисдикции волостного суда по крестьянским делам противоречило провозглашенным уставами 1864 г. принципам всеобщности и равенства всех перед судом.

К недостаткам судебной системы можно отнести также соединение в одном лице должности министра юстиции и генерал-прокурора Сената. Министр юстиции осуществлял организационное руководство судами и судьями, при них состоявшими, призванными соблюдать в процессе нейтралитет. Он же, как генерал-прокурор, получая информацию о прохождении дел в судах через подчиненных ему прокуроров, являвшихся стороной обвинения в процессе, вольно или невольно мог занять позицию последних.

Уголовное судопроизводство России с введением уставов 1864 г. принято характеризовать как «смешанный» процесс. «Основная конструкция этого смешанного процесса - резкое разделение его на две стадии: предварительное и окончательное производство. Предварительное производство сохраняет признаки тайны, письменности, отсутствия сторон, что было характерно для инквизиционного процесса. Окончательное производство (иначе судебное разбирательство) построено на началах устности, гласности, непосредственности и состяза-

тельности»³⁰. Закрытое и письменное предварительное расследование сменяется открытым судебным разбирательством. К очевидным недостаткам этого процесса можно отнести, например, отсутствие адвоката на стадии предварительного следствия.

Дела о государственных преступлениях с самого начала были изъяты из общего порядка производства. По мнению составителей судебных уставов, передать эту категорию дел общим судебным установлениям с участием присяжных заседателей - «значило бы оставить государство, общество и власть без всякой защиты»³¹.

Новый судебный порядок, сталкиваясь с остатками старого суда, не мог быть сразу распространен на все огромное пространство Российской империи. Идея постепенного распространения новых судов на территории России сама по себе позитивна - нельзя ввести новый порядок «с сегодня на завтра», нужна определенная последовательность, постепенность. Она предполагает апробацию принципов и институтов судебной реформы в центральных губерниях с тем, чтобы распространять их дальше уже в улучшенном варианте. М.Н. Катков писал в «Московских ведомостях» о том, что предполагалось «ввести новые суды в небольшой местности, особенно удобной для этой цели, и тут ввести их уже в совершенной полноте проектированного для них плана (то есть механизм судоустройства и судопроизводства рассматривался как комплексная система. - М.Н.), в остальных частях империи одновременно с этим при-

³⁰ Строгович М.С. Указ. соч. С. 105.

³¹ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 2. С. 391.

нять все возможные меры к упрощению и улучшению судопроизводства, а также к подготовке перехода от старого судопроизводства к новому... Опыт новых учреждений, произведенный в немногих губерниях, покажет те недостатки, недомолвки и ошибки, которые потребуют дополнения и исправления, а начавшаяся практика нового суда послужит образцом»³².

Поскольку практическая реализация судебной реформы затянулась, сложилась такая ситуация, когда новые судебные порядки так и не достигали окраин России или внедрялись в отдаленных губерниях в искаженном виде.

Началом практической реализации судебной реформы принято считать открытие окружных судов в Петербурге и Москве в апреле 1866 г. В начале 1867 г. стала действовать Харьковская судебная палата. Первоначально предполагалось в соответствии с высочайшим указом от 19 октября 1865 г. ввести судебные уставы 20 ноября 1864 г. в действие в весьма короткий срок: в 1866 г. - в 10 губерниях, к 1870 г. - во всех губерниях, управляемых по общему губернскому учреждению. Таким образом, предполагалось в течение 4-х лет распространить новые судебные порядки на Европейской части России.

Однако в 1894 г., то есть через 30 лет после издания судебных уставов, дореформенный суд сохранялся в 23 губерниях и областях на севере, востоке и юго-востоке³³. Высочай-

³² Московские ведомости. 1865. 30 апр. (передовая).

³³ См.: Всеподданнейший доклад министра юстиции о деятельности министерства за 1894-1904 гг. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 347. Л. 4. К указанному году действие судебных уставов распространялось на Европейскую Россию,

ший указ о завершении судебной реформы последовал 1 июля 1899 г. – день торжественного открытия новых судебных установлений в северо-восточных уездах Вологодской губернии³⁴.

В ряде губерний, где судебные уставы были введены позднее, они действовали не в полном объеме (отсутствовал институт присяжных заседателей, мировые судьи не выбирались, а назначались правительством, на них возлагались дополнительные обязанности – производство судебного следствия, охранительное производство, в Варшавском судебном округе действовали гминные суды и т.д.).

В 1912 г. III Государственная дума признавала «необходимым скорейшее введение суда присяжных в Енисейской и Иркутской губерниях, в Забайкальской и Амурской областях, а также желательным распространение этой формы судопроизводства на губернии Прибалтийского края и Варшавского судебного округа и все остальные местности империи, на которые учреждение суда присяжных не распространено. Подобное же пожелание было высказано IV Думой в июне 1914 г.»³⁵.

Затянувшееся на неопределенный срок проведение судебной реформы сопровождалось изменениями в уставах 1864 г., озна-

за исключением Архангельской, 5-ти северо-восточных уездов Вологодской, Олонецкой, Астраханской, Оренбургской и Уфимской губерний, в сферу их действия не входили также Киргизские и Калмыцкие кочевья, вся Сибирь и Туркестанский край.

³⁴ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 347. Л. 5.

³⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет: В 2 т. Пг., 1914. Т. 2. С. 158.

чавшими отступление от первоначально заложенных в них демократических начал и принципов.

В сложившейся к концу XIX в. судебной системе условно можно выделить четыре типа судебного устройства:

- 1) 37 внутренних губерний России, представлявших «классический» вариант судебной реформы, как, впрочем, и последующего ее ограничения: от мировых судей, правда, не всегда выборных, — до земских начальников; от суда присяжных — до военно-окружных судов;
- 2) Западные губернии, Северный Кавказ и Прибалтийский край, где мировые судьи назначались от правительства; на Кавказе и в Прибалтике так и не был введен суд присяжных, а в Прибалтике, кроме того, съездам мировых судей принадлежал надзор за сословными крестьянскими судами;
- 3) губернии Царства Польского, где местной юстиции был подсуден меньший круг дел, а представлена она была в городах назначаемыми от правительства мировыми судьями, в сельской местности — коллегиальными гминными судами, вышестоящей по отношению к ним инстанцией были мировые съезды; не было суда присяжных и суда с участием сословных представителей;
- 4) Закавказье, Архангельская губерния, Сибирь, Туркестан, Закаспийская и Квантунская области, где мировые судьи также были назначаемы от правительства, однако, пределы их подсудности были расширены, кроме того, на них возлагалось производство предварительного следствия, нотариальное производство; апелляционной инстанцией для мировых судей являлся окружной суд, рассматривавший дела высшей подсудности без участия присяжных заседателей; кассационной (кроме Архангельской губернии) — судебная палата; в означенных губерниях не было суда с участием сословных предста-

вителей³⁶. Как пишет Н.М. Корнева, обозначенные четыре типа юстиции, сложившиеся в ходе реализации судебных уставов 1864 г., условны. Однако сама попытка такого рода классификации заслуживает внимания и является еще одним шагом в изучении российской судебной системы конца XIX - начала XX вв.

Состояние законодательства о судоустройстве и судопроизводстве было значительно лучше, нежели гражданского и уголовного права. Уголовным кодексом в России в тот период времени служило Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., гражданским - Свод законов гражданских (Свод законов. Т. X. Ч. 1), нормы которых восходили еще к Уложению царя Алексея Михайловича 1649 г. Нормы уголовного права содержались также в уставе о наказаниях, применяемых мировыми судьями (чтобы облегчить их работу, поскольку от них не требовалось обладать специальными юридическими знаниями). Удручающе было состояние гражданского права. Наряду с ч. 1 т. X Свода законов существовали еще Положения о сельском состоянии (т. IX Свода), множество уставов - кредитный, торговый, консульский, о векселях, о промышленности (т. XII Свода), общий устав российских железных дорог и другие. Кроме того, в губерниях Царства Польского, Прибалтийской и Бессарабской, Великом княжестве Финляндском, также являвшимися территорией России, применялось свое законодательство.

³⁶ См.: Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судоустройства и судопроизводства (1881-1905 гг.). Дис... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 59-60.

Нормы и принципы уставов 1864 г., выглядевшие в теории почти идеально, столкнувшись с российской действительностью, применялись не так, как задумывались, а то и не действовали вовсе. Наконец, демократические принципы и институты судоустройства и судопроизводства - всесословный характер суда, независимость суда от администрации, несменяемость судей, равенство всех перед законом и судом, гласность, состязательность, право на защиту, участие общественности в отправлении судопроизводства - утвердились в обществе с сословным строем, внедрились в государственность с абсолютистской формой правления, политической властью, сосредоточенной в руках дворян-помещиков, иерархической подчиненностью бюрократического аппарата.

В. Гессен писал в 1906 г., что принцип разделения властей является чуждым государственному строю абсолютных монархий. Последовательное и полное осуществление этого принципа возможно не иначе, как в условиях конституционного государственного строя. Начало обособления властей предполагает, «с одной стороны, господство законодательной власти, и, с другой, подзаконность властей правительственной и судебной»³⁷. «Отличительным моментом, характеризующим юридическую природу абсолютных монархий, является вне и надзаконный характер правительственной власти»³⁸.

В то же время В. Гессен признавал, что разделение властей зарождается еще в условиях абсолютизма. «Необходимо

³⁷ Гессен В. О правовом государстве // К реформе государственного строя России. Вып. II. Правовое государство и всенародное голосование. СПб., 1906. С. 27.

³⁸ Там же. С. 12.

заметить, - писал он, - что и в абсолютной монархии возникают и складываются отдельные категории субъективных публичных прав. И в условиях абсолютной монархии судебная власть успевает, до известной степени, обособиться от законодательной и тем самым приобрести подзаконный характер; и здесь, таким образом, признается за индивидом так называемое право иска - право, которому соответствует обязанность судебной власти оказать потерпевшему от правонарушения судебную защиту». Автор отмечает ограниченность этих прав: «Независимо, однако, от крайней бедности своего содержания, права эти - уже в силу надзаконного характера правительственной власти - по необходимости лишены и достаточной определенности, и твердых гарантий»³⁹.

С введением уставов 1864 г. в жизнь в России сложилась такая ситуация, когда суд, опережая в своем развитии основные политические институты самодержавия, вступил с ними в противоречие. Уже первые шаги по применению судебных уставов выявили, как заметил позднее известный русский публицист М.Н. Катков, «...несоответствие между отдельным узаконением и общими основаниями государственного права России»⁴⁰. К.П. Победоносцев, активно участвовавший в подготовке судебных уставов 1864 г. и впоследствии ставший идеологом политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, подчеркивал, что «такой суд не может быть

³⁹ Там же. С. 26.

⁴⁰ Московские ведомости. 1884. 23 янв. (передовая).

опорою государства»⁴¹. Н.В. Муравьев, возглавлявший министерство юстиции в 1894-1905 гг., считал принципы и институты судебной реформы не соответствовавшими «особенностям государственного и общественного быта»⁴² России - «одежда не по мерке»⁴³.

Независимость и несменяемость судей, подчинение их только закону противоречили абсолютистской форме правления, где царь являлся первым чиновником в государстве, располагая при этом неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью, где каждый министр был всевластен в своей сфере, а губернатор находился на положении хозяина губернии. Фактически верховная власть лишалась своей прерогативы, связанной с отправлением судопроизводства. И так дальше вниз по бюрократической лестнице.

Равенство всех перед судом противоречило сословному строю с его привилегиями и ограничениями. Так, на протяжении 1873-1875 гг. «Московские ведомости» - издание, отражающее позицию правительства и призванное формировать в определенном направлении общественное мнение - неоднократно обращались к рядовому, казалось бы, делу, подсудному мировому судье, - делу М. Энкен. Суть его состояла в том, что мировой судья Серпуховского участка Москвы обвинил в самоуправстве и приговорил к аресту на 10 суток хозяйку, избив-

⁴¹ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред. М.Н. Покровского. М.-Пг., 1923. Т. 1. Полутом 1. С. 69.

⁴² Высоч. учр. комис. Объясн. зап. учр. суд. уст. СПб., 1900. Т. 1. С. 66.

⁴³ РГИА. ф. 995. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.

шую свою горничную. Настойчивый интерес правительственного издания к совсем простому делу объяснялся тем, что этот судебный процесс наглядно иллюстрировал противоречие между провозглашенным судебными уставами и применявшимся на практике принципом формального равенства - равенства всех перед законом и судом - и пережитками крепостничества в общественном, политическом строе России, в сознании людей. «Московские ведомости» представили дело М. Энкен как один из выходящих из ряда вон «случаев невероятного произвола со стороны мировых судов»,⁴⁴ указывая на «крайнюю неправильность воззрения, ставящего хозяина и слугу в их взаимных отношениях совершенно на одну доску»⁴⁵. «Нет надобности разъяснять, - писал М.Н. Катков, - как подобные решения должны расшатывать общественный порядок»⁴⁶.

Допускавшееся судебными уставами 1864 г. участие в отправлении судопроизводства представителей различных слоев общества - присяжных заседателей - при отсутствии представительных учреждений и элементов представительства в других сферах государственной деятельности России того времени давало основание представителям охранительного направления рассматривать данный институт не только как юридическое, но и как политическое учреждение. В письмах К.П. Победоносцева находим, что в России «конституция была бы менее преждевременна ... нежели суд присяжных»⁴⁷. По поводу оправдательных

⁴⁴ Московские ведомости. 1873. 18 дек. (передовая).

⁴⁵ Там же. 1875. 25 сент. (передовая).

⁴⁶ Там же. 1873. 18 дек. (передовая).

⁴⁷ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред М.Н. Покровского. Т. 1. Полутом 1. С. 227.

вердиктов присяжных при доказанности вины или при наличии признания вины подсудимым М.Н. Катков уже в 1871 г. задается вопросом, «нет ли какой-нибудь ошибки в организации» этого института. И сам же отвечает: «Мы несомненно уверены, что такая ошибка есть; мы предвидели и последствия этой ошибки, когда обсуждались самые основания нашей судебной реформы, которая, к сожалению, слишком держалась фальшиво-оглаженных французских образцов»⁴⁸.

Появление адвокатуры как гарантии права на защиту позволяло личности противостоять произволу со стороны государства. М.Н. Катков в передовой статье от 13 октября 1871 г. резко критиковал систему защиты, применявшуюся адвокатами в процессах, особенно если эти процессы носили политическую окраску. Именно адвокаты, по мнению М.Н. Каткова, провоцировали необоснованные вердикты присяжных и неугодные администрации приговоры коронных судей: «Речь (адвоката) заканчивается обращением к присяжным: защитник выражает твердую надежду, что представители общественного сознания, стоя на высоте современной мысли, оправдают не только преступника, но и прославят преступление. Речь окончена. Присяжные изумленными глазами смотрят на председателя, членов суда и прокурора. Председатель и члены суда недоумевают, зачем это они сидят на своих креслах, а обвиняемый на скамье подсудимых, когда ему место - здесь

⁴⁸ Московские ведомости. 1871. 19 нояб. (передовая).

«посреди всех нас»⁴⁹. Взволнованная публика с трудом сдерживает рукоплескания»⁵⁰.

В ходе практической реализации выявилось несоответствие нового суда основам российской государственности. Сложилось противоречие, когда уступка правительства, позволившая сохранить форму правления в виде абсолютной монархии и систему органов государственной власти, привела к тому, что основы государственности пошатнулись. Непокколебимость основ государственности — формы правления, системы органов государственной власти, которые не должны были измениться в связи с введением новых судебных порядков, — оказалась иллюзией.

Можно ли сложившуюся ситуацию объяснить некомпетентностью или недальновидностью окружения Александра II? Скорее, это была недооценка суда со стороны правительства. Суды не воспринимались правительством как реальная и значимая сила в обществе и государстве. Совпадавший с административной властью дореформенный суд не создавал опасности для режима. Поэтому стало некоторой неожиданностью для реформаторов, что новый суд, наделенный ими же самими независимостью, в определенной степени обособился от других органов государственной власти. Равенство всех перед судом, гласность и состязательность судопроизводства, право на защиту получили такой общественный резонанс, который трудно было предположить в ходе подготовки судебной реформы 1864 г.

⁴⁹ С такими словами обратился к подсудимым председательствующий по делу нечаевцев.

⁵⁰ Московские ведомости. 1871. 13 окт. (передовая).

В случае дальнейшего поступательного движения России по пути реформ другие государственно-правовые институты самодержавия могли бы продвинуться вперед, и суд утратил бы со временем свою опережающую роль в государственном механизме. Однако эволюции других государственных институтов самодержавия по пути превращения в конституционную монархию во второй половине XIX в. не произошло.

Так, известный русский юрист и общественный деятель В.Д. Кузьмин-Караваев на рубеже XIX-XX вв. отмечал, что с отменой крепостного права «...началась новая эра русской жизни. В общественном сознании стал вырисовываться образ свободной на Руси личности, самостоятельной, сознающей свои права и обеспеченной в их осуществлении. Последовал ряд коренных реформ - земская на началах бессловного самоуправления, судебная с призывом населения к отправлению уголовного правосудия... За ними должны были идти другие, но вскоре была поставлена точка»⁵¹.

Процесс реформирования, так успешно начатый государственными деятелями из окружения Александра II, постепенно перестал быть им же подконтрольным. Не случайно, одни и те же люди, выступая в преддверии реформы ее ярыми сторонниками, затем превратились в ее не менее яростных противников (примеры К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова). Случилось так,

⁵¹ Кузьмин-Караваев В.Д. Правовые нужды деревни // Земство и деревня. 1898-1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб., 1904. С. 327.

что «правительство вынуждено было, почти вслед за изданием уставов 1864 года, вступить на путь их исправления»⁵².

2.2. Судебная контрреформа

В период 70-80-х гг. XIX в. последовала серия законодательных актов об изменении уставов 1864 г. По данным министерства юстиции к 1894 г., то есть за 30 лет существования судебных уставов, в них было внесено около 700 дополнений, изменений, поправок⁵³.

Очевидно, что судебная реформа, столкнувшись с жизненными реалиями, принимала иные очертания, нежели те, что проектировались первоначально ее «отцами». Однако, как оценить эти изменения в судебных уставах? Каковы их характер и направленность? Какова степень их радикализма? Носили эти изменения характер противоположных реформе 1864 г. преобразований – судебной контрреформы – или это было простым «исправлением» выявившихся на практике недостатков?

С введением в жизнь судебной реформы 1864 г. в политике самодержавия наметились две противоположные тенденции. Первая была направлена на ограничение демократических начал и институтов, являвшихся краеугольным камнем судебной реформы, с тем, чтобы соотнести новый судебный строй с общими началами российской государственности. Вторая – на совершенствование нового судоустройства и судопроизводства, по-

⁵² Высоч. учр. комис. Объясн. зап. учр. суд. уст. Т. 1. С. 67.

⁵³ См.: Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 587.

скольку любое нововведение, каким бы идеальным оно ни казалось в теории, столкнувшись с практикой, требует доработки.

По свидетельству А.Ф. Кони, поправки, имевшие целью устранение выявившихся на практике недостатков нового суда, внедрялись с большим трудом, нежели изменения, ограничивавшие действие принципов и институтов судебных уставов. Так, применительно к одному из центральных институтов реформы 1864 г., претерпевшему больше всего изменений в последующем законодательстве - суду присяжных, известный русский юрист писал: «Каждое реальное и неоднократное предложение, вызванное действительными потребностями этого суда, в целях правосудной деятельности, принималось неохотно и надолго увязало в канцелярской тине петербургского бюрократического болота. Достаточно указать хотя бы на то, что для осуществления такой насущной меры, как улучшение состава комиссий, изготавливающих общие списки присяжных, потребовался тринадцатилетний горестный опыт. Лишь на двадцать восьмом году существования суда присяжных обнародовано разумное ограничение права отвода присяжных... Для того чтобы перестать держать представителей общественной совести в тупом неведении о грозящем подсудимому наказании, потребовалось сорок пять лет. А между тем, в первые же тринадцать лет были произведены существенные и обширные сокращения подсудных присяжным заседателям дел»⁵⁴.

Реформаторские и контрреформаторские процессы в судебной политике правительства шли параллельно. Трудно провести грань между ними. Существующие в советской историографии противоречивые оценки законодательства, принятого в допол-

⁵⁴ Кони А.Ф. Соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 332-333.

нение и изменение уставов 1864 г. - было ли это судебной контрреформой или эти поправки носили частный характер - имеют под собой объективную почву.

Очевидно, в оценке судебной политики самодержавия данного периода следует исходить из посылки: *к законодательству, принятому в дополнение к судебным уставам, термин «судебная контрреформа» применим лишь в том случае, если он характеризует обратное реформе по сущностным характеристикам преобразование.* Учитывая, что в политике правительства демократические и реакционные тенденции пересекались, важно выяснить периоды преобладания одной тенденции над другой.

Судебные уставы 1864 г. в качестве основ нового судебного строя провозглашали независимость суда от администрации, равенство всех перед судом, состязательность, право на защиту, участие общественного элемента в отправлении судопроизводства. Соответственно судебная контрреформа могла характеризоваться тем, что исполнительная власть посягала на независимость судебной, функции судебных органов передавались административным, в противопоставление принципу формального равенства в деятельности судебных органов возобладала сословные тенденции. Среди множества принципов и институтов судебной реформы следует выделить основные, ограничение (или, напротив, сохранение) которых играет первостепенную роль для выяснения проблемы осуществления (или отсутствия) судебной контрреформы. Это прежде всего самостоятельность и независимость судебной власти, неподчинение ее власти административной.

Известно, что «какими бы путями ни старались законодатели поставить судебную власть выше административной, все-

гда преимущество на деле останется за администраторами»⁵⁵. При отсутствии механизма разделения властей, системы «сдержек и противовесов», с помощью которой различные ветви власти уравновешивают друг друга, исполнительная власть имеет тенденцию на подавление двух других ветвей власти.

Ограничения, предпринятые в последующем законодательстве, могли коснуться не всех принципов и институтов уставов 1864 г. равным образом. Одни из них могли пострадать больше, другие меньше.

Судебная контрреформа не обязательно должна была означать отказ от демократических начал уставов 1864 г. Общий ход развития российского общества и государства, воплощение «сверху» демократических черт в судебном строе, тенденция на обеспечение с помощью новых судебных порядков экономического продвижения, широкая общественная поддержка - все эти моменты делали отмену положенных в основу судебной реформы принципов и институтов невозможной. Речь могла идти только об их ограничении.

Начало проведения судебной реформы - формально им считается открытие окружных судов в Петербурге и Москве в апреле 1866 г. - совпало по времени с поворотом правительства к реакции, поводом к которому послужил выстрел Д. Каракозова в царя. Изменение порядка производства по делам о печати, лишение следователей несменяемости, освобождение высших чиновников (1-го и 2-го класса, генерал-губернаторов, градоначальников) от обязательной явки в суд

⁵⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 1. Уст. гражд. суд. С. 132.

последовали уже в конце 60-х гг. В это же время открывались новые суды.

Кадровые изменения в руководстве министерством юстиции также свидетельствуют о повороте в правительственном курсе. После отставки Д.Н. Замятина и непродолжительного управления С. Урусова, внесших значительный вклад в проведение судебной реформы, в октябре 1867 г. министром юстиции становится К.И. Пален, не имевший опыта работы в данном ведомстве. Назначение К.И. Палена одни современники связывали с именем могущественного министра внутренних дел П.А. Валуева, другие приписывали всесильному шефу жандармов П.А. Шувалову. Как бы то ни было, в этом назначении видна рука сильного полицейского ведомства, а министр ввиду недостаточной компетентности, черт характера, критического отношения к новому судебному строю должен был стать удобной фигурой для реализации изменившегося правительственного курса.

Вряд ли поправки к судебным уставам, принятые в конце 60-х гг., имели содержание, направленное на изменение сущности нового судебного строя. В это время едва открылись первые судебные установления. Только реализация на практике новых начал судоустройства и судопроизводства могла выявить или их соответствие основам государства, или их неспособность поддерживать существовавший режим. Правительству требовалось время, чтобы убедиться в этом. Реформаторская тенденция в конце 60-х гг. явно преобладала, что проявлялось хотя бы в территориальном продвижении судебной реформы от центра к периферии.

Известно, что в режимах, не ставших демократическими, суды рассматриваются не как система органов для разрешения споров о праве, а как орудие для поддержания господствующего строя. Если в конституционном демократическом государстве суд выполняет различные функции: является арбитром не только в спорах частных лиц, но и в конфликтах между гражданином и государством, обеспечивает защиту прав и интересов граждан, то в абсолютистском государстве суд призван стоять на страже интересов государства и режима. Если в условиях конституционного строя вынесение судом решений, противоречащих интересам государства, считается нормой (на то он и суд, чтобы рассудить, взвесить интересы), то для абсолютистского государства это совершенно неприемлемо.

Несоответствие новых судов основам государственной власти, необеспечение демократическим по своей природе судом самодержавного порядка отчетливо проявились на фоне подъема общественного движения в 70-е гг. Выступления народников - единичные и массовые, принимавшие различные формы: от «хождения в народ» до террора - повлекли ответные меры со стороны правительства.

Кто кого спровоцировал? Или революционеры заставили правительство отказаться от реформаторской деятельности? Или правительство, не завершившее реформ, вынудило разночинную интеллигенцию выбрать крайние формы сопротивления?

Действительно, в ходе реформы 1861 г. крестьяне хотели получить «всю землю», «всю волю», а на самом деле были вынуждены платить выкупные платежи и по-прежнему нести повинности. Разночинная интеллигенция в лице народников с их идеей «долга народу», крайним проявлением которой стал тер-

пор в отношении должностных лиц в государстве, даже царя, могла явиться лишь выразителем интересов народных масс.

Традиционный российский вопрос: «Кто виноват?». Правительство, не сумевшее продолжить реформаторский курс, затронувшее, но не разрешившее своими реформами противоречий в экономической и общественно-политической жизни страны, или «низы», не сумевшие или не пожелавшие оценить предпринятые правительством меры? Наконец, насколько разночинная интеллигенция в своем революционном порыве вообще могла отразить нужды и чаяния народа?

Не хотелось бы мимоходом оценивать один из самых противоречивых периодов в истории России. И все же революционное движение служит не просто фоном в оценке происходящего в судебной сфере. Суды в то время нередко становились ареной политической борьбы, где в концентрированном виде отражались противоречия в обществе и государстве.

Очевидна связь между подъемом революционного движения в России, повлекшим за собой политические процессы, и политикой правительства в сфере суда. Процессы народников, проходившие в соответствии с уставами 1864 г. на началах гласности, состязательности, права обвиняемого на защиту, позволили превратить скамью подсудимых в трибуну для пропаганды идей служения народу и борьбы с самодержавием. Эти идеи жадно воспринимала присутствовавшая в зале суда молодежь. Ход процессов широко освещался в печати. Приговоры, выносимые судом по делам о государственных преступлениях, где подсудимым инкриминировались деяния, направленные против существующего строя, были, по мнению властей, слишком мягкими.

Политические процессы 70-х гг., один за другим, отчетливо демонстрировали правительству, что суд в России не выполнял той роли, которая ему отводилась в абсолютистском государстве, - служить опорой существующего строя. Суд, основанный на принципах и институтах, провозглашенных уставами 1864 г., перестал быть элементом карательной системы государства. Политические процессы зачастую выигрывали противники режима. Правительство же терпело одно поражение за другим. Естественно, такая ситуация долго продолжаться не могла. Очень скоро самодержавие пришло к осознанию того, что введенный уставами 1864 г. и пронизанный демократическим содержанием суд противоречил его устоям.

Дела о государственных преступлениях - это та категория дел, при расследовании и судебном разбирательстве которых затрагиваются интересы власти, сущность государства проявляется наиболее отчетливо. Если принимаемые полицией и судами в борьбе с противниками режима меры неэффективны, естественно стремление правительства в целях самосохранения пытаться изменить подобный порядок.

Получившие широкий общественный резонанс политические процессы 70-х гг. вызвали настоятельную потребность в пересмотре законодательства о порядке производства по делам о государственных преступлениях. Такого рода поправки вносятся в судебные уставы без определенного плана, лишь отвечая потребностям момента. Поводом к принятию закона мог стать или политический процесс, или очередное выступление народников. Закон зачастую принимался как временный, чрезвычайный, что могло служить для общества свидетельством его скорой отмены.

Налицо был явный диссонанс между уставами 1864 г. и законодательством 70-х гг. В. Гессен заметил применительно к подобным случаям, что «абсолютная власть является юридически свободной, не ограниченной действующим правом. <...> Издание общих норм необходимо для нормального функционирования государственной власти; но в каждом отдельном случае, когда эта общая норма, по той или другой причине, стесняет правительство, последнее, т.е. монарх, может заменить ее индивидуальным распоряжением, изданным *ad hoc*»⁵⁶.

Поправки к уставам 1864 г., затрагивавшие в первую очередь порядок производства по политическим преступлениям, лишний раз подтверждали, что это было ни что иное, как судебная контрреформа - обратное по отношению к уставам преобразование.

Надо сказать, что правительство уделяло большое внимание идеологическому обоснованию проводимой политики. Индикатором изменений правительственного курса являлась печать. Внимательное прочтение статей М.Н. Каткова, занимавшего «положение государственного деятеля без государственной должности»⁵⁷ позволяет определить поворот в идеологии пореформенного самодержавия в отношении к судебным уставам. В то же время М.Н. Катков - самостоятельная фигура. Благодаря публицистическому дару, он, по выражению начальника главно-

⁵⁶ Гессен В. О правовом государстве // К реформе государственного строя в России. Вып. II. Правовое государство и всенародное голосование. СПб., 1906. С. 13.

⁵⁷ Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896 / Под ред. Ю.Г. Оксмана. Л., 1929. С. 105.

го управления по делам печати Е.М. Феокистова, «приобрел неслыханную диктатуру над умами»⁵⁸.

В конце 50-х – начале 60-х гг. М.Н. Катков на страницах «Московских ведомостей», «Русского вестника» и других изданий выступал за необходимость проведения судебной реформы, отстаивал и популярно разъяснял демократические принципы судоустройства и судопроизводства⁵⁹.

В 1867 г. М.Н. Катков писал как бы от имени своей газеты: «Мы от всей души приветствовали нашу судебную реформу и были усердным органом общественной признательности за это великое благо, дарованное России и поставившее ее в среду цивилизованных наций»⁶⁰. Но уже тогда в тональности статей М.Н. Каткова звучат настороженные нотки. «Но мы не исполнили бы своего долга, – замечает он, – если бы стали закрывать глаза на те случаи, которые при частом повторении могли бы внести в дело правосудия начало ему несвойственное»⁶¹.

Как видим, спустя всего лишь год после открытия новых судебных установлений, похвалы М.Н. Каткова новому суду заметно поубавились. К 1869 г. они и вовсе сошли на нет.

Окончательный поворот в оценке М.Н. Катковым новых судов произошел в 1871 г. в связи с процессом нечаевцев. Это был первый политический процесс, прошедший в Петербургской судебной палате в июле-сентябре 1871 г. в полном соответствии с уставами 1864 г. Подсудимые, которым вменялось в вину

⁵⁸ Там же. С. 137.

⁵⁹ См.: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1864–1886 гг. М., 1897.

⁶⁰ Московские ведомости. 1867. 11 апр. (передовая).

⁶¹ Там же. 1867. 10 апр. (передовая).

участие в сообществе с целью ниспровержения государственного строя (всего на скамье оказалось 84 человека⁶²), использовали в полной мере начала гласности судопроизводства, состязательности, права на защиту. На скамье подсудимых оказалась молодежь, увлеченная идеей служения народу (надо иметь в виду, что нечаевцы - молодежь, проходившая по данному делу, и нечаевщина как общественное явление, описанное Ф.М. Достоевским в «Бесах», - разные вещи⁶³). Публика встречала подсудимых цветами, их речи в процессе время от времени прерывались овациями. Председательствующий А.С. Любимов после объявления приговора обратился к оправданным подсудимым со словами: «Господа, отныне вам место не на позорной скамье, а среди публики, среди всех нас»⁶⁴.

«Что могло оставаться неясным..., то совершенно раскрылось ...при разбирательстве так называемого нечаевского дела в Санкт-Петербургской судебной палате. Этот процесс был поучителен во многих отношениях. Он бросил яркий свет на все нас окружающее, не одни преступники были изобличены им, но и мы сами, наша интеллигенция, состояние нашего общества. <...> Нечаевский процесс показал..., какими неувловимыми перехо-

⁶² См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. Изд. 3-е. М., 1961. Т. 3. С. 61.

⁶³ С. Нечаев - одиозная фигура в российской истории. В конце 60-х гг. он организовал общество «Народная расправа», стремясь вовлечь в него людей озлобленных, безжалостных, беспрекословно ему подчиненных.

⁶⁴ Государственные преступления в России в XIX веке / Под ред. В. Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. Т. 1. С. 188.

дами наши государственные преступники сливаются с непроступниками»,⁶⁵ – писал М.Н. Катков.

Именно тогда начались нападки М.Н. Каткова на новый суд. С этого момента и далее на протяжении 70-80-х гг. известный русский публицист настойчиво проводил мысль о несоответствии нового суда устоям российского общества и государства.

Статьи М.Н. Каткова содержали не только критику нового суда, но и разъяснения положений законодательных актов, принятых в изменение и дополнение уставов 1864 г. Критика М.Н. Катковым новых судебных порядков «подогревала» реакционные настроения «наверху». Так, К.П. Победоносцев «зачитывался статьями "Московских ведомостей", направленными против нового суда, и аккуратно посылал их государю»⁶⁶.

Поворот в отношении к уставам 1864 г. в этот период произошел не только в правительственном, но и в либеральном лагере. Так, С.А. Муромцев, профессор права, известный адвокат, с 1880 по 1899 гг. возглавлявший Московское юридическое общество, впоследствии один из руководителей конституционно-демократической партии и председатель I Государственной думы писал в 1871 г. об открытии новых судебных установлений, что «то была минута всеобщего увлечения новыми судами»⁶⁷. Спустя еще почти десять лет С.А. Муромцев в записке М.Т. Лорис-Меликову «О внутреннем состоянии России весной 1880 г.» отметил: «Вскоре после издания таких актов, как земское положение и судебные уставы, начался ряд их

⁶⁵ Московские ведомости. 1872. 27-29 янв. (передовые).

⁶⁶ Феокистов Е.М. Указ соч. С. 224.

⁶⁷ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. II. М., 1910. С. 12.

урезок. <...> Особое производство политических следствий, административные ссылки, отстранение присяжных от некоторых категорий дел, особые суды для разбора государственных преступлений - все это составляет результат последующих урезок. Урезки начались почти что на первых же порах действия новых законов и производились иногда с такою тонкою последовательностью, что не могли почитаться за случайное явление»⁶⁸.

При всех противоречиях в судебной политике пореформенного самодержавия, пересечении в ней прогрессивных и консервативных тенденций анализ источников позволяет с полной определенностью сказать, что в действиях правительства именно в связи с процессом нечаевцев, причем уже в ходе предварительного следствия по данному делу, произошел поворот к контрреформе.

Изменение порядка производства по делам о государственных преступлениях было начато принятием Правил 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений»⁶⁹. Поводом послужило предварительное следствие все по тому же делу. III отделение собственной его императорского величества канцелярии и его исполнительный орган корпус жандармов были лишены возможности участвовать в предварительном расследовании по делу. Деятельность чинов корпуса жандармов вообще не была регламентирована судебными уставами 1864 г., в них даже не упоминалось о политической полиции.

⁶⁸ Там же. Вып. V. С. 26.

⁶⁹ См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 1. № 49615.

Правительство в Правилах от 19 мая 1871 г. попыталось восполнить этот «пробел», возлагая на офицеров корпуса жандармов производство дознаний по делам о государственных преступлениях. Однако этими дознаниями исчерпывалась вся совокупность действий, составлявших предварительное следствие: производство осмотров, освидетельствований, обысков, выемок. В то же время в ходе дознаний обвиняемые были лишены гарантий, предусмотренных судебными уставами: права обжаловать следственные действия, знакомиться с показаниями свидетелей, с оконченным производством.

Закон предусматривал надзор прокуратуры за производством этих дознаний. Однако единственное, что мог сделать прокурор, - это сообщить о нарушениях, допущенных офицером корпуса жандармов, его начальству.

Оконченное дознание через прокурора судебной палаты поступало к министру юстиции, который с согласия шефа жандармов делал распоряжение о производстве предварительного следствия. Это следствие, проводимое членом судебной палаты, по сути дела, дублировало дознание. Правила 19 мая 1871 г. предусматривали возможность при недостатке улик, позволяющих передать дело в суд, прекратить производство «...с оставлением без дальнейших последствий или же с разрешением оногo в административном порядке»⁷⁰. Сочетание судебного и административного порядка в этом случае было удобно властям: при отсутствии доказательств, позволяющих передать дело в суд, могли быть применены меры административного воздействия - высылка, запрещение проживать в столицах, передача под гласный надзор полиции. Но в то же время для

⁷⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 1. № 49615. Ст. 29.

прекращения дела или для применения мер административного порядка министр юстиции по согласованию с шефом жандармов должен был всякий раз испрашивать высочайшее соизволение. По этому поводу член Государственного совета, в прошлом министр народного просвещения А.В. Головнин писал: «Чтоб понять все значение этой статьи должно сказать, что она правильна в том смысле, что требует доклада Государю и высочайшего повеления на отступление от закона. Государь имеет бесспорно право разрешать таковые отступления, но тем не менее прискорбны всякие случаи отступлений от закона»⁷¹.

Правила 19 мая 1871 г. возвращали административной власти утраченные ею права в одной из значимых для самодержавного строя сфер - в расследовании дел о государственных преступлениях. Вспомним высказанную ранее посылку, что если в обществе и государстве нет условий для самостоятельного и независимого сосуществования различных ветвей власти, то исполнительная власть всегда возьмет верх над властью судебной, подчинит себе последнюю.

Весьма показателен тот факт, что ведущую роль в разработке и принятии закона 19 мая 1871 г. сыграл шеф жандармов П.А. Шувалов, приобретший в этот период большое влияние на Александра II. По поводу Правил либерально настроенный А.В. Головнин писал: «Шувалову Россия обязана <...> парализованием одной из великих реформ - судебной»⁷². Закон, посвященный полномочиям политической полиции, человеком, входившим в свое время в реформистское окружение Александра II, напрямую связывается с отходом правительства от демократи-

⁷¹ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁷² Там же. Д. 14. Л. 26.

ческих начал уставов 1864 г. Этот закон, по мнению А.В. Головнина, «парализовал» судебную реформу.

С процессом над нечаевцами связано изменение не только предварительного расследования, но и судебного разбирательства по делам о государственных преступлениях. Дела о государственных преступлениях судебными уставами с самого начала были изъяты из общего порядка судопроизводства и переданы: а) судебным палатам с участием сословных представителей; б) Верховному уголовному суду (учреждаемому всякий раз в исключительных случаях по высочайшему повелению)⁷³. При рассмотрении дел в судебных палатах участвовали сословные представители: губернский и уездный предводители дворянства, городской голова, волостной старшина. Если этих представителей и можно рассматривать в качестве общественного элемента в суде, то участие их основывалось на сословной принадлежности и противоречило провозглашенному уставами 1864 г. принципу всесословности суда.

Вскоре после окончания процесса над нечаевцами в Петербургской судебной палате, исходом которого был недоволен Александр II - оправдано более половины подсудимых,⁷⁴ - было учреждено Особое присутствие Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях⁷⁵.

В состав Особого присутствия входили первоприсутствующий и пять сенаторов, назначаемых царем. Их высокое положе-

⁷³ Уст. угол. суд. Ст.ст. 1032, 1062.

⁷⁴ См.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. Саратов, 1976. С. 134.

⁷⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 1. № 50956.

ние, близость к правительству должны были гарантировать от вынесения нежелательных приговоров, как отмечал министр юстиции К.И. Пален во всеподданнейшем докладе о передаче дел о политических преступлениях из ведения судебной палаты в Сенат⁷⁶. При рассмотрении дел в этой инстанции участвовали также сословные представители, списки которых направлялись министром юстиции царю. Позднее М.Н. Гернет в «Истории царской тюрьмы» заметил, что «царское правительство видело в лице сенаторов - членов Особого присутствия по делам о государственных преступлениях - послушных лакеев правосудия, готовых писать приговоры под диктовку правительства»⁷⁷.

При рассмотрении дел Особым присутствием ограничивалась гласность судопроизводства - по усмотрению суда дела рассматривались в публичном или закрытом заседании. На приговоры Особого присутствия Правительствующего Сената допускались кассационные жалобы и протесты лишь относительно нарушения закона или неправильного его толкования при определении преступления и рода наказания, несоблюдение же правил судопроизводства не служило поводом для кассации.

По данным Н.А. Троицкого,⁷⁸ подробно изучившего процессы народников, в этой инстанции со специально отобранным составом судей, с ограничением гласности, порядка обжалования приговоров с 1872 по 1878 гг. шла основная масса политических процессов: 37 из 52.

⁷⁶ См.: РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 177. Л. 15.

⁷⁷ Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 60-61.

⁷⁸ См.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. С. 104.

Вновь принятое законодательство «привело к дальнейшему ограничению гарантий правильной организации суда»⁷⁹. Приемы и методы, используемые при расследовании и судебном разбирательстве по делам о политических преступлениях, были подчас далеки от понятия «законность». Процесс «193-х» — самый крупный политический процесс в России — может служить иллюстрацией.

Этот процесс был связан с Саратовом. Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области, не только отражают методы административного и судебного преследования, применявшиеся по этому весьма характерному делу участников «хождения в народ», но и позволяют выявить степень ограничения демократических начал уставов 1864 г.

Следует заметить, что в высочайше утвержденном положении Комитета министров «Об усилении состава полиции в некоторых губернских и уездных городах» от 19 ноября 1878 г. Саратов ставился на пятое место из девяти городов — центров деятельности революционеров-агитаторов⁸⁰. Известно также, что Поволжье находилось в поле зрения народников. «Бунтовать» крестьян, считали они, нужно на Волге, где в прошлом проходили крупнейшие народные выступления.

31 мая 1874 г. в Саратове была раскрыта всероссийская явочная квартира, замаскированная под башмачную мастерскую. В руки полиции попали шифры и адреса, которые свидетельствовали о разветвленной сети народнических кружков, охвативших 26 губерний России⁸¹. По высочайшему повелению от 4 июля

⁷⁹ Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 61.

⁸⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Отд. 1. № 59025. С. 239-241.

⁸¹ См.: ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 14. Т. 3. Л. 211-226.

1874 г. и в соответствии с циркулярами шефа жандармов П.А. Шувалова от 14 июля и министра юстиции К.И. Палена от 16 июля того же года дознание по делу «О пропаганде среди народа», начатое уже по всей России, было централизовано в руках начальника Московского губернского жандармского управления И.Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С.С. Жихарева⁸².

Власти задумали провести дело «громадной государственной, общественной, — более, — исторической важности»⁸³ — громкий политический процесс, который напугал бы обывателя размахом революционного движения и вызвал бы в обществе негативное отношение к народникам. Пропагандистская деятельность народников рассматривалась как «преследуемое законом преступное деяние, которое требует уничтожения в самом зародыше, независимо от того, повлекло ли оно за собою или нет опасные для государственного строя последствия»⁸⁴.

В ходе дознания по делу «О пропаганде среди народа» было арестовано около 4 тыс. человек по всей России. Только в Саратове к середине августа 1874 г. тюрьма была переполнена: в 16 одиночных камерах, где могли разместиться 150 человек, содержалось 580 заключенных⁸⁵. И.Л. Слезкин в специальных циркулярах требует проведения только обоснованных обысков и арестов, в отношении лишь «таких лиц, о которых поступило требование, или тех, о коих собраны сведения, вы-

⁸² Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 3, 9-10.

⁸³ РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 56. Л. 14.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

⁸⁵ См.: ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 14. Т. 2. Ч. 1. Л. 81.

зывающие необходимость обыска и ареста»,⁸⁶ а также «избегать, по возможности, указаний способов доставания доказательств и формулировать способ получения их так, чтобы защита на суде не могла назвать его незаконным»⁸⁷.

Может быть, в силу последнего указания архивные материалы не дают возможности в полной мере оценить применявшиеся политической полицией приемы и методы доказывания. Имели место негласные обыски, негласные проверки личности, факты задержания несовершеннолетних (например, была задержана 15-летняя девочка, которая умерла в тюрьме). Очевидно одно: действия чинов корпуса жандармов по делу «О пропаганде среди народа» не соответствовали уголовно-процессуальным формам, предусмотренным уставами 1864 г. Принципы презумпции невиновности, неприкосновенности личности, право обвиняемого обжаловать незаконные действия должностных лиц, привлечших его к ответственности, зачастую просто игнорировались.

Несмотря на это, в отношении большинства арестованных по делу не было собрано достаточных улик. Их вина нередко заключалась в хранении, передаче и обсуждении запрещенной литературы, что с большой натяжкой можно было подвести под состав государственного преступления. Н.А. Троицкий приводит следующие данные: из 4 тыс. арестованных к дознанию были привлечены 770 человек, к следствию - 265. Предварительное расследование затянулось на три с половиной года. К на-

⁸⁶ Там же. Ч. 2. Л. 286.

⁸⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 55.

чалу процесса насчитывалось 93 случая смерти, самоубийств, умопомешательств⁸⁸.

Дело «О пропаганде» слушалось Особым присутствием Правительствующего Сената с использованием демократических начал уставов 1864 г.: процесс был открытым (правда, в помещении Петербургского окружного суда, в котором слушалось дело, при большом количестве подсудимых - 193 человека - и их защитников оставалось мало места для публики, и та приглашалась по билетам); действовали принцип состязательности, право обвиняемого на защиту. Обвинение «разваливалось» на глазах. Было вынесено 90 оправдательных приговоров, 39 человек были приговорены к ссылке, 32 - к заключению на срок от 5 дней до 3-х лет, один - к отрешению от должности. Из 28 человек, приговоренных к каторге, о 27 Сенат ходатайствовал перед царем о смягчении наказания⁸⁹.

В письме будущему императору Александру III по поводу этого процесса К.П. Победоносцев писал: «В пору напряженного до крайности народного чувства, такого волнения и раздражения в умах наше правительство придумало пустить в ход громадный политический процесс о революционной пропаганде. <...> Дело по целой России запутывали, раздували, разветвляли, нахватили по невежеству, по низкому усердию множество людей совершенно даром, держали их целые месяцы даже без допроса, возбудили вопли, раздражения в семействах. Нако-

⁸⁸ См.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. С. 42.

⁸⁹ См.: Государственные преступления в России в XIX веке / Под ред. В. Базилевского (В. Богучарского). Т. 3. С. 252-253.

нец, они запутали дело до того, что (как я сам убедился в нескольких случаях) сами часто не могли дать себе отчета в том, кто у них сидит и за что посажен. Наконец, они испугались сами: оказалось, что когда дело пойдет в суд, у них не достанет оснований для обвинения великого множества людей, и окажутся непричастными такие, о которых с важностью докладываемо было самому государю. Тут они принялись выпускать и должны были выпустить множество арестованных, чем не уменьшили, конечно, великого раздражения от долгого содержания под стражей»⁹⁰.

Процесс «193-х» — процесс пропагандистов. Незаконные средства и методы, идущие вразрез с духом и буквой уставов 1864 г., здесь применяются на досудебной стадии. В процессах террористов правительство отходит от демократических принципов и институтов судебного разбирательства. Это было соответственно «обставлено» законодательными мероприятиями.

Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г. была оправдана В. Засулич, стрелявшая в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова⁹¹. Дело, имевшее откровенный политический характер, было передано на рассмотрение окружного суда с участием присяжных заседателей как общеуголовное преступление. Оправдание

⁹⁰ Письма Победоносцева к Александру III: В 2 т. М., 1925-1926. Т. 1. С. 84-86.

⁹¹ Подробнее о политических процессах 70-х гг. см.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. С. 232-265; Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России.

В. Засулич судом присяжных стоило министру юстиции поста. 30 мая 1878 г. К.И. Пален получил отставку.

Выстрел В. Засулич ознаменовал, с одной стороны, переход народников к террору, а с другой - применение правительством крайних репрессивных мер в судебной сфере.

9 мая 1878 г. был принят закон «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях»⁹². Правительство сочло «возможным и полезным упростить несколько порядок судопроизводства по государственным преступлениям, возложив суждение по ним, как это первоначально и было определено в уставах 1864 г., на местные судебные палаты», поскольку ОППС не было приспособлено для рассмотрения большого числа дел, а главное, «преимущественное подчинение означенных дел Правительствующему Сенату, представляющему собою высшее в империи судилище»⁹³ как бы способствовало росту авторитета революционеров в обществе. Особое присутствие Правительствующего Сената оставалось, но для передачи дела на его рассмотрение требовалось теперь высочайшее повеление.

9 мая 1878 г. датирован и другой закон - «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям»⁹⁴. Дела о сопротивлении властям, насильственных против них действиях и некоторые другие составы преступлений, носившие политический оттенок, изымались из ведения окружных судов с участием присяжных заседателей и передавались в судебные палаты с участием сословных пред-

⁹² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Отд. 1. № 58489.

⁹³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 9 - 1878. Д. 17. Л. 2.

⁹⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Отд. 1. № 58488.

ставителей. Теперь уже не только дела о государственных преступлениях, но и другие составы, представлявшие опасность для существующего режима в условиях перехода народников к террору, становятся подсудными судебным палатам.

9 августа 1878 г. правительство приняло закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»⁹⁵. Поводом к принятию закона послужило убийство С.М. Степняком-Кравчинским шефа жандармов Н.В. Мезенцова.

Военные суды действовали на основании военно-судебного устава 1867 г., легшего в основу военно-судебной реформы, распространявшей на военные суды начала гласности, устности, состязательности. Однако судьи военного ведомства не были несменяемыми - их назначение, перевод, увольнение осуществлял военный министр⁹⁶. В этом смысле они не могли находиться в оппозиции к существующему режиму.

Указ 5 апреля 1879 г., принятый через три дня после покушения А.К. Соловьева на Александра II, предоставил военным генерал-губернаторам право предавать гражданских лиц военному суду за совершение не только государственных преступлений, преступлений против порядка управления, но и любых общеуголовных⁹⁷.

Порядок производства в отношении лиц гражданского ведомства в военных судах был регламентирован указом от

⁹⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Отд. 1. № 58778.

⁹⁶ См.: Военно-судебный устав. Разд. 8. Гл. 1-2. СПб., 1867.

⁹⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 54. Отд. 1. № 59476.

8 апреля 1879 г.⁹⁸ Временному военному генерал-губернатору было предоставлено право передавать дело в суд по окончании дознания. Предварительное следствие не было обязательным. Устанавливались сокращенные процессуальные сроки. Получив материалы следствия или дознания, военный прокурор должен был представить дело генерал-губернатору со своим заключением «не позже как в течение следующего дня»⁹⁹. Обвинительный акт составлялся прокурором «в течение суток со времени получения им дела от генерал-губернатора»¹⁰⁰. Суд, получив обвинительный акт, должен был «дать делу дальнейший законный ход немедленно и не позже как на следующий день»¹⁰¹.

Процессы в военных судах шли при закрытых дверях. В качестве защитников в них участвовали не присяжные поверенные, а кандидаты на военно-судебные должности. Из свидетелей вызывались лишь те, которые могли явиться в трехдневный срок. На приговоры военного суда допускались лишь кассационные жалобы и протесты, поданные «в течение суток со времени объявления приговора в окончательной его форме», причем от генерал-губернатора зависело, «не давая делу направления в кассационном порядке, окончательно подтвердить приговор военного суда»¹⁰².

⁹⁸ Там же. № 59491.

⁹⁹ Там же. П. 4.

¹⁰⁰ Там же. П. 5.

¹⁰¹ Там же. П. 6.

¹⁰² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 54. Отд. 1. № 59491. П. 9.

По данным Н.А. Троицкого из 148 политических процессов за период с 1878 по 1890 гг. 93 шли в военных судах¹⁰³.

Таким образом, за полтора десятилетия, начиная с 1864 г., порядок производства по делам о государственных преступлениях менялся четыре раза. По этому поводу И.Я. Фойницкий заметил: «Одна из причин быстрых изменений, составляющих, конечно, явление ненормальное и подрывающих уважение к закону, заключается едва ли не в том, что *высшее правительство, по-видимому, возлагает на суд по преступлениям этого рода ожидания, не соответствующие ни призванию, ни существу судебной деятельности* (курсив мой. — М.Н.). Видеть в суде (и в административных карах) единственное средство борьбы с политической агитацией последнего времени, ожидать от суда исцеления общества от этого недуга, значит забывать, что политическое брожение нашего времени есть продукт весьма сложных общественных и государственных условий»¹⁰⁴.

Очень точно подмечено, что правительство видело в суде не то учреждение, которым новый суд уже стал в силу положенных в его основу демократических начал, а звено в карательном механизме, призванное обеспечить защиту режима.

С.А. Муромцев в вышеупомянутой записке М.Т. Лорис-Меликову «О внутреннем состоянии России весной 1880 г.» пи-

¹⁰³ См.: Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1894 гг. Изд. 2-е. Саратов, 1983. С. 73.

¹⁰⁴ Фойницкий И.Я. Как мы провели 1878 год? Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // На досуге: Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. СПб., 1900. Т. 2. С. 326.

сал: «Из рук судебной власти и в том несовершенном виде, в каком она еще существует, вырвана масса дел. В безмерно широкой области политических дел, которые по крайней шаткости, неуловимости, изменчивости признаков, отличающих деяния дозволенные от противозаконных, должны обставляться наибольшими гарантиями охраны личности, — именно в этих делах существует порядок, находящийся в вопиющем противоречии с основными мыслями русского общества о суде, возлелеянными самим законодателем, и с элементарными требованиями правосудия. Грабитель и убийца не могут подвергнуться обыску и аресту иначе как по постановлению судебного места, которое отвечает за свои действия по жалобе пострадавших лиц. Между тем при производстве дел с политическим оттенком вот уже 10 лет по ничтожному подозрению или непроверенному доносу полиция врывается в жилище, вторгается в сферу личной жизни, перечитывает письма, заключает подозреваемого под арест на целые месяцы, подвергает его нравственной пытке инквизиционного процесса, не предоставляя ему даже права точно и определенно знать, в чем именно он обвиняется»¹⁰⁵.

Кульминация движения народников — это убийство 1 марта 1881 г. Александра II, которым они, по мнению В.И. Ленина, себя исчерпали¹⁰⁶. Если реформатор не продолжает последовательно начатые им реформы, он рискует быть отторгнутым им же самой поднятой преобразовательной волной. Александру II им же начатые, но не продолженные реформы, стоили жизни.

Правительство же после 1 марта 1881 г. от реформ переходит к «охранению» существующего режима. 14 августа

¹⁰⁵ Муромцев С.А. Указ соч. Вып. V. С. 24.

¹⁰⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 114.

1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия»,¹⁰⁷ которое завершает серию мероприятий, направленных в этот период на изменение порядка производства по делам о государственных преступлениях.

В Положении были доработаны и обобщены судебные и административные меры преследования по делам о политических преступлениях, имевшие место в ранее принятом законодательстве, о чем шла речь выше. Принятое в качестве временной меры сроком на три года, Положение всякий раз возобновляло по инициативе властей свое действие до февраля 1917 г. По определению В.И. Ленина, возможно, слишком категоричному, это и была «фактическая российская конституция»¹⁰⁸. При анализе данного определения следует иметь в виду подход к конституции как к общественному консенсусу, согласно которому различают юридическую (или формальную) конституцию и фактическую – реальное соотношение сил в обществе. Оппозиция в России, ни революционная, ни либеральная, больше не представляла реальной угрозы для существующего режима.

В соответствии с Положением от 14 августа 1881 г. та или иная местность империи могла быть объявлена на положении усиленной или чрезвычайной охраны, что значительно увеличивало возможности для судебного и административного преследования. Генерал-губернаторам, а в губерниях, где они отсутствовали, министру внутренних дел было предоставлено право: «а) передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами преду-

¹⁰⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 350.

¹⁰⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 114.

смотренных, когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, и б) требовать рассмотрения при закрытых дверях тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка»¹⁰⁹. Следовательно, любое дело могло слушаться в военном суде, причем при закрытых дверях. Дела о государственных преступлениях в местностях, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, подлежали слушанию только в закрытом судебном заседании. Приговоры военного суда утверждались генерал-губернатором или командующим округа¹¹⁰.

Таким образом, наряду с установленной уставами 1864 г. системой судебных органов и демократической процедурой судопроизводства в России к концу 80-х гг., применялись как внесудебный порядок преследования (ссылка, высылка и другие меры административного преследования по делам о преступлениях, носивших политический оттенок), так и судебное преследование в чрезвычайном порядке (военные суды, которым могли быть подсудны лица гражданского ведомства, причем за общеуголовные преступления). «В то время как по смыслу судебных уставов и по основному требованию справедливости, — писал С.А. Муромцев, — никто не может быть подвергнут наказанию без суда, сотни, а может быть и тысячи лиц подвергаются... лишению привычного для них общества и притом по одному ничем не мотивированному распоряжению администрации»¹¹¹.

¹⁰⁹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 350. Ст. 17.

¹¹⁰ Там же. Ст. 18.

¹¹¹ Муромцев С.А. Указ. соч. Вып. V. С. 25.

М.Н. Гернет утверждал, что «рассмотрение дел о государственных преступлениях в судебном порядке, начиная с 70-х годов, очень приблизилось к административной расправе: судебных следователей (закон 19 мая 1871 г.) при производстве предварительного следствия заменили жандармы, дознание заменяло предварительное следствие, закрытие дверей суда и полная тайна судебного разбирательства приблизили судебные органы к административным»¹¹².

В период 70-х гг. изменения коснулись порядка производства по делам о государственных и иных, носящих политический оттенок преступлениях. Принципы и институты судоустройства и судопроизводства менялись настолько, насколько они обеспечивали защиту существующего режима в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по этим категориям дел. Порядок внесения такого рода поправок в судебные уставы отличался хаотичностью и быстротой реагирования правительства на очередное выступление народников и последовавший за ним политический процесс.

Иной характер носили поправки, внесенные в судебные уставы в 80-е гг. - период проводимого правительством Александра III курса, означавшего откат от реформ 60-70-х гг. В 80-е гг. правительство осуществляет план постепенного пересмотра судебных уставов. Методично и целенаправленно (по общему плану) один за другим нейтрализовывались демократические принципы и институты уставов 1864 г. Насколько правительство преуспело в реализации этого курса - уже другой вопрос.

¹¹² Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 130-131.

Чем была обусловлена степень ограничения того или иного института судебных уставов 1864 г. принятым в дополнение к ним законодательством? Очевидно, здесь сыграл роль такой фактор, как степень радикализма института: чем меньше институт соответствовал общественному и государственному строю, тем больше претерпевал изменений, и наоборот. Имело значение и случайное стечение обстоятельств: просто дошел черед до этого института, а не до другого. Нельзя не видеть в последовавших в этот период поправках, как уже отмечалось выше, и элемент усовершенствования судебного строя - устранения недостатков, выявившихся в ходе практической реализации уставов.

Обратно пропорциональная зависимость - чем меньше институт соответствовал общественным и государственным устоям, тем больше претерпевал изменений - проявлялась следующим образом. Вместо мировых судей, руководствовавшихся в своей деятельности принципами всеобщности и равенства всех перед судом (и это в государстве с сословным строем), в 1889 г. на большей части территории России были учреждены должности земских участковых начальников, наделенных административно-судебными полномочиями, взявших в свои руки всю полноту власти на местах. Тем самым правительство восстанавливало свою власть в низовом звене. Институт присяжных заседателей, призванный обеспечить участие общественности в отправлении судопроизводства (при отсутствии контроля со стороны представителей общества в других сферах государственной деятельности), был существенно ограничен законодательством 70-80-х гг. путем ужесточения цензов и сокращения подсудности. Адвокатура не претерпела столь серьезных кор-

ректив, как мировая юстиция и суд присяжных. Это можно объяснить ее обособленным от системы государственных органов положением самоуправляющейся корпорации, не вызывавшим потребности «вписать» адвокатуру в общий строй государственных учреждений.

Нормальному функционированию судебной системы, безусловно, мешал хаос в уголовном и гражданском праве. Самодержавие, проводя судебную реформу, собиралось в русле обозначенного курса преобразовать отрасли материального права. В 70-е гг. XIX в. министерством юстиции совместно со II отделением с. е. и. в. канцелярии были проделаны подготовительные работы, а в начале 80-х гг. созданы подготовительные комитеты по пересмотру Уголовного и Гражданского уложений. 22 апреля 1881 г. был учрежден Особый комитет для пересмотра Уголовного уложения, а 12 и 26 мая 1882 г. последовали высочайшие повеления о необходимости приступить к пересмотру гражданских законов.

Начатая кодификация уголовного и гражданского права иллюстрирует противоречивые тенденции в политике правительства. Подготовка Уголовного и Гражданского уложений свидетельствовала о том, что правительство еще не отказалось от реформаторского курса.

И все-таки изучение закулисной борьбы политических сил вокруг судебных уставов, анализ законодательства о судоустройстве и судопроизводстве 80-х гг. XIX в. и практики его применения наводит на мысль, что это — целенаправленная, четко продуманная политика правительства Александра III в сфере суда, которая явилась существенной составной частью

внутренней политики, и в которой тенденции контрреформирования явно возобладали над реформаторским курсом.

Отказ от политики реформ в 80-е гг. коснулся не только судоустройства и судопроизводства. Тот же настрой был у правительства в отношении земской, городской и других реформ.

В.Д. Кузьмин-Караваев писал: «После ряда серых бесцветных лет наступил восьмидесятый год. Призванное сказать свое слово, русское общество зашевелилось. Общественная мысль готова была вернуться в русло шестидесятых годов. Сильнее стали слышаться голоса поборников права, законности... Ужасное событие 1-го марта - и полная реакция охватила самые широкие общественные круги»¹¹³.

Незадолго до смерти Александра II в обществе распространились слухи о том, что скоро будет обнародован манифест, по которому России будет дарована конституция. Поводом к такого рода слухам послужила подготовка и обсуждение в «верхах» проектов государственных преобразований, в том числе и проекта М.Т. Лорис-Меликова. И с вступлением на престол Александра III либералы ждали поворота политики правительства влево. Однако правительство совершило крутой поворот вправо.

Александр III в мае 1884 г. сказал, что «верховная власть не должна участвовать в ходе правосудия, что судебные уставы были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был

¹¹³ Кузьмин-Караваев В.Д. Правовые нужды деревни // Земство и деревня. 1893-1903. СПб., Статьи, рефераты, доклады и речи. 1904. С. 328.

первый шаг, что конституцию он считал бы очень покойною для себя самого, но очень опасною для России мерю, что он считает необходимым изменить в этом отношении судебные уставы...»¹¹⁴. Александр III усматривал в судебной реформе 1864 г. связь с развитием России по конституционному пути. Однако он заявляет о собственном нежелании вести Россию в этом направлении.

Осенью 1885 г. произошла замена на посту министра юстиции: вместо Д.Н. Набокова был назначен Н.А. Манасеин.

В письме К.П. Победоносцева Александру III от 3 ноября 1885 г. читаем: «Получив сейчас приказание от Вашего величества, я немедленно сообщу его Манасеину. Слух об отставке Набокова действительно распространился, хотя я никому ничего не говорил о чем-либо подобном. Впрочем, слухи этого рода повторяются беспрестанно, - и в прошлом году осенью, после поездки Набокова по России, в обществе ожидали того же»¹¹⁵.

Чуть позже, в письме от 6 ноября 1885 г., К.П. Победоносцев сетует по поводу того, что хотя «Набоков с утра до ночи работал..., крайняя нерешительность характера и мнений связывала всю его деятельность». К.П. Победоносцев также замечает, что «в России при крайнем усложнении законодательства и отношений всякого рода управление до чрезвычайности тяжело и трудно для человека, серьезно хотящего при-

¹¹⁴ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 197.

¹¹⁵ Письма Победоносцева Александру III. Т. 2. С. 87.

нести пользу и водворить порядок; но самое тяжелое и трудное, без сомнения, - управление судебным ведомством»¹¹⁶.

За любым законопроектом, разработанным в период нахождения Н.А. Манасеина на посту министра юстиции (1885-1893 гг.), четко просматривается фигура К.П. Победоносцева. Государственный секретарь А.А. Половцов, чей дневник подробно отражает ход подготовки и принятия законодательства 80-х гг., сопровождавшую его открытую и скрытую от постороннего взгляда борьбу, называет Н.А. Манасеина «приказчиком Победоносцева»¹¹⁷.

Когда встал вопрос о том, кого назначить министром юстиции, как свидетельствует Е.М. Феокистов, «Катков доказывал, что если хотят существенного преобразования судебных порядков, то надобно остановить выбор на лице, которое не принадлежало бы к судебному сословию, не было бы связано с ним такими узами, которые ... было бы трудно порвать. Но Победоносцев устранился сколько-нибудь коренной ломки; как всегда случалось с ним, он готов был идти очень далеко, пока дело ограничивалось бесплодными рассуждениями, и вдруг изменил тон, когда появилась возможность действовать»¹¹⁸. То есть, по мнению М.Н. Каткова, лучше всего на пост министра юстиции в этот период подошел бы человек никакого отношения к судебному ведомству не имевший, не зараженный духом «судебного самодержавия», простой исполнитель чужой воли, ничего не понимавший в сложном механизме судоустройства и судопроизводства.

¹¹⁶ Там же. С. 92.

¹¹⁷ Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 36.

¹¹⁸ Феокистов Е.М. Указ. соч. С. 224.

Незадолго до перемен, последовавших в руководстве министерством юстиции, М.Н. Катков писал в «Московских ведомостях» об ожидаемой в России судебной реформе, которой «будет покончено с судебным самодержавием»¹¹⁹.

30 октября 1885 г. был датирован доклад К.П. Победоносцева Александру III, содержащий программу постепенного пересмотра судебных уставов 1864 г. путем внесения в них отдельных поправок, нацеленных на подрыв демократических начал и принципов судоустройства и судопроизводства. В докладе предлагалось:

- ликвидировать несменяемость судей, независимость суда от администрации, установив такой порядок, когда неугодного судью можно было бы «сместить или заменить, как прежде можно было поступить с негодным секретарем или делопроизводителем»;

- «...дать председателю безусловное право устранить публичность по некоторым делам и умножить разряды дел, по закону производимых в закрытом заседании»;

- «...принять решительные меры к обузданию и ограничению адвокатского произвола, поставить поверенных в строгую дисциплину перед судом»;

- «отделаться» от суда присяжных, «дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но нужно достигнуть постепенно, изымая один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных»;

- ликвидировать кассационный порядок производства;

- осуществить полную реорганизацию мирового суда;

¹¹⁹ Московские ведомости. 1885. 27 мая. (передовая).

- предоставить исполнительной власти свободу действий по отношению к судебным органам¹²⁰.

И статьи М.Н. Каткова, неофициального идеолога, владевшего умами тысяч людей, и доклад К.П. Победоносцева, официального идеолога правительства Александра III, свидетельствовали о намерении правительства перейти к последовательному ограничению демократических начал уставов 1864 г. Однако речь идет не о разработке и принятии новых судебных уставов, а о внесении отдельных изменений и поправок, но - в отличие от законодательства 70-х гг. - по четко очерченному плану и в определенной последовательности. По мнению М.Н. Каткова, «технические подробности судоустройства и судопроизводства могут требовать более или менее продолжительного обдумывания, <...> но чтобы поставить судебные учреждения на их место, для этого не потребуется никаких сборов»¹²¹.

С принятием законодательства 70-х гг., изменивших порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях, затем новелл 80-х гг., ограничивших основные принципы и институты судебной реформы, внешне - уставы 1864 г. продолжали действовать, внутри - их содержание было нейтрализовано.

Прежде всего изменения коснулись независимости судебной власти и несменяемости судей.

Независимость судебной власти как проявление принципа разделения властей и обеспечивающая ее несменяемость судей

¹²⁰ См.: Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 508-514.

¹²¹ Московские ведомости. 1886. 3 окт. (передовая).

не только противоречили самодержавному строю, но подрывали его основы и в силу этого крайне раздражали правительство. Не случайно последовавшие в период 80-х гг. систематические изменения в судебных уставах прежде всего коснулись независимости судебной власти. Цель очевидна - ввести суды в общий строй государственных учреждений. Как следствие - 20 мая 1885 г. был принят закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», ограничивший судейскую несменяемость.

Ограничение гласности судопроизводства стало следующей мерой, предпринятой правительством в 80-е гг. Не случайно К.П. Победоносцев в известном докладе требовал предоставить председателю безусловное право закрывать двери суда при рассмотрении некоторых категорий дел и увеличить перечень дел, по закону подлежащих рассмотрению в закрытом заседании. Открытые двери залов судебных заседаний и откровенные отчеты в прессе о ходе процессов при отсутствии гласности в других сферах государственной деятельности, обнажение язв существующей действительности, поскольку всякое преступление чаще всего имеет под собой социальные корни - все это мешало правительству. Поэтому закон 12 февраля 1887 г. ограничивал гласность судопроизводства.

Нейтрализация суда присяжных также стала предметом большой заботы правительства. Закон 28 апреля 1887 г. «О порядке составления списков присяжных заседателей» возложил составление общих списков присяжных заседателей на должностных лиц, располагающих сведениями об имуществе, образовании, благонадежности лица. Кроме того, закон изменил цензо-

вые начала по выборам в присяжные заседатели таким образом, что привлек в состав суда присяжных те слои общества, которые служили опорой самодержавия (например, зажиточных крестьян), и, напротив, ограничил доступ интеллигентов-разночинцев (мелких чиновников, служащих, учителей и др.).

К.П. Победоносцев в докладе от 30 октября 1885 г. предлагал, как уже было сказано, «отделаться» от суда присяжных, изымая из его ведения одну за другой категории уголовных дел. Собственно, этой тактики правительство придерживалось еще задолго до составления известного доклада. Если в первоначальной редакции уставов 1864 г. из подсудности присяжных были изъяты и переданы в судебные палаты с участием сословных представителей государственные преступления,¹²² то законом 9 мая 1878 г. — дела о преступлениях против порядка управления (о сопротивлении распоряжения правительства, о неповиновении властям, об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности, об убийстве или покушении на убийство должностных лиц, нанесении им ран и увечий и других насильственных против них действиях)¹²³. Если закон 9 мая 1878 г. был принят как временный, чрезвычайный, что должно было служить гарантией его отмены, как только политическая ситуация, обусловившая необходимость его принятия, переменится к лучшему, то закон 7 июля 1889 г. был принят уже как постоянно действующий, что свидетельствовало о совершенно определенной направленности действий правительства Александра III в сфере суда.

¹²² Уст. угол. суд. Ст. 1032.

¹²³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т 53. Отд. 1. № 58488.

Этот закон не только подтвердил подсудность преступлений против порядка управления (о неповиновении властям и насильственных против них действиях) судебным палатам с участием сословных представителей, но и передал в их ведение из компетенции суда присяжных еще значительный круг дел: о преступлениях по службе государственной и общественной, против имущества и доходов казны, общественного благоустройства и благочиния, прав семейных¹²⁴. Если бросить общий взгляд на категории дел, изъятые законодателем в разное время из ведения «суда общественной совести», то в подавляющем большинстве это были дела, носившие политический оттенок.

Ограничение действия института мировых судей явилось самым радикальным мероприятием правительства Александра III в рамках судебной контрреформы.

Отношение представителей охранительного направления к положению дел в деревне, управлению в ней и определение в этой связи правительственного курса отчетливо отражается в известном докладе министра внутренних дел Д.А. Толстого от 16 декабря 1886 г. и его записке к проекту закона о введении земских участковых начальников, представленной в Государственный совет 5 февраля 1886 г. Эти документы были введены в научный оборот П.А. Зайончковским,¹²⁵ и подробно про-

¹²⁴ ПЗС. Собр. 3-е. Т. 9. № 6162.

¹²⁵ См.: Зайончковский П.А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 года // Исторические науки. 1961. № 2. С. 42-72.

анализированы Б.В. Виленским в части, касающейся изменений судебного строя¹²⁶.

Правительство стремилось к созданию эффективного механизма управления в низовом звене, которому бы беспрекословно подчинялась крестьянская часть населения. Мировая юстиция с ее демократическими началами построения мешала этому процессу. Поэтому не было ничего проще, как упразднить мировые суды и создать должности земских участковых начальников со смешанной административно-судебной компетенцией. Д.А. Толстой предлагал «установление на местах близких к населению и авторитетных в его глазах правительственных органов ведомства министерства внутренних дел, которые заведовали бы крестьянским делом во всей его совокупности, объединяли бы в своих руках все важнейшие интересы сельского населения и были бы снабжены необходимыми полномочиями»¹²⁷.

12 июля 1889 г. были высочайше утверждены: 1) Положение о земских участковых начальниках; 2) Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; 3) Временные правила о волостном суде в тех же местностях; 4) Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках¹²⁸. 29 декабря 1889 г. были введены Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям¹²⁹.

¹²⁶ См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. С. 287-295.

¹²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241 - 1886. Д. 51. Л. 61.

¹²⁸ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 9. № 6196.

¹²⁹ Там же. № 6483.

С.А. Муромцев дал в 1889 г. следующую оценку законодательству 80-х гг.: «В августе 1881 г. появился первый крупный законодательный акт нынешнего царствования: «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», в июле 1889 г. утвержден закон о земских участковых начальниках вместе с другими связанными с ним законоположениями. В промежутках между этими двумя законами было несколько других однородных с ними по своей тенденции»¹³⁰. Закон о земских участковых начальниках, который «отдает крестьянское население под опеку дворянского сословия»,¹³¹ С.А. Муромцев рассматривал как откровенное возвращение к старым дореформенным порядкам в обществе и государстве, в то время как нужна была, по его мнению, медленная, постепенная трансформация правового и политического строя России в русле реформ 60-70-х гг.

К концу 80-х гг. правительству удалось выйти из ситуации, когда суд был самостоятельным и не зависимым от административной власти учреждением. Авторы известной работы «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет» отмечали: «При характеристике практического соотношения судебной и административной властей в последнее десятилетие XIX в. не следует также забывать, что с течением времени в высших правительственных кругах установился несколько иной взгляд на принцип разделения властей... Составители судебных уставов принимали начало резкого обособления властей и полной независимости судебной власти как непререкаемую истину... Разделение властей было в законе проведено настолько после-

¹³⁰ Муромцев С.А. Указ. соч. Вып. V. С. 72.

¹³¹ Там же. С. 76.

довательно, насколько позволяли условия времени, а судебные деятели старались осуществить его на практике. Но эта идея постепенно утратила значение непререкаемого догмата. Законодательство прямо и сознательно отказалось от нее при реорганизации (в 1889 г.) низших судебных установлений»¹³².

Изменились не только роль и место суда в государственном механизме, но и личностный фактор - отношение чинов судебного ведомства, адвокатов к своей профессиональной деятельности и состоянию дел в судах. Об этом может свидетельствовать упадок адвокатуры. Так, Московский совет присяжных поверенных, вводя в 1890 г. новые правила для помощников присяжных поверенных, вынужден был признать: «Сословие мельчает, уровень опытности и знаний в массе понижается, а чувство чести и долга, понятие о порядочности, о границах дозволенного, принципы общественного служения забываются»¹³³.

Можно констатировать еще одну тенденцию в правоприменительной практике в сфере судоустройства и судопроизводства того периода времени, когда норма перестает действовать не в результате формальной ее отмены, а с помощью разного рода административных уловок. Так, министерство юстиции стремится влиять на кадровый состав судебного ведомства, хотя формально принципы независимости судебной власти и несменяемости судей остаются; административные власти препятствуют опубликованию материалов о ходе судебных заседаний в прессе и т.д.

¹³² Судебные уставы ... за пятьдесят лет. С. 627.

¹³³ Журнал гражданского и уголовного права (далее - ЖГ и УП). 1890. Кн. 9. С. 153.

Характеристика судебной политики самодержавия данного периода будет неполной без изучения законопроектов, не получивших практического воплощения. Они подчас иллюстрируют наметившиеся в правительственных сферах тенденции ярче, нежели действующее законодательство.

Готовился пересмотр норм судебных уставов о присяжных поверенных. Сначала была создана комиссия под председательством обер-прокурора Первого департамента Сената Г.А. Евреинова. В связи с назначением его на другой пост вопрос был отложен¹³⁴.

В 1890 г. было образовано Совещание под председательством директора Первого департамента министерства юстиции М.В. Красовского. Совещание предлагало уменьшить срок практической подготовки к званию присяжного поверенного с 5 до 4 лет. К числу условий, препятствующих получению звания присяжного поверенного, Совещание отнесло состояние под опекою или гласным надзором полиции. Члены Совещания высказались за отмену приостановления открытия Советов присяжных поверенных¹³⁵.

15 июня и 9 октября 1891 г. при министерстве юстиции учреждаются две особые комиссии для пересмотра законов в сфере уголовного судопроизводства (под председательством А.И. Пятницкого) и гражданского судопроизводства (под пред-

¹³⁴ См.: История русской адвокатуры: В 2 т. М., 1914. Т. 1. С. 237-243.

¹³⁵ См.: Высоч. учр. комис. Подготовительные материалы. СПб., 1894. Т. 3. С. 1-154.

седательством Н.Н. Селифонтова). Цель - согласование судебных порядков, существующих в различной местности¹³⁶.

Был разработан проект министерства юстиции об учреждении в составе Сената Верховного совестного суда, который с высочайшего соизволения, и по представлению министра юстиции мог бы пересматривать дела, руководствуясь не законом, а требованиями «истинной справедливости» и «нравственным принципом внутренней правды». Предполагалось также возвращение к старой ревизии вместо кассации, дальнейшее ограничение независимости суда от адвокатуры, суда присяжных. Создание в 1893 г. по этому поводу Особого совещания под председательством видного деятеля судебной реформы Н.И. Стояновского служило подтверждением серьезности предполагаемых преобразований¹³⁷. Это был явный поворот вспять, к прежним дореформенным порядкам.

Так, Верховный совестный суд, согласно предлагаемому министром юстиции Н.А. Манасеиным законопроекту, мог пересматривать окончательно решенные гражданские дела «в случае несовпадения понятия права по закону с идеею правды по велениям совести»¹³⁸.

По мнению известного русского ученого того времени, автора интереснейших работ по теории государственного права, звучащих современно и сегодня, Н.М. Коркунова, «суд этот в

¹³⁶ См.: Там же. С. 64-69.

¹³⁷ См.: Гессен И.В. Указ. соч. С. 221-222; Муравьев Н.В. Последние речи. СПб., 1903. С. 62; Судебные уставы ... за пятьдесят лет. С. 630-631.

¹³⁸ Высоч. учр. комис. Подготовительные материалы. Т. 2. С. 10-13.

отличие от подзаконных органов суда должен был явиться органом судебной власти, стоящей *выше закона*. Он отмечал, что идея учреждения в составе Сената Верховного совестного суда была не нова. Еще в Комитете 6 декабря 1826 г. о преобразовании Сената было обращено внимание «на необходимость установить какой-нибудь исход на случай резкого несоответствия формальной правды с нравственным чувством».

Но составленный в 1826 г. проект, по мнению Н.М. Коркунова, выгодно отличался от проекта конца века «в смысле нравственно большего сохранения единства и самостоятельности судебной власти». «Наши государственные деятели не считали возможным, — писал он, — к таким губительным для твердости правосудия мерам, как раздвоение судебной власти на подзаконную и стоящую выше закона, как предоставление министру юстиции по своему усмотрению испрашивать Высочайшее соизволение на пересмотр окончательно решенных дел особым порядком, вне законных форм и условий»¹³⁹.

Откровенный возврат к старым дореформенным порядкам, который предполагали подобные законопроекты, не отвечал велению времени. Правительству было необходимо, чтобы любой пересмотр, по сути сворачивая положенные в основу уставов 1864 г. демократические начала, по форме походил бы на усовершенствование судебного строя.

Проект Н.А. Манасеина (читай, К.П. Победоносцева) в Государственном совете не прошел. Не удержался на посту министра юстиции и он сам.

¹³⁹ Коркунов Н.М. Проект Верховного совестного суда // Ж М Ю. 1895. С. 135-136.

Законодательство о суде 70-80-х гг. при внешней видимости частных поправок к уставам 1864 г. имело вполне определенную направленность - вторжение администрации в сферу деятельности судов. Основными мероприятиями в ряду этих мер, предпринятых самодержавием, явились: издание Правил 19 мая 1871 г., передавших жандармским офицерам следственные полномочия; учреждение Особого присутствия для рассмотрения дел о государственных преступлениях в составе Сената - судебно-административного учреждения; передача дел о лицах гражданского ведомства в военные суды; меры административного воздействия, широко применявшиеся в соответствии с «Положением об охране» 14 августа 1881 г.; создание в 1885 г. Дисциплинарного присутствия Сената для решения вопросов об отрешении судей от должностей; ограничение гласности судопроизводства; контроль за составлением списков присяжных заседателей и сужение компетенции суда присяжных; наконец, введение в 1889 г. института земских участковых начальников, наделенных административно-судебными полномочиями, распространявшимися на крестьян, составлявших основную массу населения страны. Судебную политику правительства в этот период нельзя охарактеризовать иначе как контрреформа.

Констатируя проведение правительством судебной контрреформы в 70-80-е гг., автор приходит к следующим выводам:

- судебная контрреформа не обязательно должна быть ознаменована принятием новых судебных уставов; ее содержание могла выражать серия законодательных актов, имевших общую направленность на нейтрализацию демократических принципов и институтов судебной реформы;

- правительство не смирилось с самой демократичной из реформ второй половины XIX в.; напротив, противоречие между судом и другими государственными институтами, делавшее суд «инородным телом в организме самодержавия» и лишавшее правительство опоры, особенно в условиях подъема выступлений народников, заставляло самодержавие принимать неотложные меры, чтобы ввести суд в общий строй государственных учреждений;

- при сочетании в политике самодержавия в исследуемый период реформаторской и контрреформаторской тенденций с начала 70-х гг. последняя возобладала, и судебная реформа «захлебнулась», уступив место контрреформе;

- в ходе судебной контрреформы можно выделить два периода: первый, с 1871 по 1881 гг. - изменение порядка производства по делам о государственных преступлениях; второй, 80-е гг. - постепенный пересмотр основных принципов и институтов уставов 1864 г. в русле общего курса правительства Александра III;

- степень последовательности судебной реформы 1864 г., соответствие потребностям общества были таковы, что ее принципы и институты нельзя было отменить не вызвав глубокого возмущения и протеста в обществе, правительство это прекрасно осознавало;

- к концу 80 - началу 90-х гг. демократические принципы и институты уставов 1864 г. были ограничены: внешне, по форме, продолжали действовать судебные уставы, но содержание их было существенно изменено.

Тем не менее, правительство, понимая, что законодательство 70-80-х гг. нарушило единство и целостность судебного

механизма, вынашивало планы полного и систематического пересмотра уставов 1864 г., но это требовало времени и потому откладывалось на будущее.

Глава 3

Реализация принципов и институтов судебных уставов (1864-1889 гг.)

3.1. Демократические принципы уставов 1864 г.

Независимость суда от администрации, несменяемость судей. Составители уставов 1864 г. понимали обособление судебной власти в соответствии с принципом разделения властей как непререкаемую истину. В этом плане независимость суда от администрации признавалась как необходимое условие совершенного судебного строя, гарантировавшего отправление правосудия. Обособление и независимость судебной власти, несменяемость судей были проведены в уставах 1864 г. настолько последовательно, насколько позволяли условия времени. Судьи же стремились не менее строго руководствоваться этими началами на практике.

Чтобы суд мог быть самостоятельным, а судья независимым, рассуждали "отцы судебной реформы", необходимо поставить их вне всякой подчиненности и влияния, кроме самой судебной власти. Поэтому надзор за судебными установлениями и состоявшими в них судьями принадлежал исключительно суду в порядке подчиненности.

В главе о надзоре за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства (ст. 249 Учр. суд. уст.) было сказано:

"Надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства, за исключением чинов прокурорско-

го надзора, принадлежит высшим в порядке подчиненности судебным местам и лицам:

1) Кассационным департаментам Правительствующего Сената - за всеми судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства в империи;

2) Судебным палатам - за состоящими в округе их судебными местами и должностными лицами, кроме мировых судей и их съездов;

3) Окружным судам - за всеми должностными лицами, принадлежащими к сим судам и при них состоящими".

Эти положения судебных уставов свидетельствовали в пользу самостоятельности и независимости судов, обособленности их от администрации.

В то же время соединение в одном лице функций министра юстиции и генерал-прокурора Сената являлось неким отступлением от общей концепции самостоятельности судебной власти, провозглашенной судебными уставами.

Кроме ст. 187 Учр. суд. уст., в которой говорилось, что министр юстиции взаимодействует с судами или через состоящих при них чинов прокурорского надзора, или посредством председателей и первоприсутствующих этих судов, ему как генерал-прокурору по ст. 254 Учр. суд. уст. принадлежал общий надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства в пределах, установленных этим законом. В качестве генерал-прокурора министр юстиции на основании ст. 255 Учр. суд. уст. мог делать предостережения председателям судебных установлений.

Для судей общих судебных установлений действовал принцип правительственного назначения. В отношении мировых судей было провозглашено выборное начало (причем срочное).

Ст. 243 Учр. суд. уст. предусматривала, что судьи "не могли быть ни увольняемы без прошения <...>, ни переводимы из одной местности в другую без их согласия". Увольнению подлежали по усмотрению кассационных департаментов только лица, привлеченные к уголовной ответственности или признанные по суду несостоятельными должниками.

Ограничен круг оснований, позволявших уволить судью, слишком высоко в системе судебных учреждений стоит инстанция, в чьей компетенции - увольнение судьи. И тем не менее, это - не абсолютная несменяемость судьи, которой в принципе и не бывает. Вопрос о возможности пребывания судьи в должности должна решать коллегия, состоящая из самих судей. Только ей может быть дано право отстранить от должности некомпетентного, морально нечистоплотного судью.

Следует признать, что хотя судьи в России по уставам 1864 г. и не были наделены абсолютной несменяемостью, но этот принцип в законодательном выражении и в правоприменительной практике существовал в широком смысле - порядок отстранения судей от должности был весьма затруднен.

М.Н. Катков иронизировал по поводу судейской несменяемости: "Образовалась доктрина и распространилась не только в храме Фемиды, но и в правительственных сферах Российской империи, будто судебные чины абсолютно несменяемы, будто судебный чин, еще не зарезавший человека или не совершивший другого подобного скандала, подлежащего суду, не может быть удален от должности, при какой бы то ни было неспособности

или негодности. Более смелые умы позволяют себе несколько более либеральное толкование священного догмата. Судебные чины могут де быть сменяемы не по одному уголовному суду, а также и по дисциплинарному производству. Из такого толкования следует, что судебный чин может быть удален, но не иначе, как по усмотрению самой же судебной корпорации, независимой и самодержавной, которой политика не всегда может сходиться с видами правительства Российской империи, что государственная власть находила бы негодным, то судебная корпорация может признать, напротив, очень пригодным".

И далее в той же статье М.Н. Катков с присущей ему гибкостью под видом критики принципа независимости суда от администрации обосновывает идею возвращения верховной власти утраченных с принятием уставов 1864 г. прав: "Судьи должны быть независимы от административных властей, точно так же, как и административные от судебных, но верно то, что как те, так и другие, безусловно и вполне зависят от верховной власти"¹.

Насколько же правительству в ходе судебной контрреформы удалось продвинуться в борьбе с "судебным самодержавием"?

Законом 10 мая 1877 г. было реорганизовано Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената. К его ведению было отнесено предание суду чинов судебного ведомства, оно получило право делать замечания дисциплинарного характера всем судебным учреждениям в тех случаях, когда признает их решения неправильными. В этой связи наблюдался некоторый отход от провозглашенного уставами 1864 г. принципа судейской несменяемости и независимости суда от адми-

¹ Московские ведомости. 1884. 23 янв. (передовая).

нистрации, поскольку первый департамент Сената являлся административным органом и не был связан с судебными установлениями.

За период с 10 июня 1877 г. по 1 января 1881 г. в порядке дисциплинарного производства было привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто взысканиям 54 должностных лица, уголовному суду предано 157 чинов судебного ведомства. Эти данные приводятся в исследовании А.В. Шаврова².

В период правления Александра III постепенный пересмотр судебных уставов уже по заранее обозначенному плану, в отличие от разрозненного законодательства 70-х гг., начался именно с ограничения несменяемости судей и независимости суда от администрации. Принятый по этому поводу 20 мая 1885 г. закон "О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства" явился первым в цепи мероприятий правительства в период 80-х гг., направленных на пересмотр демократических принципов и институтов уставов. Стремление покончить с обособленностью судебной власти, вернуть монарху хоть отчасти утраченные прерогативы в судебной сфере, ввести суды в общий строй государственных учреждений, поставить судей на одну ступень с другими чиновниками в государстве - такие задачи стояли перед правительством.

Согласно принятому закону судья мог быть уволен за упущения по службе, "которые хотя и не влекут удаления его от должности по суду, но ...свидетельствуют о несоответствии ви-

² См.: Шавров А.В. Сенат в системе юридических учреждений Российской империи (1864-1904). Дис... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 184.

нового в них судьи занимаемому положению" и за "противные нравственности и предосудительные поступки" вне службы. Судья, давший "основательный повод сомневаться в дальнейшем спокойном и беспристрастном исполнении им своих обязанностей", мог быть переведен в другую местность империи. Для рассмотрения дел этого рода было учреждено Высшее дисциплинарное присутствие Сената в составе семи сенаторов Соединенного присутствия первого и кассационных департаментов, двух первоприсутствующих кассационных департаментов и четырех сенаторов, назначаемых ежегодно царем. Высшему дисциплинарному присутствию были подведомственны дела об увольнении и переводе судей по вышеуказанным основаниям по представлению министра юстиции³.

Указанные в законе основания отрешения судьи от должности давали возможность для расширительного их толкования. Вместо четкого перечня проступков, которые могли повлечь отставку судьи, излагались пространные формулировки, которые при желании можно было бы трактовать как угодно.

Усматривается и вторжение администрации в деятельность судебного ведомства - министр юстиции (он же генерал-прокурор Сената) мог поставить вопрос об увольнении судьи. Решение вопроса об отрешении судьи от должности входило в компетенцию специального органа, формировавшегося высочайшей властью из состава высшей в империи судебной инстанции.

По поводу создания дисциплинарного присутствия Сената К.П. Победоносцев писал Александру III: "Для того, чтобы присутствие это могло действовать с успехом и энергией, необходимо дать ему цельный состав, т.е. составить его всего-

³ См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 5. № 2959. Ст.ст. III, XX.

на-всего из 5-6 членов, сенаторов, по прямому выбору и назначению верховной власти"⁴.

Определение состава Высшего дисциплинарного присутствия, в компетенцию которого входило отрешение судей от должности, верховной властью должно было возратить этой власти хоть отчасти утраченные прерогативы. Ограниченный круг сенаторов в этом присутствии делал его вполне послушным и управляемым. Дела в Высшем дисциплинарном присутствии Сената рассматривались по представлению администрации в лице министра юстиции, а не по инициативе квалификационных коллегиальных органов в составе нижестоящих судебных инстанций (например, дисциплинарных присутствий судебных палат), хотя формально вопрос об отстранении судьи от должности решался коллегиальным органом из числа судей высшей в стране судебной инстанции.

По данным, которые приводятся в работе А.В. Шаврова, за десятилетие, с 1885 по 1894 гг., в Высшее дисциплинарное присутствие Сената поступило 129 дел об увольнении судей. Ежегодно присутствие рассматривало в среднем 18-20 дел⁵. Очевидно, что число дел, приходившихся в среднем на год, в масштабах империи было не столь велико. В то же время для объективной оценки деятельности Высшего дисциплинарного присутствия Сената необходимо знать не только общее число рассмотренных дел, но и их исход - сколько дел закончилось отстранением судьи от должности.

⁴ Письма Победоносцева Александру III: В 2 т. М., 1925-1926. Т. 2. С. 75.

⁵ См.: Шавров А.В. Указ. соч. С. 189.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, хотя правительство и стремилось ограничить судебскую несменяемость, вернуть суд под контроль администрации, откровенно сделать это не рискнуло. Создание Высшего дисциплинарного присутствия Сената было своего рода компромиссной мерой.

Состязательность сторон. Равноправие сторон в уголовном процессе выражалось в том, что как прокурору или частному обвинителю, так и подсудимому или его защитнику предоставлялось в судебном заседании право: формулировать свои требования, представлять доказательства в подтверждение этих требований и заявлений, отводить судей, присяжных заседателей и свидетелей, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствие друг друга, делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, опровергать доводы и соображения противной стороны и принимать участие в судебных прениях.

Принцип состязательности, проходивший красной нитью через весь уголовный процесс, наиболее полно провозглашался в ст. 630 Устава уголовного судопроизводства:

"Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник - с другой, пользуются одинаковыми правами. Как той, так и другой стороне предоставляется:

- 1) представлять в подтверждение своих показаний доказательства;

- 2) отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей (экспертов. - М.Н.), предлагать им с разрешения председателя суда вопросы, возражать против свидетельских пока-

заний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствие друг друга;

3) делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему в суде, и

4) опровергать доводы и соображения противной стороны"⁶.

Те же права имел в уголовном процессе гражданский истец по всем предметам, касавшимся его иска.

Предусматривая процедуру судебного разбирательства по уголовным делам в виде состязания сторон - обвинения и защиты, законодатель вместе с тем предоставил подсудимому или его защитнику "право последнего слова как по существу дела, так и по каждому спорному предмету"⁷.

Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве имел особый смысл в процедуре с участием присяжных заседателей. От того, как сторона представляла и исследовала доказательства, участвовала в прениях, насколько проясняла непонятные для представителей общества в суде - присяжных заседателей - моменты, во многом зависел вердикт присяжных: "виновен" или "не виновен" подсудимый. Характерно, что у прокурора было больше шансов отстоять свою позицию в том смысле, что присяжные воспринимали его как официальное лицо - представителя государства. Там, где подсудимому и его защитнику приходилось доказывать, приводя веские аргументы, прокурору верили на слово. Однако, если в ходе судебного разбирательства возникали неясные и противоречивые моменты, общественное мнение невольно склонялось в сторону защиты,

⁶ Уст. угол. суд. Ст. 631.

⁷ Там же. Ст. 632.

чем объяснялись подчас оправдательные вердикты присяжных при доказанности вины подсудимого. Таким образом, объективно уравнивались возможности сторон в процессе и создавались реальные предпосылки для действия принципа состязательности.

В судебных уставах 1864 г. был установлен следующий порядок исследования доказательств в судебном следствии, отвечавший принципу состязания сторон: сначала допрашивались потерпевшие, затем свидетели обвинения и, наконец, свидетели защиты⁸. Однако установленный в законе порядок мог быть изменен "по встретившимся в соблюдении его препятствиям или по особенным уважениям, принятым во внимание председателем суда"⁹.

Если доказательства сгруппированы - сначала представляет доказательства сторона обвинения, затем сторона защиты в соответствии с принципом состязательности, то восприятие их всеми участниками процесса значительно облегчается.

Порядку исследования доказательств в дореволюционной уголовно-процессуальной науке и практике уделялось большое внимание. Так, известный исследователь суда присяжных С. Хрулев писал: "Если, например, производить судебное следствие без всякой системы, допрашивать свидетелей и прочитывать документы как попало, то получится не такое ясное, целостное впечатление, какое получится, если судебное следствие будет производиться систематично. Иногда даже впечатление меняется - ослабляется или усиливается только от того, что одни доказательства разрабатываются прежде или по-

⁸ Уст. угол. суд. Ст. 700.

⁹ Там же. Ст. 701.

сле других, их отменяющих и тем дающих им известное впечатление, поэтому порядок рассмотрения доказательств на суде, т.е. управление ходом судебного следствия, может оказывать влияние на силу, а в некоторых случаях даже на характер впечатления доказательств"¹⁰.

Уставы 1864 г. предусматривали отказ прокурора от обвинения. Если обвинительный акт был опровергнут в ходе судебного следствия, то прокурор обязан был (именно обязан, а не вправе. - М.Н.), не поддерживая обвинительного акта, "заявить о том суду по совести"¹¹.

В судебных прениях уставы 1864 г. требовали от прокурора объективности и всестороннего подхода - "прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать имеющих в деле доказательств и улик, ни важности рассматриваемого преступления"¹².

По мнению Л.Е. Владимирова, "одна из весьма обыкновенных ошибок обвинителя заключается в том, что он заменяет положительные доказательства виновности доказательствами ложности оправданий, приводимых подсудимым"¹³. Точно так же "защита должна требовать доказательств от обвинения - в

¹⁰ Хрулев С. Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков // ЖГ и УП. 1886. Кн. 9. С. 55.

¹¹ Уст. угол. суд. Ст. 740.

¹² Там же. Ст. 739.

¹³ Судебные уставы императора Александра II с толкованиями, извлеченными из отечественной юридической литературы. М., 1885. С. 531.

этом ее основная задача. Не на личное пререkanie с обвинителем она должна тратить свое время, а на критику положительных основ обвинения"¹⁴. Таким образом, принцип состязательности сторон пересекался с принципом презумпции невиновности: невиновность подсудимого предполагалась, а виновность доказывалась. Доказывалась обвинителем.

Хотя по уставам 1864 г. потерпевший являлся стороной в процессе, права его были ограничены. Так, потерпевший участвовал в прениях или как гражданский истец, или в делах, преследуемых в порядке частного обвинения. В качестве частного обвинителя он мог представлять суду, если признает нужным, такие же объяснения, какие возлагались законом на прокурора. Как гражданский истец, он мог объяснять и доказывать все те действия и обстоятельства, от признания и определения которых зависели его требования, но не мог касаться уголовной ответственности подсудимого¹⁵.

И.Я. Фойницкий отмечал "легкое преобладание... на стороне подсудимого", поскольку "ему: 1) предоставляется при судебном состязании право последнего слова, как по существу дела, так и по каждому предмету (ст. 632); 2) после каждого представленного суду доказательства председатель обращается к подсудимому с вопросом: не желает ли он сделать против представленного доказательства какого-либо возражения (ст. 683). Впрочем, это последнее предпочтение подсудимого сопряжено для него с известными невыгодами, так как из не-

¹⁴ Там же. С. 533.

¹⁵ Уст. угол. суд. Ст.ст. 736, 741-742.

желания возражать суд может вынести впечатление, что он признает силу представленного доказательства"¹⁶.

Сторона, приносившая апелляционные отзывы и протесты или кассационные жалобы и протесты, сдерживалась собственной позицией, занятой в ходе судебного разбирательства. Так, прокурор мог подавать апелляционные протесты "лишь на те неокончательные приговоры, которые несогласны с данными им заключениями, и только по тем предметам, по которым его требования не уважены судом первой степени"¹⁷. Стороны, участвовавшие в деле, могли "просить об отмене приговора по поводу нарушения правил, постановленных в ограждение лишь ее прав, а не прав противной стороны"¹⁸.

Действие принципа состязательности трактовалось в дореволюционном уголовном процессе широко: это и позиция судьи, это и порядок исследования доказательств, это и наработанные практикой правила выступления в судебных прениях, способы воздействия на присяжных заседателей, это и порядок обжалования приговоров.

Еще более последовательно принцип состязательности сторон применялся в гражданском процессе - "введение состязательного процесса вместо следственного"¹⁹. Как было обозначено в высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. Основных положениях гражданского судопроизводства, "основною формою

¹⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 75.

¹⁷ Уст. угол. судопр. Ст. 858.

¹⁸ Там же. Ст. 909.

¹⁹ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. Уст. гражд. суд. СПб., 1867. С. XII.

гражданского судопроизводства принимается процесс состязательный"²⁰.

Значимость введения в ходе реформы 1864 г. состязательного начала в гражданское судопроизводство можно достойно оценить только на фоне крайне отсталых дореформенных порядков. Уже в 1852 г. проведенной министерством юстиции ревизией судебных мест было отмечено о производстве гражданских дел, "что сии дела почти никогда не производятся порядком судебным, ибо начинаются не в судах, через подачу искового прошения, а в полицейских или других местах, из коих уже переходят на рассмотрение судебных мест"²¹.

Устав гражданского судопроизводства предусматривал: "Судебные установления могут приступать к производству гражданских дел не иначе, как вследствие просьбы о том лиц, до коих те дела касаются, и разрешать их не иначе, как по выслушании противной стороны, или по истечении назначенного для представления онаго срока"²².

Первым действием, предпринятым судом по прошению истца, был вызов ответчика²³. По общему правилу ответчик, вызванный в суд, противопоставлял прошению свое возражение²⁴. Истец должен доказать свой иск, а ответчик, опровергая истца, обязан представить доказательства своих возражений²⁵. Следо-

²⁰ Там же. С. XXIII.

²¹ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. 19.

²² Уст. гражд. суд. Ст. 4.

²³ Там же. Ст. 275.

²⁴ Уст. угол. суд. Ст.ст. 313-316.

²⁵ Там же. Ст. 366.

вательно, как прошение истца, так и возражение ответчика должны быть подкреплены доказательствами²⁶.

Представление прошений, возражений и доказательств зависело исключительно от усмотрения самих тяжущихся или их поверенных²⁷, "так как собственные их интересы требуют, чтобы они объяснили суду все, что имеют объяснить в подтверждение прав своих, и представили бы все доказательства, ограждающие их права. Но проверка доказательств не может быть предоставлена исключительно усмотрению спорящих сторон; для ограждения истины, справедливости и беспристрастия необходимо, чтобы проверка доказательств происходила при содействии судьи (ст.ст. 499, 507, 515)"²⁸.

Наряду с проверкой доказательств предусматривалось и состязание спорящих в присутствии суда относительно приводимых ими оснований и доказательств, служившее для определения силы и значения представленных по делу доказательств и постановления решения²⁹.

Таково краткое изложение концепции состязательности в гражданском процессе, данное составителями уставов 1864 г.

Устность и гласность судопроизводства в судебных уставах 1864 г. пришли на смену письменной и закрытой форме процесса.

В дореформенном суде оконченное следствие направлялось в суд, где дело решалось без устного и гласного разбира-

²⁶ Там же. Ст.ст. 367-369.

²⁷ Там же. Ст. 367.

²⁸ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. XVI.

²⁹ Уст. гражд. суд. Ст.ст. 324-339.

тельства на основании собранных письменных материалов. Даже передопрос обвиняемого не был для суда обязателен. Однако суд должен был осведомиться у обвиняемого о том, не было ли во время предварительного следствия пристрастных допросов и других неправильных действий. В случае необходимости суд подвергал обвиняемого новому допросу, склоняя его к признанию вины. Кроме обвиняемого суд не допрашивал никого из участников процесса. С сущностью дела и доказательствами суд знакомился только по письменным материалам предварительного следствия. Обычно суд, выслушав докладную записку, немедленно приступал к постановлению приговора.

Устность и гласность судопроизводства по судебным уставам 1864 г. неразрывно связаны с принципом состязательности. Все три принципа признавались существенными условиями производства дел в суде. Трудно, если вообще возможно, разграничить эти принципы, определить, где заканчивается один и начинается другой. Так, порядок исследования доказательств в суде, о котором речь шла выше, был рассчитан на сочетание этих начал. Или, наоборот, эти принципы, взятые в комплексе, и определяли порядок исследования доказательств, обеспечивавший наилучшее восприятие происходящего в суде всеми участниками процесса и их права.

Судебные уставы закрепляли, что разбирательство уголовных дел в мировом суде производится "изустно и публично"³⁰, а в общих судебных установлениях "судебное следствие производится изустно"³¹.

³⁰ Уст. угол. суд. Ст.ст. 88, 156.

³¹ Там же. Ст. 625.

Смысл применения принципа устности в уголовном судопроизводстве состоял в "проверке предварительного следствия в суде отображением показаний от подсудимого, сведущих людей, свидетелей и участвующих в деле лиц"³².

Для оглашения в суде показаний неявившихся свидетелей было необходимо, "чтобы неявка последовала за смертью, болезнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою, а также в силу предоставленного свидетелю права допроса на дому"³³.

Составители судебных уставов, очевидно, возвели принцип устности, как и другие принципы, обеспечивавшие отказ от инквизиционного процесса, в абсолют. Содержавшийся в судебных уставах перечень причин неявки свидетеля, дававших основание для оглашения его показаний в суде, нельзя оценить однозначно позитивно. Это нередко служило поводом к откладыванию дел, порождая волокиту в судах и нарушая права и интересы участвующих в деле лиц. Следует заметить, что практика шла по пути расширения пределов ст. 626 Уст. угол. суд., закреплявшей этот перечень.

Благодаря гласности судопроизводство было единственной сферой государственной деятельности, осуществлявшейся на глазах у широкой публики. Открытые двери залов судебных заседаний, подробные отчеты в прессе высвечивали те язвы, ко-

³² Судебные уставы ... с изложением рассуждений ... Ч. 2. С. 227.

³³ Судебные уставы ... за пятьдесят лет. Т. 1. С. 604.

которые существовали в обществе, раскрывали "картину недуга"³⁴.

По судебным уставам 1864 г. рассмотрению в закрытом судебном заседании подлежали только дела "по обвинению подсудимых в произнесении дерзких оскорбительных слов против государя императора и членов императорского дома", о преступлениях против религии, чести и целомудрия женщин, против прав семейных, о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве. Перечень составов преступлений, подлежащих изъятию из публичного разбирательства, был четко регламентирован уставами³⁵.

В первоначальной редакции судебных уставов устанавливались разумные пределы ограничения гласности судопроизводства. Особенно, если говорить о преступлениях против прав семейных, чести и целомудрия женщин, где правовая норма соотносилась с моральными, этическими нормами. Что касается преступлений против религии (богохуление, оскорбление святыни, порицание веры), то эта категория дел по Уложению о наказаниях 1845 г. подлежала особой защите со стороны государства, в котором церковь оставалась отраслью управления. Внешним проявлением служил тот факт, что преступления против церкви в уголовном законе стояли по своей значимости до преступлений против государства.

³⁴ Фойницкий И.Я. Как мы провели 1878 год? Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // На досуге: Сборник юридических статей и исследований. СПб., 1900. Т. 2. С. 326.

³⁵ Уст. угол. суд. Ст.ст. 620, 1056.

Дела об оскорблении императора и членов императорского дома составляли особую категорию дел о государственных преступлениях. По ним проходили подчас люди, не помышлявшие о свержении существующего строя. Не обходилось без курьезов. По меткому замечанию А.Ф. Кони, часто "пьяная болтовня принимала очертания государственного преступления"³⁶. Так, саратовский мещанин Васильев, "проходя улицей, позволял себе довольно громко кричать, касался особы Его Императорского Величества, то Государя императора называл благодетелем, то выражался непочтительно и, между прочим, что государь награждает генералов, дает им землю, ... а заводские без хлеба"³⁷. Студент Ситников, "будучи в изрядном подпитии", проходя по Садовой улице Саратова, "ругался довольно громко скверноматерными словами на губернатора, прокурора, на все русское правительство и, наконец, назвал государя подлецом"³⁸.

За период с 1871 г. по 1881 г. по округу Саратовской судебной палаты прошло 162 дела об оскорблении императора, причем около половины из них - 72 дела - приходились на 1881 г., когда к ответственности привлекались люди, позволившие себе одобрительные высказывания в адрес народовольцев, убивших царя. Из всей массы дел такого рода 91 было прекращено без последствий для привлеченных к ответственности лиц, одному был дан судебный ход (привлекавшийся по делу крестьянин обвинялся в совершении еще двух уголовных преступлений), одно (в отношении военнослужащего) было рас-

³⁶ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 342.

³⁷ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 79. Л. 24.

³⁸ Там же. Д. 95. Л. 4.

смотрено в дисциплинарном порядке, по остальным же были применены меры административного воздействия (от внушения до высылки в одну из отдаленных губерний, аресты от 7 дней до 4 месяцев)³⁹.

Совершенно очевидно, что подобные дела угрожали существующему режиму. И политические процессы народников это показали. Уже в 70-е годы была ограничена гласность по делам о государственных преступлениях. В Особом присутствии Правительствующего Сената дела могли слушаться как публично, так и в закрытом судебном заседании, гласность не распространялась на военные суды, о чем уже шла речь в предшествующей главе.

Закон от 12 февраля 1887 г. содержал следующие позиции:

- ограничивался доступ в залы суда студенчества, несовершеннолетних и женщин;
- вопрос о слушании дела в открытом (закрытом) заседании зависел от усмотрения суда;
- министру юстиции было предоставлено право делать распоряжения о слушании дела в закрытом судебном заседании.

Данный закон предусмотрел возможность присутствия в зале судебного заседания студентов лишь с разрешения председателя, "когда это могло содействовать успеху их учебных занятий". Председатель мог запретить присутствовать при разбирательстве по делу несовершеннолетним (не достигшим

³⁹ См.: Немытина М.В., Никифорова Т.И. Дела о государственных преступлениях в Саратовской судебной палате (1871-1881 гг.) // Государство и право. 1992. № 3. С. 135.

21 года) и женщинам⁴⁰. Ограничение присутствия в зале суда учащейся молодежи следовало рассматривать как ответную, правда, запоздалую реакцию правительства на политические процессы народничества 70-х гг., где гласность была широко использована подсудимыми. Провозглашавшиеся ими со скамьи подсудимых идеи оказывали воздействие прежде всего на присутствовавшую в зале суда молодежь. Ограничение доступа в залы суда женщин можно рассматривать скорее не как дискриминационную меру в отношении них, а как способ оградить их от тяжелого эмоционального воздействия, которое подчас вызвали воспроизводимые в ходе судебного разбирательства картины содеянного.

По закону от 12 февраля 1887 г. суд мог вынести определение о слушании дела в закрытом заседании, если "публичное исследование подлежащих судебному рассмотрению обстоятельств оскорбляет религиозное чувство, нарушает требования нравственности, или же не может быть допущено в видах ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка или обеспечения правильного хода судебных действий"⁴¹. Вместо конкретного перечня ограниченного числа составов преступлений, подлежащих изъятию из публичного порядка разбирательства, - пространная формулировка о возможных случаях слушания дела при закрытых дверях с передачей решения этого вопроса всецело на усмотрение суда.

По этому поводу К.П. Победоносцев писал Александру III: "Примечательно, что мы в России теперь только с трудом до-

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 7. № 4227. Ст. 620¹.

⁴¹ Там же. Ст. 620³.

бываемся <...> предоставление самому суду права закрывать заседание"⁴².

Хотя данная поправка к уставам 1864 г. предоставляла широкие возможности судьям, они, как свидетельствовала статистика, своим правом не злоупотребляли. Число дел, рассмотренных окружными судами при закрытых дверях за 20 лет (с 1874 по 1894 гг.), неукоснительно возрастает: за пятилетие с 1874 по 1878 г. они составили 0,8%; с 1879 по 1883 г. - 1,5%; с 1884 по 1888 г. - 2,8%; с 1889 по 1893 г. - 5,5% и в 1894 г. - 7,4%⁴³, что было обусловлено ограничениями принципа гласности в законодательстве 70-х гг. и в законе от 12 февраля 1887 г. В то же время их доля по отношению к общему числу процессов была невелика. Это подтверждает профессиональный уровень судей в дореволюционной России, понимание ими своего долга, независимость их от установок правительства. Даже если закон, по сути дела, толкал на путь произвола, судейская корпорация, сохраняя присущее ей по долгу службы достоинство, не шла по этому пути.

Но приведенного выше законодательного ограничения правительству показалось недостаточно. Право делать распоряжения о слушании дела в закрытом заседании было предоставлено министру юстиции⁴⁴. Это была уже не процессуальная, облекавшаяся в какую-то приемлемую форму судебной процедуры, а чисто административная мера. Министр юстиции Н.В. Муравьев

⁴² Письма Победоносцева к Александру III. М., Т. 2. С. 115.

⁴³ См.: Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. С. 37.

⁴⁴ См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 7. № 4227. Ст. 621¹.

в докладе Николаю II о деятельности вверенного ему министерства за 1894-1904 гг. отметил: "Таких распоряжений сделано за десять лет 290, т.е. средним числом по 29 в год"⁴⁵.

Какую цель преследовало правительство, вводя такого рода административную меру, если и без того в законе широко были закреплены процессуальные ограничения гласности судебного разбирательства? Эта норма могла быть применена, например, "вследствие какого-нибудь ходатайства властных в Петербурге лиц, желавших скрыть проделки проворовавшегося племянника или тестя", - писал государственный секретарь А.А. Половцов⁴⁶.

Как видим, поправки к судебным уставам, внесенные законом 12 февраля 1887 г., предусматривали существенные ограничения принципа гласности судопроизводства. Однако практика показала, что несмотря на предпринятые правительством меры, подавляющее большинство судебных процессов в России шло при открытых дверях и принцип гласности оставался одним из наиболее значимых в отечественном судопроизводстве, обеспечивающим реализацию и других принципов и институтов - суда присяжных, адвокатуры, состязательности судопроизводства. Вместе с тем можно предположить, что правительство, не вводя формальных запретов, постаралось ограничить гласность судопроизводства при освещении процессов в печати.

Так, по свидетельству Е.И. Козлининой, относящемуся к периоду 90-х гг., "...то или другое дело слушалось в суде настолько публично, что места в заседании брались с бою, а

⁴⁵ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 256. Л. 19.

⁴⁶ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1966. Т. 2. С. 18.

между тем по распоряжению администрации отчетов о тех делах в газетах не печаталось, как будто дела эти рассматривались при закрытых дверях"⁴⁷.

"Введение гласности и уничтожение канцелярской тайны"⁴⁸ было одним из существенных основ реформирования гражданского судопроизводства.

Согласно Уставу гражданского судопроизводства "доклад дела и словесное состязание тяжущихся происходят в открытом заседании суда"⁴⁹. "Если, по особому свойству дела, публичность заседания может быть предосудительна для религии, общественного порядка или нравственности, то суд, по собственному усмотрению или по требованию прокурора, может постановить, чтобы заседание было при закрытых дверях. Распоряжение о том всегда объявляется публично и записывается в журнал заседания"⁵⁰.

Таким образом, слушание гражданского дела при закрытых дверях происходило по указанным в законе основаниям (формулировки которых весьма расплывчаты). Инициатива могла исходить и от суда, и от прокурора. А "...чтобы отнять у суда возможность злоупотреблять правом рассматривать дело в закрытом заседании, во всех случаях когда назначается по делу закрытое заседание, распоряжение о том суда должно быть объявляемо публично"⁵¹.

⁴⁷ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 365.

⁴⁸ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. Уст. гражд. суд. С. XII.

⁴⁹ Уст. гражд. суд. Ст. 324.

⁵⁰ Там же. Ст. 325.

⁵¹ Уст. гражд. суд. С. 172.

Судебное заседание по гражданскому делу могло происходить при закрытых дверях и в случае, "когда обе стороны будут о сем просить, и суд признает просьбу их заслуживающею уважения"⁵².

Поскольку в гражданском судопроизводстве доминировал частный интерес, инициатива слушания дела в закрытом заседании могла исходить от сторон. Достаточно было их обоюдного согласия, уваженного судом. Точно так же отсутствие публичного интереса не вызывало у правительства стремления ограничить гласность судопроизводства в этой сфере.

3.2. Применение институтов судебной реформы

Мировая юстиция. С уничтожением крепостного права, вследствие признанной необходимости отделить судебную власть от административной и изъять из ведомства полиции все судебные дела, потребовалось создать в России систему местных судов.

Мировая юстиция, как явствует из Раздела I Учреждения судебных установлений, представляла собой максимально приближенную к населению, обособленную и замкнутую систему, построенную на началах выборности, всесословности, независимости судей, несменяемости судей в пределах выборного срока, гласности и состязательности.

Устройство мировой юстиции по уставам 1864 г. было таковым, что малозначительные уголовные (до 1 года лишения свободы) и гражданские (с ценой иска до 500 руб.) дела ос-

⁵² Там же. Ст. 326.

тавались в уезде. Первой инстанцией в мировой юстиции были единоличные мировые судьи, как участковые так и почетные.

Участковый мировой судья избирался сроком на 3 года уездным земским собранием или городской думой из лиц, достигших 25-летнего возраста, имевших высшее или среднее образование или стаж работы не менее 3-х лет преимущественно по судебному ведомству, владеющих землей в размере не менее 400 десятин, недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога в 6 тыс. руб. в столицах, 3 тыс. руб. в других городах⁵³.

Наряду с участковыми были учреждены должности почетных мировых судей, которые по просьбе сторон или ввиду отсутствия участковых мировых судей рассматривали подсудные им дела.

Апелляционной инстанцией по отношению к единоличным мировым судьям был уездный съезд мировых судей, состоявший из всех участковых и почетных судей уезда при участии прокурора окружного суда.

Благодаря мировой юстиции, существовавшей обособленно от общих судебных установлений, мелкие уголовные и гражданские дела не переходили до бесконечности из одной судебной инстанции в другую.

Мировые судьи избирались сроком на 3 года уездными земскими собраниями. Участковые мировые судьи получали содержание и не могли сочетать с этой должностью никакую другую государственную и общественную службу. Почетные мировые судьи жалования не получали и выполняли свои обязанности в

⁵³ Учр. суд. уст. Ст. 19.

случае отсутствия участкового мирового судьи или по просьбе сторон.

Цензовые начала - возраст не менее 25 лет, высшее образование или трехлетний стаж работы в таких должностях, где бы они могли приобрести практические навыки в производстве судебных дел, земельный ценз, вдвое превышающий установленный для избрания земских гласных (от 400 до 1600 десятин) или владение другим недвижимым имуществом ценою не ниже 15 тыс. руб., в городах - собственностью, оцененной для взимания налога и варьировавшейся для различной местности от 6 до 3 тыс. руб., а также "неопороченные" (не находящиеся под следствием и судом, не являвшиеся несостоятельными должниками и пр.) - служили плотиной, обеспечивающей, с одной стороны, надлежащий уровень судейского корпуса в низовом звене, с другой - его определенный социальный состав. Представители дворянства, зачастую уклонявшиеся от участия в суде в качестве присяжных заседателей, позитивно относились к обязанностям мирового судьи, как участкового так и почетного, видя в этом не только способ пополнить свой бюджет, но и достаточно почетную миссию.

"Мировой судья являлся, таким образом, не чужеродным населению чиновником"⁵⁴, - писала Е.С. Коц в 1913 г. в работе, посвященной местному суду. В то же время далее она отметила, что составителям уставов 1864 г. можно сделать "упрек в том, что они не сумели отрешиться от сословных помещичьих интересов. Они установили для избрания в мировые судьи кроме образовательного ценза еще и имущественный

⁵⁴ Коц Е.С. Местный суд и его реформа. СПб., 1913. С. 18.

ценз"⁵⁵. Поэтому при выборах мировых судей для бывших помещиков было создано привилегированное положение. Но в принципе мировые судьи избирались из всего населения, и право занять должность мирового судьи было признано за всеми, без различия сословий.

В гражданском судопроизводстве мировому судье были подсудны: 1) иски по личным обязательствам и договорам, иски о движимости с ценой не свыше 500 руб.; 2) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда размер их не превышал 500 руб., или же во время предъявления иска не мог быть положительно известен; 3) иски о личных обидах и оскорблениях; 4) иски о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более 6-ти месяцев; 5) иски о праве участия частного (ст.ст. 442, 445-451 Свода законов. Т. X . Ч. 1. законод. гражд.), когда с момента его нарушения прошло не более года⁵⁶.

В сфере уголовного судопроизводства к компетенции мирового судьи были отнесены проступки, за которые предусматривались следующие наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше 300 руб.; 3) арест на срок не более 3-х месяцев; 4) заключение в тюрьму не свыше 1 года⁵⁷. "Сверх дел, представленных разбирательству мировых судей по роду определенных за преступные действия наказаний, ведомству их подлежат *собственно для склонения сторон к миру* дела, которые хотя и влекут за собой наказания более строгие, но по закону начинаются не иначе как по жалобе по-

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Уст. гражд. суд. Ст. 29.

⁵⁷ Уст. угол. суд. Ст. 33.

терпевших вред и убытки и могут быть прекращаемы примирением"⁵⁸ (курсив мой. - М.Н.).

Задача мирового судьи заключалась в том, чтобы склонить стороны к примирению и принятию мирового соглашения. При невозможности достичь мировое соглашение судья своей властью выносил решение или приговор по делу. "В делах, которые могут быть прекращаемы примирением сторон, мировой судья обязан склонять их к миру и только в случае неуспеха в том приступать к постановлению приговора в пределах предоставленной ему власти"⁵⁹. "По предварительном объяснении с обеими сторонами, мировой судья предлагает им прекратить дело миром, указывая действительные, по его мнению, к тому способы. Меры для склонения тяжущихся к примирению мировой судья обязан принимать и во время производства дела, и только в случае неуспеха приступает к постановлению решения"⁶⁰.

Предельно простая процедура судебного разбирательства в мировом суде и специфика источников права, которыми должны были руководствоваться мировые судьи, не требовали пребывания на этих должностях лиц с юридическим образованием. Главное - чтобы мировой судья был достойным и уважаемым человеком. Ему вменялось в обязанность "просьбы... принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где оные возникли"⁶¹.

⁵⁸ Там же. Ст. 35.

⁵⁹ Там же. Ст. 120.

⁶⁰ Уст. гражд. суд. Ст. 70.

⁶¹ Учр. суд. уст. Ст. 41.

Процедура в мировом суде носила упрощенный характер, где формальности были сведены до минимума. Это было обусловлено не только тем, что мировые судьи не имели юридического образования, о чем уже было сказано выше, но и стремлением законодателя сделать низовое звено судебной системы максимально доступным для широких масс. В гражданском судопроизводстве обращение к мировому судье не требовало уплаты пошлин, употребления гербовой бумаги, решения записывались в установленную законом книгу. В уголовном — инициатива в возбуждении дела, вызове свидетелей, представлении доказательств принадлежала частному лицу, иногда это делалось полицией. Судья обязан был реагировать как на письменные, так и на устные жалобы. Протокол судебного заседания оформлялся в произвольной форме. Если дело оканчивалось вынесением приговора, то он заносился в протокол. Условия судебного разбирательства были едины для всей системы мировых судов. Сторонам разрешалось представлять доказательства, приводить свидетелей в апелляционную инстанцию, которой являлся уездный съезд мировых судей. Съезд либо утверждал состоявшееся решение или приговор мирового судьи, либо в пределах отзыва постановлял новое. При этом наказание обвиняемого не могло быть усилено без требования обвинителя. То есть пределы деятельности апелляционной инстанции ограничивались отзывом, и положение обвиняемого могло быть ухудшено только по требованию товарища прокурора окружного суда как представителя государства⁶².

Мировой судья руководствовался нормами материального права, содержащимися в специально составленном "Уставе о

⁶² Уст. угол. суд. Ст. 168.

наказаниях, налагаемых мировыми судьями", поскольку ориентироваться в "Уложении о наказаниях уголовных и исправительных" и других источниках, которыми пользовались юристы, непрофессионалу было бы трудно.

Ст. 130 Устава гражданского судопроизводства предусматривала возможность мирового судьи "...по ссылке одной или обеих сторон руководствоваться общеизвестными местными обычаями, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев допускается именно законом или в случаях положительно не разрешаемых законами".

Таким образом, мировой суд обеспечивал доступность, простоту и быстроту судопроизводства, позволял ввиду дефицита юристов в тогдашней России решать и кадровую проблему в судебном ведомстве. Это был демократический институт не только по способу формирования и характеру рассмотрения дел, но и по степени приближенности к населению. Нельзя недооценивать роль мировых судей в России. Особенно велико было значение этого института для деревни, только что освободившейся от крепостнического гнета и связанного с ним произвола, учившейся жить и хозяйствовать по-новому.

Вместе с тем следует иметь в виду, что местная юстиция в России была представлена не только мировыми, но и волостными судами - сословными судами по крестьянским делам. Они не входили в судебную систему, введенную реформой 1864 г., но имели большое значение в разрешении гражданских споров в крестьянской среде. У крестьян сохранялся сословный уклад жизни, продолжали действовать нормы обычного права, отличные от норм гражданского права, содержащихся в X томе Свода законов Российской империи, и известные только самим

крестьянам. Например, если позитивное право предполагало при отсутствии завешания раздел имущества после смерти наследодателя между детьми производить поровну, то в крестьянской среде сохранялся обычай: "Сестра, особенно замужняя, при братьях - не наследница", имевший истоки еще в Киевской Руси. Крестьяне зачастую предпочитали обращаться по гражданским делам в свой сословный суд, нежели к мировому судье. Даже при беглом обзоре можно заметить сложность и многоплановость правоотношений, существовавших в крестьянской среде.

12 июля 1889 г. были высочайше утверждены: 1) Положение о земских участковых начальниках; 2) Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; 3) Временные правила о волостном суде в тех же местностях; 4) Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках⁶³. 29 декабря 1889 г. были введены Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям⁶⁴.

На большей части территории России - в 37 губерниях - были ликвидированы мировые суды. Этот институт продолжал действовать лишь в обеих столицах и городах Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Кишиневе⁶⁵. Сохранение мировой юстиции в крупных городах не случайно. Это может свидетельствовать о направленности вышеуказанных законов на изменение порядка управления и отправления судопроизводства преимущественно в крестьянской среде. На остальной террито-

⁶³ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 9. № 6196.

⁶⁴ ПЗС. Собр. 3-е. Т. 9. № 6483.

⁶⁵ См.: РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.

рии вместо мировых судей были учреждены должности земских участковых начальников, городских судей и уездных членов окружных судов, между которыми были поделены дела, подсудные ранее мировым судьям. Эти изменения явились существенной составной частью земской контрреформы, которой было посвящено достаточно исследований⁶⁶.

Если в обобщенном виде попытаться сформулировать основную идею сторонников Положения о земских начальниках 1889 г., это может быть выражено дефиницией — власть на местах должна быть сильна и близка к народу. Самодержавие попыталось создать такую власть в лице земских участковых начальников. Необходимый контингент для занятия этих должностей составляли местные дворяне. Но вместо выборных мировых судей, предусмотренных уставами 1864 г., закон 1889 г. ввел в России судей-чиновников, находящихся в полной зависимости от начальства, которое имело право в любой момент под тем или иным благовидным предлогом удалить их от должности. Наконец, сама должность земского участкового начальника была изъята из судебного ведомства, чем нарушалась целостность и стройность всей судебной системы.

Земские участковые начальники наделялись смешанными административно-судебными полномочиями. Они назначались мини-

⁶⁶ Подробнее об этом см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970; Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80-90-х годов XIX века в России (государственно-правовая характеристика). Дис... канд. юрид. наук. Л., 1977; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М., 1968.

стром внутренних дел. Им были подсудны дела, связанные с земельным и личным наймом, с суммой иска не свыше 500 руб., о восстановлении нарушенного владения, если с момента нарушения прошло не более 6 месяцев, другие гражданские дела с суммой иска, не превышавшей 300 руб., уголовные дела, подсудные по уставам 1864 г. единоличным мировым судьям, за исключением нескольких составов (квалифицированная кража со взломом, беспатентная продажа спиртных напитков и табачных изделий)⁶⁷. Категории дел, подведомственных земским участковым начальникам, свидетельствуют о том, что это был административно-судебный орган прежде всего по крестьянским делам.

В городах (за исключением того небольшого числа, где сохранялась мировая юстиция) были учреждены должности городских судей, назначаемых министром юстиции. Хотя закон требовал, чтобы городские судьи имели высшее юридическое образование, это требование на практике не соблюдалось. Городские судьи были наделены той же компетенцией, что и земские участковые начальники⁶⁸.

Дела, подсудные по уставам 1864 г. мировым судьям и выходящие за пределы компетенции земских участковых начальников и городских судей, стали подведомственными уездным членам окружных судов, назначаемым министром юстиции⁶⁹.

⁶⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 9. № 6195. Положение о земских участковых начальниках. Ст.ст. 48-49.

⁶⁸ Там же. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. Ст.ст. 6, 14.

⁶⁹ Там же. Ст. 29.

Апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных земскими начальниками и городскими судьями, являлось судебное присутствие уездного съезда в составе уездного предводителя дворянства (председатель), уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских участковых начальников уезда⁷⁰.

Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных земскими участковыми начальниками и городскими судьями, являлось губернское присутствие, в которое под предводительством губернатора входили губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, прокурор или товарищ прокурора окружного суда и два члена окружного суда⁷¹. Кассационная инстанция была перенесена из центра в губернию. Тем самым было нарушено господствовавшее прежде единство кассации. Губернское присутствие почти сплошь состояло из представителей администрации. Обжалование дел в губернское присутствие, являвшееся административным органом, фактически означало не кассацию, а ревизию. Для дел, рассмотренных уездными членами окружных судов, апелляционной инстанцией был окружной суд, кассационной - Сенат⁷².

Закон 1889 г., заменивший почти повсеместно мировых судей судебно-административными органами (земскими начальниками), произвел изменения и в организации волостного суда. Закон об изменении порядка формирования, подсудности и процедуры в волостном суде носил название "Временных правил".

⁷⁰ Положение... Ст.ст. 73, 88.

⁷¹ Там же. Ст.ст. 105, 123.

⁷² Правила ... Ст. 30.

Однако эти "Временные правила" действовали вплоть до принятия 12 июня 1912 г. закона о местном суде.

Волостные судьи в количестве 4 человек стали назначаться земским участковым начальником из числа кандидатов, избранных сельскими обществами по одному на каждое общество. Председатель волостного суда назначался уездным съездом из числа судей. Но съезд мог, если находил нужным, возложить эту обязанность на волостного старшину. Позитивным моментом явилось то, что судьи волостных судов стали получать жалование.

Круг ведения волостного суда был значительно расширен: относительно подсудных ему лиц; относительно подсудных ему дел.

До 1889 г. ведению волостного суда подлежали только тяжбы и проступки крестьян, теперь стали подсудны все лица бывших податных сословий, постоянно проживающих в пределах волости. В этом смысле, по-видимому, волостной суд перестает быть сословным судом для крестьян и становится судом для сельского населения (для низших его слоев).

Волостным судам до 1889 г. были подсудны только споры о надельном имуществе крестьян ценою не свыше 100 руб., теперь же им передавались все споры о надельном имуществе без ограничения ценой иска, а также споры об имуществе вненадельном (кроме исков о праве собственности, основанных на крепостных и явочных актах) при цене иска до 300 руб., дела о наследовании после крестьян: если наследство состояло из надельного имущества, то независимо от его суммы, если из вненадельного, - то при цене наследства не свыше 500 руб.

Была расширена также и уголовная компетенция волостных судов. Им были подсудны те проступки, где цена похищенного имущества не превышала 50 руб. Наконец, были ужесточены и наказания, которые могли назначаться волостным судом. Они могли подвергать виновных аресту до 30 дней и штрафу до 30 руб., а также и телесному наказанию (до 1904 г.).

В своих решениях по гражданским делам суды должны были руководствоваться не законом, а обычаями или совестью. По уголовным делам с 1889 г. они должны были применять писанный закон - а именно, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а не обычай.

Кроме того, закон 1889 г. создал апелляционную инстанцию для волостного суда в виде уездного съезда и кассационную - в виде губернского присутствия. А земские начальники получили право просматривать все решения волостных судов и представлять к отмене те из них, которые были, по их мнению, неправосудны.

Участие земских начальников в назначении волостных судей и в обжаловании вынесенных ими решений позволяет сделать вывод о неограниченной власти земских начальников над волостными судами. Как пишет Е.С. Коц в работе, посвященной местному суду, власть земских начальников над волостными судами "...была так велика, что они не стеснялись налагать арест на волостных судей не только в случае каких-либо проступков по службе с их стороны, но и в тех случаях, когда они находили решения судов неправильными. Нередко земские начальники прямо предписывали волостному суду решить дело в том или ином смысле"⁷³. Следует также отметить двойствен-

⁷³ Коц Е.С. Указ. соч. С. 28.

ность в положении волостных судей, когда гражданские дела они должны были решать, руководствуясь обычным правом, а уголовные - писаным законом. Волостные судьи не в состоянии были руководствоваться тем законом, который был адресован мировым судьям, обладавшим иным уровнем образования и правосознания, - Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В этом смысле, как отмечает Е.С. Коц, "волостной суд попал после реформы 1889 г. в полное рабство к волостному писарю"⁷⁴. Противоречия реформы 1889 г. в части, касающейся волостного суда, состояли и в том, что решения, вынесенные волостными судьями на основе обычаев, действовавших в крестьянской среде, подлежали пересмотру уездного съезда, состоявшего из земских начальников и городских судей - людей, имеющих весьма смутное представление о местных обычаях и нравах.

Положение и Правила 1889 г. ликвидировали принципы независимости суда от администрации, несменяемости, всесловности, кассационный порядок обжалования в низовом звене судебной системы. Институт земских участковых начальников являлся административно-судебным установлением. Вышестоящими инстанциями по отношению к земским начальникам и городским судьям были административные органы - уездный съезд и губернское присутствие. Уволены могли быть земские начальники по распоряжению министра внутренних дел, городские судьи - по постановлению консультации при министерстве юстиции, утвержденному министром⁷⁵.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Правила... Ст. 7.

Положение и Правила 1889 г. вернулись к множественности судебных инстанций, что делало судебную систему сложной и запутанной. Перераспределение дел, подсудных мировым судьям, между земскими участковыми начальниками, городскими судьями и уездными членами окружных судов отнюдь не разгрузило окружные суды от большого количества сосредоточенных в них дел, как обосновывалось накануне введения данного мероприятия. В то же время множественность судебных инстанций, не усвоенные населением предметы и пределы их подсудности ограничивали право на судебную защиту, на получение юридической помощи в условиях все более усложняющейся хозяйственной жизни. Земские участковые начальники, сочетавшие в одном лице судебные и административные функции, рассматривали дела на началах, противоречащих самой сути гражданского разбирательства. Процедура уголовного разбирательства в этой инстанции не была обеспечена гарантиями прав личности.

Закон 1889 г. предусматривал не только сохранение, но и расширение подсудности волостного суда, к тому же ставил его в полную зависимость от земского участкового начальника.

Все это, безусловно, означало шаг назад - к дореформенным порядкам. Местная юстиция больше, чем другие институты уставов 1864 г., была отодвинута назад. Почему? Крестьянский быт, среда, по мнению правительства, нуждались в строгом контроле со стороны администрации. Мировой суд противоречил этим устремлениям правительства. Получить объективное решение, основанное на внутреннем убеждении судьи в демократической процедуре на началах гласности, состязательности сторон, там, где хотелось бы разрешить спор с помощью

приказа или распоряжения – положение нежелательное для администрации.

“Как орган судебной власти, – замечает весьма иронично В.Д. Кузьмин-Караваев, – земский начальник воплотил в себе в положительном смысле только один принцип судебной организации – принцип суда, близкого к населению. Все остальные были принесены ему в жертву, поскольку их проведение препятствовало наиболее полному его осуществлению”⁷⁶.

Формально отмененное в 1861 г. крепостное право еще надолго оставалось в сознании людей, трансформируясь в обычаях и нравах. “Как неизбежное следствие бесправия, в деревне царит сплошной произвол”, – писал в 1904 г. В.Д. Кузьмин-Караваев. “Произвол царит в нравах, в обычаях, в семье, в общине, между родителями и детьми, в сношениях крестьян между собою, личных и имущественных, в их отношениях к помещикам и к органам власти. Сплошь произвольны также отношения к крестьянам – и землевладельцев и деревенского начальства всех степеней. Показать свою силу и власть, фактическую возможность подчинить себе человека, принизить его, проявить свое господство над ним – главный момент деятельности всех и каждого”. И далее: “По закону 12 июня 1889 г. основной принцип отношений земского начальника – центральной фигуры современной жизни деревни – к крестьянам – попечительная опека. Земский начальник есть “начальник” не по названию только, а в техническом смысле понятия, как оно усвоено дисциплинарным правом. Крестьяне – его подчиненные.

⁷⁶ Кузьмин-Караваев В.Д. Правовые нужды деревни // Земство и деревня. 1898-1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб., 1904. С. 114.

Уже отсюда ясно, без дальнейших доказательств, что отношение власти к крестьянам и обратно регулируются не столько законом, сколько усмотрением, т.е., другими словами, в своем существе более или менее произвольны"⁷⁷.

Таким образом, на примере преобразований в сфере местной юстиции во второй половине XIX в. – введение мировой юстиции, сохранение сословного волостного суда, создание судебно-административных учреждений в лице земских участковых начальников – противоречия российского общества прослеживаются наиболее отчетливо. С одной стороны, стремление правительства уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, и новые учреждения призваны были это обеспечить, с другой – попытки удержать крестьян под контролем администрации, ограничить их правовой статус, регламентировать их жизнь полицейскими мерами.

Предварительное следствие. По мнению составителей уставов 1864 г., предварительное следствие должно было органично соединиться с судебной системой. Это нашло отражение как в структуре органов – следственный аппарат являлся частью судебной системы, так и в конструкции уголовного процесса, где происходило фактическое соединение в лице следователя розыскной и судебной функций.

Судебные следователи являлись членами окружного суда и состояли при образованных для каждого из них участках⁷⁸. Поначалу на следователей распространялся даже принцип судейской несменяемости. Но очень скоро они были лишены этой привилегии.

⁷⁷ Там же. С. 352–353.

⁷⁸ Учр. суд. уст. Ст. 79.

Должность судебного следователя - это низшая ступенька в судебной иерархии. С нее начиналась служба в судебном ведомстве. Высшего юридического образования было недостаточно, чтобы занять должность по судебному ведомству. Барьером, который необходимо было преодолеть, служил статус кандидатов. Однако поскольку в стране был дефицит кадров, состоящие при судебных местах кандидаты могли быть судебными следователями⁷⁹.

Формально судебный следователь занимал должность IV класса и по своему служебному положению был равен армейскому полковнику⁸⁰. Фактически их правовой статус и материальное обеспечение сравнить было нельзя. Следователь в год получал 1000 руб. жалования, 500 руб. столовых и 500 руб. на содержание канцелярии. За вычетом платы за квартиру, разъезды, содержание рассыльного, подписку правительственных изданий, на личные расходы ему оставалось 1500 руб.⁸¹ В масштабе цен того времени это было немало (если соотнести, например, с годовым оброком крестьянской семьи, цензами, действовавшими при формировании скамьи присяжных и вспомнить свидетельства современников о том, что на 5 коп. можно было пообедать). Но этого было недостаточно, чтобы чувствовать себя свободно и независимо.

Должность судебного следователя считалась своего рода трамплином. Пройдя эту ступеньку, лица судебного ведомства уходили на должности судей и прокуроров. Хотя в идеале работа следователя требует особых навыков и совершенствования

⁷⁹ Там же. Ст.ст. 202, 205, 407, 415.

⁸⁰ Там же. Ст. 238. Примеч. IV.

⁸¹ См.: Ж М Ю 1896. № 4. С. 178.

именно в этом направлении, судебные следователи в дореволюционной России, как правило, не достигали высот профессионального мастерства.

Предварительное расследование было одним из "узких мест" судебной реформы второй половины XIX в. в России. В подтверждение можно привести следующие красноречивые данные. 1) Отмечалась чрезвычайная загруженность судебных следователей. В 1893 г. (спустя 30 лет после введения в 1862 г. этого института) в России насчитывался 1 441 следователь; на одного следователя приходилось 2 171 $\frac{2}{3}$ кв. верст территории и 128 $\frac{1}{5}$ дел в год⁸². 2) Хотя уголовно-процессуальный закон не устанавливал сроков для производства следствия, он обязывал производить следственные действия "со всевозможной скоростью"⁸³. На деле же из 122 600 дел, находившихся в производстве судебных следователей в 1889 г., по 21 000 дел следствие проводилось 6 мес., по 5 300 делам более 6 мес., по 2 500 делам - более года. Из 122 570 предварительных следствий, оконченных в 1889 г., было внесено в окружные суды и судебные палаты 101 933 и прекращено 60 000 дел. В том же 1889 г. к доследованию было возвращено 12 510 дел⁸⁴.

Эти цифры приведены на основании статистических и ревизионных отчетов в обоснование необходимости подготовки проектов новой редакции судебных уставов в комиссии Н.В. Муравьева (1894-1899 гг.), о которых пойдет речь ниже, преду-

⁸² Гогель С.К. К вопросу об обременении нашего судебного ведомства работою // Ж М Ю. 1896. № 4. С. 178.

⁸³ Уст. угол. суд. Ст. 295.

⁸⁴ См. : Ж М Ю. 1895. № 11. С. 38-40.

сма­три­вав­ших, в част­но­сти, и не­об­хо­ди­мость ре­фор­мы пред­ва­ри­тель­но­го след­ствия. Кар­тина по­лу­чи­лась уд­ру­ча­ю­щая. Что­бы обос­но­вать чрез­мер­ную про­тя­жен­ность участ­ков и за­гру­жен­ность су­деб­ных следо­ва­те­лей, со­от­не­сли про­стран­ство 10 су­деб­ных ок­ру­гов Евро­пей­ской Рос­сии, во-пер­вых, с об­щим чис­лом след­ствий, про­из­ве­ден­ных в тер­ри­то­ри­аль­ных пре­делах дей­ствия но­вых су­деб­ных ус­та­но­в­ле­ний, и, во-вто­рых, с об­щим чис­лом еже­год­ных след­ствий. В ре­зуль­та­те по­лу­чи­лось не­что по­ра­жа­ю­щее во­об­ра­же­ние: на каж­дый след­ствен­ный участ­ок при­хо­ди­лось 4 120 кв. верст и 163 след­ствия в год. Со сред­не­ста­ти­сти­че­ски­ми дан­ны­ми сле­дует об­ра­щать­ся ос­то­ро­жно, осо­бен­но если они обос­но­вы­ва­ют го­то­вя­ще­е­ся пра­ви­тель­ством пре­об­ра­зо­ва­ние. Эти циф­ры от­нюдь не от­но­си­лись к цен­траль­ным гу­бер­ни­ям Рос­сии (Мос­ков­ской, Кур­ской, Ка­луж­ской), та­кую уд­ру­ча­ю­щую кар­тину соз­да­ва­ли ок­раин­ные гу­бер­нии (Перм­ская, Во­ло­год­ская, Ар­хан­гель­ская). В дей­стви­тель­но­сти, хотя и не­льзя от­ри­цать боль­шо­го ко­личес­тва дел, при­хо­дя­щих­ся на од­но­го следо­ва­те­ля, и чрез­мер­ной про­тя­жен­но­сти тер­ри­то­рий след­ствен­ных участ­ков, яв­ле­ние ис­клю­чи­тель­ное, ка­са­ю­ще­е­ся ок­раин, бы­ло пред­став­ле­но как яв­ле­ние об­щее.

Сог­лас­но у­го­лов­но-про­цес­су­аль­но­му за­ко­ну "во всех след­ствен­ных дей­ствиях, не тер­пя­щих от­ла­га­тель­ства, как-то: в ос­мо­трах, ос­ви­де­тель­ство­ва­ниях, обыс­ках и вы­ем­ках" по­ли­ция за­ме­ня­ла су­деб­но­го следо­ва­те­ля, "со­блю­дая во всей точ­но­сти пра­ви­ла, по­ста­нов­лен­ные для пред­ва­ри­тель­но­го след­ствия", од­на­ко е­ю не про­из­во­ди­лось "фор­маль­ных до­про­сов ни об­ви­ня­е­мым, ни сви­де­те­лям"⁸⁵.

⁸⁵ Уст. угол. суд. Ст.ст. 258-259.

Предварительное следствие было обязательно по делам, подлежащим рассмотрению с участием присяжных заседателей (когда обвиняемому грозила мера наказания, связанная с лишением или ограничением прав состояния). По остальным же делам производство в суде могло быть начато "и без предварительного следствия, если прокурор по доставленным ему сведениям и доказательствам или по самому свойству дела признает возможным предложить суду обвинительный акт"⁸⁶.

Таким образом, даже по сложным уголовным делам можно было обойтись только производством дознания, в ходе которого полиции были предоставлены достаточно широкие полномочия. Судебный следователь зачастую своими действиями дублировал дознание. Следствие, по выражению, содержащемуся в поступившей в министерство юстиции по поводу состояния предварительного расследования записке, являлось "рабскою копиею" дознания⁸⁷.

Качество работы полиции по производству дознаний заслуживает того, чтобы на нем остановиться особо. Вот некоторые позиции, приведенные все той же комиссией Н.В. Муравьева, со ссылками на отчет комиссии, работавшей под председательством сенатора Петерса в 1869 и 1870 гг.: "Юридическая неподготовленность чинов полиции обуславливает собою неумение отделить существенно важное от бесполезных мелочей и подробностей", "весьма обыкновенны случаи, когда написано в дознании много, а не выяснен даже состав преступления", "часты случаи вымогательства от заподозренного сознания путем угроз, лишения свободы и даже причинения насилия",

⁸⁶ Там же. Ст.ст. 544-545.

⁸⁷ См.: Ж М Ю. 1895. № 11. С. 39.

"бывали примеры употребления таких же приемов и в отношении свидетелей, уклоняющихся якобы от дачи правильного показания", "в Тифлисском судебном округе при производстве дознания побои и выколачивание сознания у заподозренных - явление заурядное". Таким образом, делался общий вывод, что в смысле розыска дознания "почти не существует"⁸⁸.

Обеспечение законности судебного следствия и прав обвиняемого при его производстве были важнейшими условиями в уголовном процессе по реформе 1864 г. "Произвол следователя в собрании доказательств, - писал Н.А. Буцковский, один из составителей судебных уставов, - опаснее произвола судьи при определении их силы", поскольку он не может быть исправлен в связи с тем, что "доказательства со временем уничтожаются"⁸⁹.

Право на защиту обвиняемого обеспечивалось отводом следователя, ознакомлением по окончании дела с материалами следствия. Судебный контроль за производством следствия сочетался с прокурорским надзором.

Судебное следствие могло прекращаться только судом: "когда судебный следователь не найдет оснований продолжать следствие, то, приостановив производство, испрашивает на прекращение дела разрешения суда через прокурора"⁹⁰. По окончании судебного следствия материалы предоставлялись

⁸⁸ См.: Объясн. зап. к проекту новой ред. Уст. угол. суд. Т. II. С. 20-32.

⁸⁹ Буцковский Н.А. Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. СПб., 1864. Т. 17. С. 34.

⁹⁰ Уст. угол. суд. Ст. 277.

прокурору, который решал - "произведено ли следствие с надлежащей полнотой" и "следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено и приостановлено", - и обязан был "дать указанный в законе ход всякому следствию в течение недели от времени его получения"⁹¹. Составленный им обвинительный акт или заключение о прекращении или приостановлении дела прокурор или предлагал окружному суду, если за данное преступление или проступок закон не предусматривал наказания, связанного с лишением или ограничением прав состояния, или, если было совершено более тяжкое преступление, - прокурору судебной палаты⁹². По окончании следствия делу давался дальнейший ход судом. Причем, как видим, предусматривался контроль со стороны вышестоящей судебной инстанции.

Судебная экспертиза. Развитие судебной экспертизы в России, впервые закрепленной еще в Артикуле воинском 1715 г., также связано с судебной реформой 1864 г. Цивилизованная, основанная на демократических началах форма судопроизводства предусматривала использование специальных знаний. Судебные уставы закрепили, что "в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии", "в качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленни-

⁹¹ Уст. угол. суд. Ст.ст. 510, 517.

⁹² Там же. Ст. 523.

ки, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность"⁹³.

Эксперты, или "сведущие люди", приглашались следователем для производства осмотров и освидетельствований. Они должны были обладать качествами достоверных свидетелей. Если не встречалось особых препятствий, эксперт производил осмотр и освидетельствование в присутствии следователя и понятых. Следователь в устной или письменной форме предлагал эксперту вопросы, требующие разрешения. Осмотр или освидетельствование оформлялись протоколом, составление которого вменялось в обязанность следователю. Закон говорил и о заключениях "сведущих людей", не предусматривая, однако, их формы⁹⁴.

Предусматривался также вызов экспертов в судебное заседание. Инициатива в этом случае могла принадлежать суду, сторонам или присяжным заседателям⁹⁵. "Сведущие люди" приводились к присяге так же, как и свидетели⁹⁶. После оглашения заключения эксперта в судебном заседании и стороны, и присяжные заседатели с разрешения председательствующего судьи могли задавать ему вопросы⁹⁷.

На момент принятия судебных уставов 1864 г. в России отсутствовали экспертные учреждения. Следователь или суд по своему усмотрению могли прибегнуть к помощи специалиста в той или иной области знаний. Но именно реализация судебной

⁹³ Там же. Ст.ст. 325-326.

⁹⁴ Там же. Ст.ст. 327-333.

⁹⁵ Уст. угол. суд. Ст.ст. 578, 692.

⁹⁶ Там же. Ст. 694.

⁹⁷ Там же. Ст. 695.

реформы, поднявшая деятельность судебного следователя и судьи на несколько порядков выше, настоятельно диктовала потребность в криминалистических учреждениях.

В 1889 г. была создана научно-исследовательская фотографическая лаборатория при Петербургском окружном суде – первое в России криминалистическое учреждение. Инициатива его создания принадлежала талантливому фотографу, владевшему методикой обнаружения поддельных документов, Е.Ф. Буринскому и председателю Петербургского окружного суда А.М. Кузьминскому⁹⁸. Проводимые в лаборатории экспертизы делали явными скрытые от взгляда человека следы преступлений.

В 1892 г. постановлением Государственного совета была создана судебно-фотографическая лаборатория при прокуроре Петербургской судебной палаты. Деятельность ее была начата в 1893 г. В данном случае речь шла о решении принятом на правительственном уровне, а не об инициативе отдельных лиц, хотя именно А.М. Кузьминский в то время как раз являлся прокурором Петербургской судебной палаты. В начале XX в. в Петербурге, Москве, Киеве действовали кабинеты научно-судебной экспертизы⁹⁹.

Следует согласиться с высказанным И.Ф. Крыловым мнением, что "самостоятельного развития криминалистика в дореволюционной России не получила"¹⁰⁰. К исследованию преступлений применялись приемы и методы естественных и технических на-

⁹⁸ См.: Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики. Л., 1987. С. 26–28.

⁹⁹ Там же. С. 35.

¹⁰⁰ Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Л., 1987. С. 11.

ук. А порядок назначения и производства экспертизы судебными уставами очерчен в самых общих чертах, без детализации.

Адвокатура. Устройство адвокатуры и участие адвоката в процессе как гарантия права подсудимого на защиту являлись важнейшими составляющими судебной реформы 1864 г.

"Состязательное начало, положенное в основу настоящего процесса, - читаем в одном из российских дореволюционных учебников по уголовному процессу, - заключается в борьбе, но борьба имеет смысл лишь при равенстве сторон; а так как со стороны государства в уголовном процессе является опытный юрист - прокурор, то для равенства сил нужна помощь юриста с другой стороны. В этих видах создан институт защиты на суде и орган ее - адвокатура"¹⁰¹.

Если после составления прокурором по окончании предварительного следствия обвинительного акта делу давался дальнейший ход судом, то это сопровождалось вручением подсудимому копии обвинительного акта и списка лиц, которых предполагалось вызвать в суд. Подсудимому также предлагалось в 7-дневный срок избрать себе защитника и дополнить список свидетелей¹⁰². Участие защиты в уголовном судопроизводстве стало значительным шагом вперед по сравнению с дореформенными порядками. Однако адвокат не участвовал на стадии предварительного следствия.

Адвокат появлялся в процессе тогда, когда принималось решение о необходимости судебного разбирательства по делу. Это было существенным недостатком уголовного процесса в до-

¹⁰¹ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 119.

¹⁰² Уст. угол. суд. Ст.ст. 556-557.

революционной России, ограничивавшим состязательность судопроизводства и право обвиняемого на защиту. Однако это упущение можно объяснить не только нежеланием правительства демократизировать ранние стадии процесса, но и колоссальной нехваткой юристов в стране - присяжные поверенные не могли обеспечить даже стадию судебного разбирательства. Отсюда - право подсудимого избрать себе защитника не только из числа присяжных и частных поверенных (последние были, по сути дела, дореформенными стряпчими и ходатаями по чужим делам), но и из других лиц, "коим закон не воспрещает ходатайства по чужим делам"; возложение председателем суда обязанностей защитника на состоящих при судах кандидатов на судебные должности; назначение одного общего защитника для двоих и более подсудимых по одному делу, если в выдвинутых против них обвинениях не было существенных противоречий¹⁰³.

Наряду с тем, что в законе широко закреплялось право подсудимого на выбор защитника¹⁰⁴, составители уставов 1864 г. большое внимание уделяли правильной организациисловия присяжных поверенных, которым предоставлялось предпочтительное право представлять в суде интересы других лиц.

Устройство адвокатуры как самоуправляющейся корпорации должно было обеспечить: вхождение в ее состав лиц, обладавших знаниями и практическими навыками и отвечавших требова-

¹⁰³ Там же. Ст.ст. 565-567.

¹⁰⁴ Статья 246 Уст. гражд. суд. содержала перечень лиц, которые не могли представлять в суде интересы других (неграмотные, несовершеннолетние, несостоятельные должники и тому подобные категории). Этот перечень можно распространить и на уголовное судопроизводство.

ниям нравственности; надзор за деятельностью присяжных поверенных в самой их среде через их выборные органы; самостоятельность этой корпорации как условие защиты представляемых ею интересов частных лиц против действий государственных органов; гарантии частным лицам против недобросовестных, неквалифицированных присяжных поверенных. Корпоративная организация адвокатуры являлась необходимым условием ее существования, что было доказано опытом других стран.

Признав необходимость корпоративного устройства адвокатуры, составители уставов 1864 г. предусмотрели в качестве органов самоуправления внутри адвокатской корпорации их общие собрания и советы, избираемые ежегодно¹⁰⁵. Предполагалось создание советов в городах, где находились судебные палаты, а в остальных городах (при окружных судах) советом могли открываться отделения с теми правами, которые им предоставит совет. Присяжные поверенные согласно уставам 1864 г. приписывались к судебным палатам и избирали место жительства в одном из городов округа той судебной палаты, к которой приписаны, и могли принимать на себя хождение по делам во всех судебных местах округа судебной палаты, к которой они приписывались¹⁰⁶.

К компетенции совета присяжных поверенных относилось:

- 1) "рассмотрение прошений лиц, желающих приписаться к числу присяжных поверенных или выйти из этого звания";
- 2) рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и надзор за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых на себя обязанностей; 3) наз-

¹⁰⁵ Учр. суд. уст. Ст.ст. 357-366.

¹⁰⁶ Там же. Ст.ст. 356, 383.

назначение поверенных по очереди для безвозмездного хождения по делам лиц, пользующихся на суде правом бедности; 4) назначение по очереди поверенных для ходатайства по делам лиц, обратившихся в совет с просьбой о назначении им таковых; 5) определение размера вознаграждения поверенному по таксе в случае несогласия по данному вопросу между ним и тяжущимися и когда не заключено между ними письменного условия; 6) распределение между присяжными поверенными процентного сбора, удерживаемого из полагающегося им по таксе вознаграждения (распределение этой общей для всей России суммы осуществлялось ежегодно министром юстиции соответственно числу защитников, назначенных председателем из присяжных поверенных для защиты подсудимых, а между поверенными в округах - советами присяжных поверенных); 7) наложение взысканий на присяжных поверенных как по собственному усмотрению совета, так и по жалобам, поступающим в совет¹⁰⁷.

Приведенные выше позиции говорят о том, что совет присяжных поверенных являлся органом, осуществлявшим прием в адвокатское сословие, назначавшим "казенного" защитника и распределявшим вознаграждения за такого рода защиту, налагавшим взыскания на присяжных поверенных. Следует признать в то же время, что функции совета были ограничены.

За преступления и проступки, причинившие вред доверителям, присяжные поверенные подлежали ответственности в уголовном и гражданском порядке. Например, если по вине присяжного поверенного были пропущены предусмотренные в законе сроки или нарушены правила и формы судопроизводства, в результате чего был причинен ущерб доверителю, он мог взы-

¹⁰⁷ Учр. суд. уст. Ст.ст. 367, 398.

скать с поверенного свои убытки через тот суд, в котором он вел дело¹⁰⁸.

Независимо от этого присяжные поверенные несли ответственность перед советом за дисциплинарные проступки. Совет присяжных поверенных имел право "...своею властью подвергать их за нарушение принятых ими на себя обязанностей: 1) предостережениям, 2) выговорам, 3) запрещению отправлять обязанности поверенного в продолжение определенного советом срока, впрочем, не более одного года, 4) исключению из числа присяжных поверенных и 5) преданию уголовному суду в случаях, особенно важных"¹⁰⁹. Характерно, что исключенные из числа присяжных поверенных лишались права приобретать это звание в пределах всего государства. Присяжный поверенный, дважды подвергшийся запрещению временно исполнять свои обязанности, в случае новой вины, которую совет признает заслуживающей такого же взыскания, подлежал исключению из числа поверенных¹¹⁰.

На все постановления совета, кроме подвергающих присяжного поверенного предостережению и выговору, могли быть приносимы жалобы в судебную палату в двухнедельный срок. Причем определения палаты по этим делам считались окончательными¹¹¹. Контроль судебной палаты за советами присяжных поверенных и принимаемыми ими решениями был совершенно очевиден.

¹⁰⁸ Уст. угол. суд. Ст.ст. 374, 404-405.

¹⁰⁹ Уст. угол. суд. Ст. 368.

¹¹⁰ Там же. Ст. 369.

¹¹¹ Там же. Ст.ст. 376-377.

Проступки, за которые присяжный поверенный подлежал ответственности перед своим советом, касались норм адвокатской этики.

Уставы 1864 г. предъявляли следующие требования к поведению адвоката: 1) присяжным поверенным запрещалось покупать или иным образом приобретать права своих доверителей по их тяжбам как на свое имя, так и под видом приобретения для других лиц; все сделки такого рода признавались недействительными, а присяжные поверенные подпадали за это под ответственность по постановлениям их совета; 2) присяжный поверенный не мог действовать в качестве стороны против своих родителей, жены, детей, родных братьев и сестер, дядей и двоюродных братьев и сестер (как видим, норма охватывает достаточно широкий круг родственников); 3) присяжный поверенный не мог не только быть в одно и то же время поверенным обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой; 4) присяжный поверенный не должен был оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от него и после окончания дела¹¹².

За нарушение, допущенное присяжным поверенным в зале суда в ходе слушания дела, взыскания на него налагались присутствием того суда, где произошло нарушение. Однако, как отмечается в работах по уголовному процессу, "нашею практикою установлено передавать и эти дела также на усмотрение совета"¹¹³.

¹¹² Там же. Ст.ст. 400-403.

¹¹³ Духовской М.В. Указ. соч. С. 126.

Чтобы поступить в сословие присяжных поверенных, необходимо было отвечать достаточно жестким условиям: 1) возраст - 25 лет; 2) мужской пол; 3) нравственные критерии (не могли быть присяжными поверенными несостоятельные должники, лица, состоявшие под следствием за преступления и проступки, подвергшиеся по суду лишению или ограничению прав состояния и пр.), причем, отказывая в приеме по этому основанию совет мог не мотивировать своего отказа; 4) юридическое образование (если для судей допускалась замена его определенным сроком службы по судебному ведомству, то для присяжных поверенных это требование было безусловным); 5) пятилетний стаж работы по юридической специальности после окончания высшего учебного заведения (пребывание в качестве кандидата на судебную должность, судебная практика под руководством присяжных поверенных и пр.); следует заметить, что продолжительность требуемого стажа была велика, как по сравнению с другими юридическими специальностями в дореволюционной России, так и с зарубежной практикой; 6) несовместимость обязанностей присяжного поверенного с правительственной или общественной службой, за исключением почетных и общественных должностей, не предусматривавших жалования¹¹⁴.

Советы присяжных поверенных предполагалось открыть во всех округах судебных палат. Однако они были созданы лишь в Москве, Петербурге, Харькове и Одессе. "Острое недовольство новыми судами обратилось преимущественно против адвокатуры, которая больше всего способствовала исходу процессов, не

¹¹⁴ Учр. суд. уст. Ст.ст. 354-355.

соответствовавшему ожиданиям администрации"¹¹⁵. Указом Сената от 5 декабря 1875 г. было приостановлено дальнейшее учреждение советов присяжных поверенных как органов адвокатского самоуправления¹¹⁶, а их функции перешли к окружным судам. Приостановить создание советов присяжных поверенных было возможно еще и потому, что по судебным уставам совет открывался не только по инициативе присяжных поверенных, а и с надлежащего разрешения судебной палаты¹¹⁷. Хотя адвокатура и считалась одной из свободных и либеральных профессий, но организационно, как видим, адвокаты зависели от судов.

"Наверху" проектировались меры, направленные на установление контроля за присяжными поверенными не только со стороны судебной власти, что само по себе было неверно, противоречило корпоративному устройству адвокатуры, но и со стороны исполнительной власти. Так, в 1878 г. в министерстве юстиции был разработан законопроект, предоставлявший министру юстиции право без всяких объяснений лишать звания присяжного поверенного: иначе говоря, адвокатуру предполагалось полностью подчинить администрации. Но законопроект не прошел, встретив протест, в первую очередь, со стороны самих присяжных поверенных¹¹⁸.

Как было сказано выше, для вступления в сословие присяжных поверенных были установлены достаточно высокие требования. При этом в уставах 1864 г. не было прояснено поло-

¹¹⁵ История русской адвокатуры / Под ред. И.В. Гессена. Т. 1. М., 1914. С. 153.

¹¹⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 49. Отд. 2. № 54130.

¹¹⁷ Учр. суд. уст. Ст. 358.

¹¹⁸ См.: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 237-238.

жение помощников присяжных поверенных¹¹⁹. Действовал так называемый личный патронат, когда помощник прикреплялся к присяжному поверенному, от последнего зависел прием в сословие, предоставление работы, аттестация перед выборами. Таким образом, создавалось положение личной зависимости, которое отнюдь не способствовало росту профессионального уровня помощников. Там, где успели создать советы присяжных поверенных, например, в Москве и Петербурге, положение помощников было лучше: помощники делились на группы, проводились собрания, были разработаны правила занятий, ответственности, приема в сословие. Это всецело заслуга советов, а не законодателя, что лишний раз подчеркивало, какой ущерб был причинен делу правосудия приостановлением дальнейшего распространения советов по России.

Составители уставов 1864 г. предполагали, что если в округе будет достаточное число присяжных поверенных, способных удовлетворить потребности населения в такого рода деятельности, то право представительства интересов частных лиц в суде должно быть предоставлено только присяжной адвокату¹²⁰. До составления комплекта присяжных поверенных, который должен был быть предусмотрен особой табелью, разрабатываемой палатой и вносимой министром юстиции в Государственный совет и затем на "высочайшее" утверждение, разрешено было временно вести дела всем, кому это не было запрещено гражданским законом.

Идея не была реализована ни в одном округе судебной палаты в империи. Более того, как колоссальная нехватка юри-

¹¹⁹ Учр. суд. уст. Ст. 354.

¹²⁰ Там же. Ст. 387.

дических кадров, так и высокие требования, установленные законом для вступления в адвокатскую корпорацию, объективно обусловили представление интересов сторон не только присяжными поверенными, что нашло закрепление в "Правилах о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам" от 25 мая 1874 г. Этим законом параллельно с присяжной адвокатурой был создан институт частных поверенных из лиц, хотя и не имевших юридического образования, но сдавших экзамен при суде, получивших от суда соответствующее свидетельство и уплативших особый сбор. Свидетельства выдавались судебными палатами, окружными судами и мировыми съездами и давали право хождения по делам лишь в том судебном месте, которым они были выданы¹²¹. В целом же узаконение института частных поверенных было шагом назад - к дореформенным стряпчим и ходатаям по чужим делам.

Пристального внимания заслуживают такие вопросы в деятельности дореволюционной адвокатуры, как бесплатная защита интересов клиентов, пользующихся правом бедности, работа адвокатов по назначению, земская адвокатура.

Так, рядом земских собраний в 1896-1897 гг. были приняты постановления о приглашении за счет земских средств адвокатов, которые давали бы бесплатно или за небольшое вознаграждение юридические советы обращающимся к ним местным жителям. Инициатором оказалось Лохвицкое земское собрание Полтавской губернии. Аналогичные постановления затем были приняты Пермским, Вятским, Черниговским и другими земскими собраниями.

¹²¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 49. Отд. 1. № 53573.

Формальным основанием для принятия всех этих постановлений послужил п. 3 ст. 2 Положения о земских учреждениях 1890 г., согласно которому земству принадлежало "...заведывание делами по обеспечению народного продовольствия, попечение об устранении недостатка продовольственных средств и оказание пособий нуждающемуся населению разрешенным законом способом". При широком толковании данного положения становится очевидным, что земства могли взять на себя и организацию юридической помощи для обеспечения правовых нужд населения путем приглашения за счет собственных средств адвокатов.

Однако Полтавское губернское земское собрание отменило постановление Лохвицкого уездного собрания. Сенат принял сторону губернского собрания и дал ограничительное толкование перечня дел, вверенных земствам. После этого земствам оставался один путь - поставить интересующий их вопрос в законодательном порядке. Однако результат был отрицательный: Комитет министров в журнале заседаний от 18 мая 1899 г. ходатайство земского собрания о дополнении ст. 2 Положения "правилом, в силу которого земским учреждениям предоставлялось бы право организации земской адвокатуры", отклонил¹²².

Адвокатура создавалась в России в достаточно сложных условиях. Новая присяжная адвокатура коренным образом отличалась от института представительства в том виде, в каком он существовал в России до реформы 1864 г. Однако отсутствие комплекта присяжных поверенных, приостановление распространения по России корпоративного устройства адвокатуры,

¹²² Кузьмин-Караваев В.Д. Указ. соч. С. 30-31.

особенности взаимоотношений адвоката с клиентом, основанные на оплате труда адвоката по взаимной договоренности, узаконение наряду с присяжной адвокатурой института частных поверенных означали деформацию института адвокатуры в ходе его реализации. Хотя и изменения в устройстве адвокатуры не были обставлены множеством законодательных мероприятий, как это произошло с институтом присяжных заседателей, о чем пойдет речь ниже, но многие нормы, касавшиеся организации и деятельности адвокатов, предусмотренные в уставах 1864 г., были приостановлены, а то и вовсе не действовали.

Однако относительный либерализм адвокатской профессии, который все-таки следует признать, несмотря на ограничения в уставах 1864 г. и особенно в правоприменительной практике, делавший эту профессию более свободной, чем десятки, сотни других сфер деятельности в тогдашней России, привлек в адвокатуру талантливых и прогрессивно настроенных людей, видевших свое предназначение в служении народу. Судебная реформа 1864 г. дала России блестящую плеяду адвокатов: А.М. Унковский, В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, М.И. Доброхотов, П.В. Мокалинский и многие другие.

Что касается численности адвокатов в дореволюционной России, то Е. Васьковский в известном издании "Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет", ссылаясь, в свою очередь, на "Юридический календарь" Острогорского за 1914 г., приводит следующие данные: общее число присяжных поверенных не доходило до 6 тыс. человек, тогда как в Германии их было почти вдвое больше. Правда, при этом следует учитывать, что наряду с присяжными поверенными адвокатской деятельностью занимались их помощники и частные поверенные,

так что общее число практикующих адвокатов достигало в России накануне первой мировой войны 16 с лишним тыс. человек¹²³.

По свидетельству Е.И. Козлининой, долгое время работавшей в судах в качестве переводчицы и стенографа, в 1891 г., когда московская адвокатская корпорация отмечала юбилей своей 25-летней деятельности, "из отчета выяснилось, что в течение этих 25-ти лет в сословие ежегодно поступало по 13 человек и в общем число присяжных поверенных в округе московской судебной палаты достигло 351 человека, из которых 262 при 110 помощниках работали в Москве. Сравнивая эти числа с текущею статистикой, нельзя не видеть того, что в первые годы существования корпорации Совет присяжных поверенных несравненно строже относился к выбору своих сочленов, чем это делается теперь, когда ежегодно вступает в сословие свыше 75 человек"¹²⁴. Источники свидетельствуют также о том, что уже в 80-х гг. начинается некоторый упадок адвокатуры в России.

Суд присяжных. Ни один из институтов судебной реформы 1864 г. не претерпел столько изменений, сколько суд присяжных¹²⁵.

¹²³ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. В 2 т. Пг., 1914. Т. 2. С. 268.

¹²⁴ Козлинина Е.И. За полвека. Записки старинной русской журналистики (пятьдесят лет в стенах суда). 1862-1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 365.

¹²⁵ Основные нормативные акты о суде присяжных, принятые в дополнение и изменение уставов 1864 г.: указ Сената от 23 июня 1871 г. о порядке составления списков присяжных

Если определить основные направления, по которым шло законодательство о суде присяжных, принятое в дополнение и изменение уставов 1864 г., то это будут:

- ограничение компетенции суда присяжных;
- изменение порядка составления списков присяжных заседателей;
- изменение цензовых условий для присяжных заседателей.

Поправки к уставам 1864 г. были направлены прежде всего на то, чтобы обеспечить лояльность присяжных заседателей существующему режиму. Сама природа этого учреждения - судьи от общества, призванные осуществлять правосудие - делала его связующим звеном между обществом и государством. Очевидно, что правительство усматривало в суде присяжных не только юридический, но и политический институт.

Принято считать, что суд присяжных в дореволюционной России действовал лишь в низшем звене общих судебных мест - окружных судах. Правда, некоторые материалы официального делопроизводства, как опубликованные так и хранящиеся в ар-

заседателей; указ Сената от 20 марта 1872 г. о включении некоторых должностных лиц в списки присяжных заседателей; указ Сената от 14 июня 1873 г. об уважительных причинах неявки присяжных заседателей в суд; определение Сената от 5 сентября 1873 г., запрещающее земским собраниям назначать денежные пособия нуждающимся присяжным заседателям из крестьян; законы 9 мая 1878 г. и 7 июля 1889 г. об ограничении компетенции суда присяжных; закон 28 апреля 1887 г., изменивший порядок формирования суда присяжных; закон 2 марта 1910 г. о разъяснении присяжным заседателям угрожавшего подсудимому наказания.

хивах, позволяют предположить, что судебные палаты также слушали дела с участием присяжных. Этот вопрос требует специального изучения.

В данном исследовании нас интересует, насколько эффективны были ограничения компетенции суда присяжных, предпринятые в 70-80-е гг.

Присяжным заседателям в дореволюционной России были подсудны дела, по которым санкция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривала наказание в виде лишения или ограничения прав состояния¹²⁶. Эта мера применялась в качестве сопутствующей, наряду с тюремным заключением, каторжными работами, ссылкой и пр., и заключалась в потере сословных привилегий, супружеских, родительских, имущественных прав так же, как в случае естественной смерти, лишении чинов, званий и прочих привилегий.

Если "дела, разрешенные без присяжных, в 1874-1878 гг. не составляли и полной четверти общего числа разрешенных окружными судами дел", то в 1889-1893 гг. их было уже "около половины от общего числа рассмотренных дел"¹²⁷. Данные берутся за пятилетие на период до принятия закона 1878 г. и затем уже после принятия закона 1889 г. Таким образом, если до принятия соответствующих законодательных мер присяжные рассматривали более 3/4, то после - половину дел.

Согласно уставам списки присяжных заседателей, как общие, так и очередные, составлялись временными комиссиями, назначаемыми для этого ежегодно в уездах земскими собраниями, в столицах - соединенным заседанием городской думы и

¹²⁶ Уст. угол. суд. Ст. 201.

¹²⁷ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. С. 37.

уездного земского собрания с последующем представлением губернатору¹²⁸. Однако на практике по заключению Правительствующего Сената во многих уездах эти комиссии не создавались, а возложенные на них обязательства выполняли земские управы, секретари этих управ, письмоводители уездных предводителей дворянства или лица вольнонаемные.

Законодатель заботился о том, чтобы в присяжные заседатели попадали прежде всего лица, которым можно доверить выполнение этой обязанности. Отсюда - требование состоять в русском подданстве, обуславливающее связь лица с государством; возрастной ценз (не менее 25-ти и не более 70-ти лет от роду); ценз оседлости (проживание не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели). Присяжными заседателями не могли быть: лица, состоящие под следствием или судом, отбывающие наказание по приговору, исключенные со службы по суду, несостоятельные должники, состоящие под опекой за расточительство, слепые, глухие, немые, лишенные рассудка, не знающие русского языка. Служебный ценз предусматривал состояние на государственной гражданской службе в должностях 5-го класса и ниже, избрание в органы дворянских и городских обществ, для крестьян - нахождение на должностях волостного и сельского управления. Требования имущественного ценза заключались во владении землей в размере не менее 100 десятин или другим недвижимым имуществом ценою: не менее 2 тыс. руб. в столицах, 1 тыс. руб. в губернских городах, 500 руб. в иной местности, или получающие жалование, годовой доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла: в столицах не менее 500, в

¹²⁸ Учр. суд. уст. Ст. 89.

другой местности не менее 200 руб. Кроме того, присяжными заседателями не могли быть женщины, священнослужители и монашествующие, военные чины, учителя народных школ, лица, находившиеся в услужении¹²⁹.

Справедливости ради следует заметить, что в первоначальном тексте уставов 1864 г. наряду с объективными и правомерными требованиями, предъявляемыми к присяжным заседателям - возраст и здоровье, позволяющие выполнять эту обязанность и правильно воспринимать происходящее в зале суда, законопослушность - были и позиции, указывавшие на сословную ограниченность института: высокий земельный ценз, предъявляемое к крестьянам требование занятия должностей в волостном и сельском управлении, запрещение лицам, находящимся в услужении, исполнять судебские обязанности. Поэтому из сельских жителей предпочтение отдавалось состоятельным землевладельцам (земельный ценз - не менее 100 десятин земли, что составляло около 100 га по нынешним меркам), в то время как для горожан достаточно было иметь годовой доход около 200 руб. (16 руб. 60 коп. в месяц), что могло означать крайнюю бедность.

В то же время М.Н. Катков усматривал "теоретическое соображение законодателя о привлечении к этой обязанности (присяжных заседателей) всех классов общества" в том, что "даже простая грамотность не поставлена непременно условием правоспособности к функции присяжного"¹³⁰. По его мнению, было очевидно "желание законодателя, чтобы в присяжные по-

¹²⁹ Учр. суд. уст. Ст.ст. 81-86.

¹³⁰ Московские ведомости. 1874. 2 авг. (передовая)

падали только люди, безукоризненной нравственности и заслуживающие полное и безусловное доверие общества"¹³¹.

Вопреки положительным указаниям закона в списки присяжных заседателей заносились не только лица, не отвечавшие условиям предусмотренного судебными уставами служебного и имущественного ценза, но и не состоявшие в русском подданстве, имевшие более 70 лет от роду, не проживавшие в уезде, слепые, глухие, лишенные рассудка, даже умершие. Сенат констатировал и тот факт, что "лица, принадлежащие к сословиям дворянскому и купеческому, часто освобождаются от внесения в списки" совершенно необоснованно, и в большинстве уездов в состав присяжных входят "исключительно отставные чиновники и крестьяне"¹³².

Данные по Царицынскому уезду Саратовской губернии за 1872 г. показывают, что, если количество купцов, мещан и крестьян в очередных списках присяжных по четвертям года распределялось в среднем одинаково: 8 купцов, 18 мещан, 14 крестьян на каждую четверть, то относительно дворян встречаются лишь единичные случаи участия¹³³. Эти цифры говорят как о нежелании дворян участвовать в отправлении судопроизводства в качестве присяжных заседателей, так и широким привлечении крестьян к выполнению этой обязанности. Представители дворянского сословия оказывались больными,

¹³¹ Там же. 1874. 1 авг. (передовая).

¹³² РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 - 1884. Д. 58 Л. 10.

¹³³ См.: Воронин А.В. Вопросы формирования суда присяжных в дореволюционной России (по документам Саратовского окружного суда 1871-1917 гг.) // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. № 3. С. 110.

занятыми по службе именно в период сессий окружного суда, предъявляя на этот счет соответствующие документы, даже предпочитали заплатить штраф. Штраф по тем временам приемлемый для дворян, был несоизмерим с доходами большей части населения страны. Присяжный заседатель за неявку в суд без уважительных причин подвергался денежному взысканию: в первый раз - от 10 до 100 руб.; во второй - от 20 до 200 руб.; в третий - предавался суду и подвергался сверх денежного взыскания от 30 до 300 руб., лишению права участвовать в выборах и быть избираемым в должности, требовавшей общественного доверия¹³⁴.

Таким образом, можно отметить как перекосы в законодательном регулировании условий формирования суда присяжных, так и расхождение законодательства и правоприменительной практики в этом вопросе.

По мере введения в действие судебных уставов в министерство юстиции стали поступать ходатайства земских собраний "об устранении бедственного положения тех из присяжных заседателей, которые не имеют возможности содержать себя во время участия в заседаниях судебных установлений"¹³⁵. Действительно, имели место случаи, когда присяжные заседатели из крестьян и городских низов в перерывах между судебными заседаниями вынуждены были просить милостыню, наниматься на поденную работу, закладывать свою одежду для пропитания и найма помещения в чужом городе. Последовал ряд узаконений, решавших отрицательно вопрос о выделении земствами денежных пособий нуждающимся присяжным заседателям. В определении

¹³⁴ Уст. угол. суд. Ст.ст. 651-652.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 - 1884. Д. 63. Л. 2.

Сената от 5 сентября 1873 г. говорилось, что общественное правосудие – "обязанность, которая по существу этого учреждения не допускает никакого вознаграждения", и "внесение в земские сметы расхода на выдачу денежных пособий присяжным заседателям из крестьян выходит из предметов ведомства земских учреждений"¹³⁶. В определении Сената от 2 января 1878 г. разъяснялось, что временные комиссии по составлению списков присяжных заседателей формируются самими же земствами и они "вправе не включать в эти списки таких лиц, которые не имеют средств содержать себя во время участия в заседаниях уголовного суда"¹³⁷.

"Умственный и нравственный уровень наших присяжных оказывается слишком низким сравнительно с высотой лежащего на институте присяжных призвания"¹³⁸, – заметил М.Н. Катков.

Чтобы улучшить сложившееся положение, закон 12 июля 1884 г. ввел в состав комиссий по составлению списков присяжных заседателей председателя уездного съезда мировых судей, председателя уездной земской управы, городского голову, члена уездного по крестьянским делам присутствия, уездного исправника и полицмейстера, товарища прокурора окружного суда¹³⁹. Иными словами, в состав формируемых земствами комиссий в обязательном порядке включались лица, располагавшие сведениями об имущественном, служебном положении, благонадежности населения уезда, заинтересованные в лучшем

¹³⁶ Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883. П. 4.

¹³⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 – 1884. Д. 63. Л. 2.

¹³⁸ Московские ведомости. 1876. 19 июня. (передовая).

¹³⁹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 4. № 2314.

подборе присяжных заседателей как условия успешной деятельности судебных органов.

Закон от 28 апреля 1887 г. "Об изменении правил составления списков присяжных заседателей" вообще отказался от порядка составления списков присяжных заседателей учреждаемыми земствами временными комиссиями. Сведения о землевладельцах, подлежащих внесению в списки присяжных заседателей, подавались в окружные суды председателем уездной земской управы; о владельцах недвижимостью в городе - городским головою; о крестьянах, состоявших в волостном или сельском управлении - членом уездного по крестьянским делам присутствия; о других лицах - начальником городской или уездной полиции, причем лица, состоявшие на государственной службе, вносились в списки присяжных заседателей на основании сведений, предоставленных их начальством¹⁴⁰.

Таким образом, закон возложил составление общих списков присяжных заседателей на должностных лиц, располагавших сведениями об имуществе, образовании, благонадежности лица. Очередные списки присяжных заседателей составлялись уездными комиссиями, состав которых был определен в законе: уездный предводитель дворянства, председатель уездного съезда мировых судей, участковые мировые судьи, уездный исправник и полицмейстер, председатель уездной земской управы, городской голова, товарищ прокурора окружного суда, член уездного по крестьянским делам присутствия, мировые посредники¹⁴¹. Должен был действовать фактор заинтересованности состава

¹⁴⁰ Там же. Т. 7. № 4396.

¹⁴¹ Там же.

комиссии в надлежащем качестве формирования скамьи присяжных.

Законом от 28 апреля 1887 г. был также введен образовательный ценз для присяжных заседателей - умение читать по-русски. Предъявляемое правительством к потенциальным присяжным заседателям требование обладать элементарной грамотностью представляется вполне логичным и оправданным. Кажущийся вполне приемлемым минимальный образовательный ценз при формировании скамьи присяжных, если его соотнести со статистическими данными о грамотности населения в стране, а также с многократным снижением земельного ценза одновременно с увеличением имущественного ценза в городах, - вызывает множество вопросов. Так, средний процент грамотности населения всей страны в работоспособном возрасте, зафиксированный переписью 1897 г., был равен 28,7%, в целом для населения он достигал всего лишь 21,1%¹⁴². Хотя возрастные критерии здесь далеки от научного обоснования (нижняя возрастная граница определялась в 15 лет) и отличны от возрастного ценза, установленного для формирования скамьи присяжных (не менее 25-ти и не более 70-ти лет от роду), тем не менее они дают общее представление. Перепись фиксировала также более высокий процент грамотности у городского населения по сравнению с сельским.

Тем же законом от 28 апреля 1887 г. имущественный ценз для лиц, получавших жалование по службе, вознаграждение за

¹⁴² См.: Чернышев И. О всеобщем избирательном праве и его применении в России // К реформе государственного строя в России. Правовое государство и всенародное голосование. СПб., 1906. С. 322.

труд или доход от капитала, занятия, ремесла или промысла, был увеличен более чем вдвое по сравнению с уставами 1864 г.: с 500 до 1000 руб. ежегодно в столицах; с 200 до 600 руб. в городах с населением более 100 тыс. человек; с 200 до 400 руб. в другой местности. В то же время был значительно снижен ценз для землевладельцев: со 100 до 10-20 десятин земли. Служебный ценз — по уставам 1864 г., как уже было сказано выше, присяжными заседателями могли быть лица, занимающие на государственной службе должности 5-го класса и ниже, а также лица, избранные в органы городского и дворянского самоуправления, волостного и сельского управления — был сохранен только для крестьян, и то в списки присяжных заседателей не вносились судьи волостных судов и сельских расправ, стоявшие на очереди. В остальных случаях служебный ценз потерял самостоятельное значение. При внесении в списки присяжных заседателей учитывалась не должность, занимаемая на государственной или общественной службе, а размеры землевладения или дохода¹⁴³. Если имущественный ценз в городах был увеличен в среднем вдвое от годового дохода, то земельный ценз в сельской местности снижен в 10 раз. Такого рода изменения могли быть направлены на уменьшение удельного веса разночинной интеллигенции (мелких чиновников, служащих, учителей и др., которые "оказались на практике не вполне благоприятным элементом в составе присяжных"¹⁴⁴ и на расширение участия в качестве присяжных тех слоев общества, которые служили опорой самодержавия (прежде всего зажиточ-

¹⁴³ Для сравнения: Учр. суд. уст. Ст. 84.; ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 7. № 4396.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп.10 — 1884. Д. 58. Л. 12.

ного крестьянства как "благонадежного элемента в среде сельских обывателей"¹⁴⁵). Однако, усматривая в законодательстве о суде присяжных общую тенденцию, направленную на обеспечение лояльного существующему строю состава суда, нельзя не отметить и стремление законодателя исправить недостатки в цензовых условиях, обозначившиеся в первоначальной редакции уставов 1864 г.

Была ли цензовая политика направлена на обеспечение лояльного существующему режиму состава присяжных заседателей или на обеспечение в составе присяжных только тех лиц, кто в состоянии выполнять эту повинность? Однозначный ответ на этот вопрос дать нельзя. Определенный материальный уровень, наличие образования, прохождение службы в тех или иных должностях должны служить гарантией независимости лица, готовности его к выполнению тех или иных общественных обязанностей (будь то обязанности земского гласного, мирового судьи или присяжного заседателя).

Существует достаточно аргументированная и получившая широкое распространение позиция, что демократия, очевидно, состоит в том, чтобы вовлекать в представительные учреждения и иные формируемые выборным путем государственные органы не всех поголовно граждан, а преимущественно тех, которые в состоянии выполнять возложенные на них обществом обязанности. Это положение применимо в большей степени к обществу (каким была Россия второй половины XIX в.), где значительная часть населения не готова к выполнению полномочий, возлагаемых на лиц, которые избирались в представительные учреждения, судебные и подобные им органы.

¹⁴⁵ Там же.

В то же время "избирательные цензы и множественность вотумов; система выборов и способ подачи голосов имеют свою историю и играют роль крепостей, за которыми укрываются привилегии имущих классов. <...> Против господства большинства по-прежнему возражают указанием на невежество и на подкупность масс, забывая, что каждый класс, будучи принужденным уступить политическую власть новому классу, считал господство этого пришельца гибельным для "культуры", и в то же время, сам он сходил со сцены именно потому, что становился в противоречие с ходом "культуры""¹⁴⁶.

В основе системы цензов подчас лежат политические мотивы, защищающие привилегии имущих и правящих классов, которые скрывают истинные цели своей политики за лицемерной аргументацией. "В глазах многих либеральных политиков в России оказывается особенно много данных, говорящих против демократического избирательного права: слабая степень грамотности населения; забитость населения; обширность государственной территории; культурная отсталость инородческих племен"¹⁴⁷, - писал И. Чернышев.

Не имели права участвовать в суде присяжных женщины. Вообще в дореволюционной России женщины не были наделены ни активным, ни пассивным избирательным правом, о формировании каких бы структур ни шла речь. Хотя идея о том, что женщины должны перестать считаться неспособными располагать своей волей, наряду с детьми, умалишенными и преступниками, в просвещенных слоях общества пользовалась достаточной популярностью.

¹⁴⁶ Чернышев И. Указ соч. С. 18-19.

¹⁴⁷ Там же. С. 277.

Военные в дореволюционной России также не допускались к участию в представительных и сходных с ними учреждениях, к разновидности которых можно отнести и суд присяжных.

Критерии, установленные законом 1887 г. для лиц, избираемых в присяжные заседатели, на практике по-прежнему не действовали, а потому идея формирования общественного элемента в суде из независимых, просвещенных, готовых к выполнению этой роли слоев общества, которой были движимы "отцы судебной реформы", оказалась иллюзией. Социальная структура общества со значительной долей (примерно 8/10) крестьян, только что вышедших из крепостной зависимости; сословный строй, при котором незримые границы между сословиями препятствовали объединению их различных представителей в одну коллегию присяжных заседателей и подлинной всесословности этого института; отсутствием опыта демократии - всего этого нельзя было преодолеть частными поправками в законе. Суд присяжных - это уменьшенная модель общества. И никакие законодательные нормы, направленные на обеспечение желательного для правительства состава присяжных, не могли противостоять реальной социальной структуре общества, существовавшим в этом обществе противоречиям.

Низкая репрессивность суда с участием присяжных заседателей служила одним из самых серьезных оснований для нападок на этот институт. По данным статистики за период с 1876 по 1891 гг. присяжные заседатели оправдывали от 44 до 34% подсудимых. Однако процент оправданий, вынесенных окружными судами с участием присяжных заседателей, не столь значительно отличался от других судебных инстанций России означенного периода. Для сравнения: процент оправдательных при-

говоров, вынесенных окружными судами без участия присяжных заседателей за тот же период, колебался между 29,5 и 24, а судебными палатами с участием сословных представителей - от 46,5 (в 1881 г.) до 20% (в 1885 г.), хотя и не составлял более-менее постоянной величины¹⁴⁸. Как видим, и другие судебные инстанции выносили довольно большой процент оправдательных приговоров. Суд присяжных на этом фоне не выглядел институтом с низкой репрессивностью и опровергал устоявшееся мнение. Но если репрессивность суда присяжных и была несколько ниже, и присяжные подчас принимали "решение, не носящее на себе печати казенщины"¹⁴⁹, то они имели на это право, вынося на своих плечах все тяготы существующего общественного и государственного строя.

Кассационный и апелляционный порядок обжалования приговоров и решений. Хотя вынесение решения или приговора судом - конечная цель судопроизводства, постановленное решение или приговор не является непреложной истиной. Возможны ошибки судьи: из существенных затруднений, вытекающих из спора сторон, неопределенности и недостаточности представленных сторонами доказательств, ошибочного понимания закона, наконец, просто из недобросовестности. В этой связи предусмотрено право обжалования решения или приговора суда первой инстанции в целом или в частях в вышестоящий суд для его исправления или уничтожения.

Введение в ходе реформы 1864 г. вместо ревизии апелляционного и кассационного порядка обжалования судебных при-

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

¹⁴⁹ Ж М Ю. 1895. № 12. С. 71.

говоров и решений стало еще одним значимым шагом по пути демократизации судопроизводства.

При ревизионном виде пересмотра вышестоящий суд не связан доводами сторон и может действовать по собственной инициативе, он имеет право не только отменить обжалованный приговор или решение, но и частично заменить его новым.

Апелляционный пересмотр - это рассмотрение дела по существу судом второй инстанции по жалобам сторон на неокончательный приговор или решение суда первой инстанции и в пределах этих жалоб. Апелляционная инстанция была обязана решить дело, не возвращая его в нижестоящий суд к новому производству и решению. Она входила в рассмотрение решения, вынесенного нижестоящей инстанцией только в части, обжалованной той или другой стороной. Апелляционные суды после устной и непосредственной проверки исправляют приговоры или решения, даже перерешают дела, по которым постановлены приговоры или вынесены решения судами первой инстанции.

Сущность и цель апелляционного производства состояла в том, что "здесь стороны получают дополнительную гарантию справедливости судебного приговора"¹⁵⁰. Прежде чем стать окончательным, приговор проверяется вышестоящим судом, судьи которого имеют больший опыт, свободны от местных влияний и т.д.

В теории апелляционный суд рассматривает дело теми же методами, что и суд первой инстанции, непосредственно проверяя все доказательства, собранные ранее и дополняя их новыми, представленными сторонами. Фактически апелляционное

¹⁵⁰ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1. С. 507.

производство чаще всего является письменным, опирается на материалы предварительного следствия, протоколов судебного разбирательства. Стороны отнюдь не всегда появляются в апелляционном суде, еще реже здесь допрашиваются свидетели.

Так, Устав гражданского судопроизводства предусматривал порядок рассмотрения дел в судебной палате, являвшейся апелляционной инстанцией по отношению к окружному суду. Согласно Уставу "в заседании, назначенном для слушания дела, обстоятельства его излагаются членом-докладчиком, после чего находящиеся налицо стороны допускаются к словесному состязанию". При состязании сторон первое слово принадлежало апеллятору, если же апелляционные жалобы принесены обеими сторонами - то истцу. Отсутствие тяжущихся не препятствовало постановлению решения. Отсутствие одной стороны не лишало другую "права представить словесные объяснения"¹⁵¹.

В кассационном порядке стороны могут обжаловать приговоры или решения судов первой инстанции, не подлежащие апелляции (окончательные), и в частности приговоры суда присяжных, а также приговоры и решения судов второй инстанции, постановленные в апелляционном порядке. "Кассационный суд не должен постановлять решения по существу дела, но имеет только право признать обжалованное решение неправильным и потому недействительным, и передать оное на разрешение другого суда"¹⁵², - отмечали составители судебных уставов.

¹⁵¹ Уст. гражд. суд. Ст.ст. 768-770.

¹⁵² Судебные уставы ... с изложением рассуждений. Ч. 1. С. 380.

Предмет кассационного пересмотра - решение или приговор исключительно с его юридической стороны. Кассационный пересмотр не касается вопроса о фактических обстоятельствах дела. Кассация обеспечивает единообразное толкование и применение законов. В то же время решение кассационного суда преследует цель правильного разрешения конкретного дела.

Сравнивая апелляционный пересмотр дела с кассационным, французский процессуалист Helie заметил: если апелляционный пересмотр является "судом по делу", то кассационный пересмотр есть суд над судебной деятельностью первой инстанции - "суд над судом"¹⁵³.

Условия, при которых должны осуществляться эти формы обжалования решений, требуют учреждения двух степеней общего суда и одного верховного или кассационного суда, "для направления всех судебных мест к правильному и по возможности единообразному применению закона"¹⁵⁴.

Было введено общее правило: "Гражданские дела подлежат разрешению по существу в двух только судебных инстанциях"¹⁵⁵.

В качестве крупного недостатка дореформенного суда составителями уставов 1864 г. была отмечена чрезмерная продолжительность рассмотрения гражданских дел судами, связанная с прохождением их через несколько судебных инстанций. "Хотя, по прямому смыслу закона (по своду 1857 г.), полагается для дел менее важных только две, а для важнейших три инстанции, но на практике дела более важные не оканчиваются

¹⁵³ Цит по: Чельцов-Бебутов М.А. Указ соч. С. 509.

¹⁵⁴ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. XIX.

¹⁵⁵ Уст. гражд. суд. Ст. 11.

в департаментах Сената и поступают в общие онаго собрания, а нередко и в Государственный Совет, так что на самом деле переходят через пять инстанций, даже не считая консультации, при министерстве юстиции учрежденной". Кроме того, как отмечают авторы-составители судебных уставов, "...полагаясь на право переноса дела в инстанцию высшую, тяжущиеся мало заботятся о надлежащем объяснении своего дела в судах низших и о предоставлении всех нужных по оному доказательств, и через то поставляют сии суды в невозможность правильно решить дело, а потом затрудняют суды высшие рассмотрением представляемых под разными предлогами новых обстоятельств и доводов. <...> Когда же к сему присоединяются еще недобросовестность и ябедническое искусство придумывать способы для отклонения окончательно постановленного решения, то и самые простые и ясные дела становятся многосложными, запутанными"¹⁵⁶.

Конструкция системы обжалования в гражданском судопроизводстве становится таковой, что в первой инстанции "должны быть собраны и надлежащим образом проверены все документы и сведения, необходимые для изучения и решения дела"¹⁵⁷. Право тяжущегося обжаловать решение суда должно иметь свои пределы. Устанавливая начало рассмотрения дел лишь в двух инстанциях, законодатель побуждал тяжущихся представлять в суд первой инстанции все свои доводы и доказательства. Суд тем самым получал достаточно полное и ясное представление о деле.

¹⁵⁶ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. 22-23.

¹⁵⁷ Там же. С. 23.

С учетом опыта западноевропейских стран была признана необходимость сосредоточения в Сенате как высшей судебной инстанции надзора за правильным толкованием законов и порядком производства. При этом Сенат не рассматривал дела по существу.

Основные положения от 29 сентября 1862 г. ввели в России систему, когда Сенат "в качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу, наблюдает за сохранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными местами Империи (осн. пол. судоуст. ст. 6), что рассмотрение прошений об отмене решений судебных палат сосредоточивается в одном верховном месте - кассационных департаментах сената (осн. пол. гр. суд. ст. 76), которые отменяют означенные решения единственно в порядке кассации (ст. 13), обращая дело к новому по существу спора решения в палату (ст. 78) и что решения кассационных департаментов публикуются для руководства к единообразному истолкованию и применению законов (ст. 77)"¹⁵⁸.

В системе местных судов просьбы об отмене решений мировых судей по уставам 1864 г. приносились мировому съезду, а об отмене решений мировых съездов - Сенату.

При подготовке судебных уставов были существенные возражения против сосредоточения кассационного производства по мировым учреждениям в Сенате как вследствие огромной протяженности империи, так и в связи с обременением высшей судебной инстанции большим количеством дел. Были предложения о передаче кассационных полномочий, хотя бы по делам, рас-

¹⁵⁸ Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. 382.

смотренным мировыми судебными установлениями, в судебные палаты. В итоге законодатель счел, что "раздробление этой власти между палатами, т.е. предоставление им права толкования законов и существенных форм и обрядов судопроизводства, умалило бы совершенно значение высшего судилища, и вместе с тем дало бы неизбежно повод к различным объяснениям закона, а сила и значение всякого закона необходимо обуславливаются единообразным его исполнением". Чем более раздроблена кассационная власть, тем менее соблюдается единообразие в толковании законов. К тому же было признано опасным соединять в одних руках две власти: апелляционную и кассационную, поскольку в данном случае "палата сама устанавливала бы в кассационном порядке смысл тех законов, которые она применяла бы в апелляционном порядке к окончательному решению дел"¹⁵⁹.

Просьбы об отмене решений допускались только на такие решения, которые не могли быть обжалованы в апелляционном порядке.

Так, в соответствии с Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. просьбы об отмене решений могли быть трех категорий: 1) просьбы о кассации решений, которые допускались только: а) в случае явного нарушения прямого смысла закона или неправильного его толкования; б) в случае нарушения обрядов и форм производства столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения; в) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом представленных судебной палате; 2) просьбы о пересмотре решений по вновь открытым обстоя-

¹⁵⁹ Там же. С. 95-96.

тельствам и вследствие подлога, обнаруженного в актах, на коих решение основано; 3) просьбы не участвовавших в деле лиц, когда постановленное решение касалось их прав¹⁶⁰.

При обсуждении ст. 793 Устава гражданского судопроизводства была сделана попытка в самом Уставе дать перечень тех форм судопроизводства, нарушение которых могло служить поводом к отмене решения. В издании "Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны" перечислено 28 таких поводов¹⁶¹. Однако подобная постановка проблемы встретила серьезные возражения: "...точное и подробное исчисление в законе форм, нарушение коих влечет за собою необходимость кассации решений, с одной стороны, при настоящих условиях науки гражданского права вообще и нашего русского законодательства в особенности, недостижимо, а с другой - такое исчисление по неполноте своей может остановить развитие идеи правды, ибо вставит ее в такие узкие рамки, из коих жизнь народная может вырваться разве с самым упорным насилием"¹⁶². Тем более, что "самая цель ограничить случаи кассации решений не достигается исчислением в законе существенных форм судопроизводства"¹⁶³.

¹⁶⁰ Уст. гражд. суд. Ст.ст. 793-795.

¹⁶¹ См.: Судебные уставы ... с изложением рассуждений... Ч. 1. С. 365-367.

¹⁶² Там же. С. 367.

¹⁶³ Там же. С. 369.

Глава 4

Подготовка проектов новой редакции судебных уставов в комиссии Н.В. Муравьева (1894-1899 гг.)**4.1. Причины создания и организационные формы комиссии по пересмотру судебных уставов**

С середины 80-х гг. правительство Александра III вынашивало планы полного и систематического пересмотра судебных уставов. М.Н. Катков в то время писал о судебной реформе, «которой так долго и так тщетно ожидает Россия»¹. Государственный секретарь А.А. Половцов свидетельствовал, что в связи с обсуждавшимся в 1887 г. в Государственном совете вопросом о предоставлении министру юстиции права закрывать двери судебного заседания, великий князь Михаил Николаевич «высказал государю убеждение о необходимости изменений в судебных уставах, но с тем, чтобы изменения эти произведены были не частично, а общим пересмотром всего устава в особой на то призванной комиссии (...) но на все его доводы государь отвечал только, что здесь вопрос *принципиальный*»².

Запись беседы А.А. Половцова с Александром III первого февраля 1887 г.:

¹ Московские ведомости. 1886. 3 окт. (передовая).

² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 16.

«Половцов: «Он (великий князь Михаил Николаевич. - М.Н.) находит нужным учредить комиссию, которая бы пересмотрела судебные уставы».

Государь: «Это затянуло бы дело надолго».

Половцов: «И, кроме того, повторилась бы прежняя ошибка. Построили бы новую храмину, в которой жить бы оказалось неудобно.

Да и вообще я не приверженец теоретического законодательства; я считаю, что гораздо лучше возбуждать законодательные вопросы по мере того, как на них наталкивает жизнь, и разрешать их частными мероприятиями, конечно, в строго обдуманном направлении»³.

В период 80-х гг. правительство предпочло тактику внесения в судебные уставы отдельных поправок, правда, эти поправки шли в едином русле и были направлены на приведение суда в соответствие с основами государственной власти.

Реализовать идею о полном и систематическом пересмотре судебных уставов 1864 г. была призвана комиссия под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева, созданная в 1894 г.

Александр III говорил о Н.В. Муравьеве: «Это юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках»⁴.

Фигура Н.В. Муравьева - достаточно противоречивая. Современники отдавали должное его профессиональным качествам, организаторским способностям. Столь же единодушны они были в оценке нравственных черт Н.В. Муравьева - человек,

³ Половцов А.А. Указ. соч. С. 18.

⁴ Там же. С. 458.

лишенный моральных устоев, карьерист. С.Ю. Витте писал, что «если бы он не был Муравьевым, а родился в семье какого-нибудь мещанина Иванова, то, конечно, давно бы кончил очень плохо»⁵.

Дед Н.В. Муравьева - М.Н. Муравьев - за «образцовое» подавление польского восстания в 1863 г. получил прозвище «вешатель». М.Н. Муравьев, бывший декабрист, впоследствии порвавший со своим прошлым, любил говорить, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают⁶.

Участие Н.В. Муравьева в качестве обвинителя по делу об убийстве Александра II 1 марта 1881 г., закончившемуся пятью смертными приговорами, в процессе «20-ти» с десятью смертными приговорами,⁷ ставило во главу угла в оценке его фигуры историками беспощадность Н.В. Муравьева в борьбе с выступлениями народников, а не его профессиональные данные юриста и государственную деятельность.

Будучи товарищем прокурора Петербургской судебной палаты, поддерживая обвинение по делу 1 марта 1881 г., Н.В. Муравьев со всем присущим ему красноречием рисовал картину «величайшего из злодеяний». Он перешел от обвинения каждого подсудимого в отдельности к обвинению всей партии, стремясь представить ее горсткой злодеев, не толь-

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания / Под ред. А.П. Сидорова: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 337.

⁶ См.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882. М., 1978. С. 48.

⁷ См.: Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1894 гг. Изд. 2-е. Саратов, 1983. С. 289.

ко не выражавших интересы народа, а напротив, противопоставивших себя народу, который скорбит о смерти царя-освободителя⁸.

М.Н. Катков отмечал в «Московских ведомостях», что «обвинительное слово Муравьева было исполнено ума, огня потрясающей силы». Однако «разве подлежащее ему дело было такого свойства, что кару правосудия нужно было вымаливать у судей путем красноречия, что нужно было потрясать их, дабы они не вздумали признавать подсудимых по суду оправданными? (...) Посреди всей этой чисто формальной судебной процедуры по делу о цареубийстве речь обвинителя становится необходимою, если не для решения участи подсудимых, то для успокоения общественной совести, которая не может не быть смущена характером процедуры. (...) Чем лучше была речь, тем тягостнее общее впечатление суда»⁹.

По свидетельству Е.И. Козлининой, Н.В. Муравьев «...являл собою в прокуратуре то же самое, что в адвокатуре представлял собою Плевако»¹⁰.

В 1882 г. Н.В. Муравьев становится прокурором Петербургской судебной палаты, в 1884 г. — Московской. Он входит в доверие к великому князю Сергею Александровичу — московскому губернатору, который обратил на него внимание царя. Была устроена аудиенция под предлогом представления

⁸ См.: Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 35-105.

⁹ Московские ведомости. 1881. 30 марта. (передовая).

¹⁰ Козлинина Е.И. За полвека. Записки старейшей русской журналистки (пятьдесят лет в стенах суда). 1862-1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 180.

Александру III книги «Руководство волостным судам», в которой Н.В. Муравьев писал о том, как осуществлять судопроизводство после принятия закона о земских участковых начальниках. На царя он произвел благоприятное впечатление, показав себя приверженцем института земских начальников и противником судебной реформы 1864 г.¹¹

В 1892 г. Н.В. Муравьев был назначен государственным секретарем, а спустя два года - министром юстиции. Даже когда Н.В. Муравьев стал министром юстиции, «излюбленным его детищем оставалась прокуратура»¹².

Угодливый до холуйства перед сильными мира сего, подчиненных Н.В. Муравьев в буквальном смысле слова дрессировал. «Не только свою деятельность, но и свою походку, и манеры им нужно было сообразовывать с желанием начальства, и волей-неволей им приходилось подчиняться этой муштровке, так как в будущем она сулила им крупное положение»¹³.

В одном из «Писем к тетеньке» М.Е. Салтыков-Щедрин рисует образ надворного советника Сенечки, прототипом которого является Н.В. Муравьев. Сенечка «ведет войну против неблагонадежных элементов». Он постоянно озабочен, чтобы кого-нибудь «изловить», при этом он руководствуется не столько политическими убеждениями, сколько желанием выслужиться - получить чин или орден¹⁴.

¹¹ См.: Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 452.

¹² Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 384.

¹³ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 322-323.

¹⁴ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Письма к тетеньке // Собр. соч.: В 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 373-395.

Исполнительный комитет «Народной воли» в 1884 г. вынес смертный приговор Н.В. Муравьеву. Две попытки народовольцев привести приговор в исполнение закончились неудачей¹⁵.

В период проводимого правительством Александра III курса на охранение существующего строя Н.В. Муравьев идеально подходил на пост министра юстиции. «Верхи» знали его как противника судебной реформы, что определялось не столько идейными воззрениями, сколько соображениями карьеры. В то же время в широких слоях общества по публичным выступлениям и статьям он «был ... известен как тонкий ценитель и горячий поклонник судебных уставов»¹⁶. Широкое хождение получили слова, которыми Н.В. Муравьев открыл курс лекций по уголовному судопроизводству в Московском университете: о том, что дальше начал, провозглашенных судебными уставами «нам незачем и некуда идти»¹⁷.

Н.В. Муравьев находился на посту министра юстиции с 1894 по 1905 гг., что было ознаменовано рядом нововведений в рамках данного ведомства: в 1899 г. последовал высочайший указ о завершении судебной реформы; в 1903 г. было принято новое Уголовное уложение; на рассмотрение Государственного совета были представлены отдельные части Гражданского уложения; из ведения министерства внутренних дел в ведение министерства юстиции передано тюремное управле-

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 995. Оп. 3 Д. 5.

¹⁶ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 222.

¹⁷ Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. С. 587.

ние¹⁸. При всем многообразии деятельности главной своей целью, делом всей жизни Н.В. Муравьев считал пересмотр судебных уставов. Он видел в этом «венец и завершение своей долголетней службы»¹⁹.

Признавая, что за 30 лет основные принципы и институты судебной реформы были «радикально изменены», Н.В. Муравьев отрицательно относился к практике внесения в них отдельных изменений, дополнений, поправок. Новеллы, по его мнению, не были согласованы между собой, порождали пробелы в законодательстве и тем самым не только не улучшали, а напротив, ухудшали состояние судоустройства и судопроизводства²⁰. Добиться серьезного улучшения, по его мнению, можно было только осуществив «полный и систематический пересмотр действующих правил по судебной части»²¹.

Заняв пост министра юстиции 1 января 1894 г., Н.В. Муравьев обратился к представлявшимся ему чинам министерства с речью, в которой содержалась программа деятельности. В частности, говорилось, что суд в России «нуждается в зна-

¹⁸ См.: Всеподданнейший доклад министра юстиции о деятельности министерства за 1894-1904 гг. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 347.

¹⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет: В 2 т. Пн., 1914. Т. 2. С. 628.

²⁰ См.: Всеподданнейший доклад министра юстиции от 7 апреля 1894 г. // Высоч. учр. комис. Объясн. зап... учр. суд. уст. Т. 1. С. 68.

²¹ Всеподданнейший доклад министра юстиции о деятельности министерства за 1894-1904 гг. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 347. Л. 6.

чительных усовершенствованиях и упрощении, в развитии начал, положенных в его основу»²². В своей речи новый министр сформулировал принцип «правительственного значения суда»: «Судебная власть есть отрасль правительственной деятельности на благо общее, и судебное ведомство есть один из органов правительства. (...) Наша деятельность всегда должна быть строго согласована с намерениями и видами правительства. (...) Не рознь или обособление властей, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности в каждой сфере, составляет несокрушимый оплот и благодетельную крепость гражданского порядка»²³.

Если в этом выступлении стремление покончить с независимостью судебной власти завуалировано в ряду общих постулатов теории разделения властей, то в докладе Александру III от 7 апреля 1894 г. новый министр юстиции гораздо откровеннее выразил свои взгляды и намерения. «Провозглашение судебными уставами 1864 г. отделения суда от администрации и независимости судей могло быть и действительно было истолковано в смысле намерения законодателя поставить представителей судебной власти в особое, исключительное положение в ряду прочих правительственных органов», — писал он. При правильной же организации «...суд должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха, (...) как один из органов правительства, должен быть солидарен с другими его

²² Неделя. 1894. 9 янв.

²³ Неделя. 1894. 9 янв.

органами»²⁴. Правительство же, в свою очередь, должно располагать средствами, позволяющими влиять на состав лиц судебного ведомства и направлять их деятельность. В докладе от 7 апреля 1894 г. обосновывалась необходимость создания комиссии для полного и систематического пересмотра судебных уставов.

Провозглашает ли Н.В. Муравьев нечто принципиально новое?

Авторы известной работы «Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет» отмечали: «Начало «правительственного значения суда», о необходимости которого в новом изложении судебных уставов говорил и писал Н.В. Муравьев, являлось впрочем, как можно думать, не столько программой для будущего, сколько краткой формулой для характеристики того направления, в котором развивалось законодательство после 1881 г. Одной из характерных черт его была тенденция усилить влияние министра юстиции на судебные установления, сравнительно с тем положением, какое было определено уставами». В качестве примеров приводятся: закон 20 мая 1885 г., предоставивший министру юстиции как представителю администрации права в области дисциплинарного надзора за чинами судебного ведомства, закон 12 февраля 1887 г., уполномочивший его же по собственному усмотрению устранять гласность судебного разбирательства, закон 12 июля 1889 г., подчинивший министру юстиции городских судей, а министру внутренних дел — земских участковых начальников²⁵.

²⁴ Высоч. учр. комис. Объясн. зап ... учр. суд. уст. СПб., 1900. Т. 1. С. 70.

²⁵ Судебные уставы ... за пятьдесят лет. Т. 2. С. 629-630.

Н.В. Муравьев формулировал принцип «правительственного значения суда» в русле развивавшейся в 70-80-е гг. тенденции в законодательстве - привести суд в соответствие с другими органами абсолютистского государства.

В записке «О необходимости изменений судебных учреждений и судебных порядков» от 6 апреля 1894 г., хранящейся в фонде Н.В. и В.Н. Муравьевых в Российском государственном историческом архиве и являющейся черновым наброском доклада Александру III от 7 апреля 1894 г., министр юстиции наметил общую схему - «главные предметы исследования и пересмотра»: «1) несменяемость, 2) суд присяжных, 3) судебно-административные учреждения, 4) Сенат и кассация, 5) следственная часть, 6) прокурорский надзор, 7) адвокатура»²⁶. Записка, в которой обосновывается необходимость «полного, цельного, одновременного, по общему плану и под одним руководящим началом» пересмотра уставов 1864 г., представляет несомненный интерес для исследователя. Показателен тот факт, что вместе с запиской в архиве хранится экземпляр доклада К.П. Победоносцева Александру III от 30 октября 1885 г., о котором шла речь выше. Зная, что положения, развивавшиеся К.П. Победоносцевым, «полностью разделялись царем»²⁷, Н.В. Муравьев использовал их в обоснование необходимости учреждения комиссии для пересмотра законоположений по судебной части.

²⁶ РГИА. Ф. 995. Оп. 3. Д. 15. Л. 2.

²⁷ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М., 1970. С. 239.

Доклад министра юстиции царю от 7 апреля 1894 г. содержит следующие позиции:

- «Изменение действующих правил о судейской несменяемости, которые в нынешней своей постановке не отвечают условиям нашего государственного устройства».

- «Упрощение и более правильное разграничение подсудности судебных мест, в особенности же расширение компетенции единоличных судов».

- «Исследование причин часто неудовлетворительной у нас деятельности суда присяжных с целью выяснить, следует ли сохранить на будущее время эту форму суда».

- «Пересмотр правил, касающихся апелляционного и в особенности кассационного порядка обжалования судебных приговоров и решений, (...) не представлялось ли бы более согласным с нашими потребностями вернуться вполне или отчасти к прежде действовавшему у нас ревизионному порядку».

- «Улучшение порядка производства следствий и предания суду, - порядка, отличающегося в настоящее время излишней сложностью, медленностью».

- «Преобразование адвокатуры, в смысле устранения от занятий адвокатскою практикою лиц неблагонадежных, (...) подчинения их деятельности более строгому правительственному надзору»²⁸.

Положения доклада Н.В. Муравьева перекликаются со статьями М.Н. Каткова в «Московских ведомостях», с докладом К.П. Победоносцева.

²⁸ Высоч. учр. комис. Объясн. зап... учр. суд. уст.

Резолюция Александра III гласила: «Твердо убежден в необходимости всестороннего пересмотра наших судебных уставов, чтобы наконец действительное Правосудие царило в России»²⁹.

На фоне позиций всеподданнейшего доклада министра юстиции особенно лицемерными кажутся его публичные выступления по поводу предстоящего пересмотра. В частности, Н.В. Муравьев говорил, что «в главном они (судебные уставы 1864 г. — *М.Н.*) должны быть неприкосновенны. Таковы: устность, гласность, состязательность процесса, охрана прав личности перед судом, разделение судебных функций, разрешение дел по внутреннему убеждению совести, неколебимость законной силы судебного приговора или решения, участие в суде общественного элемента, независимость суда и судей», а готовившееся комиссией преобразование должно быть «...именно улучшением, а не ломкой, даже не реформой, которая последовала еще так недавно»³⁰.

Правительство скрывает от общества свои подлинные цели и намерения и демонстрирует лояльность в отношении уставов 1864 г.

В апреле 1894 г. в прессе появилось правительственное сообщение о создании комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Тут же последовали недоуменные вопросы. Так, газета «Неделя» писала: «Чего следует ожидать: коренной ли перемены или одного только, не идущего глубоко-

²⁹ Там же. С. 65.

³⁰ Сообщение Н.В. Муравьева по поводу общего характера работ по улучшению судебной части. Январь 1897 г. // Из прошлой деятельности. Т. 2. С. 568-569.

ко, соглашения между изданными в разное время законами... С одной стороны, почти весь текст сообщения как будто относится только к необходимости соглашения частей, откуда выводят, что задачи пересмотра преимущественно кодификационные, но с другой, не может не обратить на себя внимание выражение о необходимости устранить в уставах все то, что «не оправдано жизнью». По свидетельству той же «Недели», разъяснений относительно характера предстоящего пересмотра «стали искать ... во взглядах самого инициатора предстоящего пересмотра». Вспомнили знаменитую фразу Н.В. Муравьева, которой он открывал курс лекций в Московском университете. Это позволило предположить, что «ни одно из коренных начал уставов затронуто не будет и все сведется к соглашению разноречий, в общем духе уставов 1864 г. Однако «Московские ведомости», по свидетельству «Недели», не замедлили тут же откликнуться в том смысле, что сказанное прежде никогда не обязывает к последовательности, так как с течением времени и переменю обстоятельств мнения могут меняться»³¹.

Итак, общество недоумевало по поводу предстоящего пересмотра: либо новая судебная реформа, либо систематизация принятого в дополнение к уставам 1864 г. законодательства.

Комиссия по пересмотру судебных уставов была учреждена указом Александра III от 7 апреля 1894 г. Постоянные члены комиссии назначались царем. Первоначально в состав комиссии вошли 23 человека: товарищи министра юстиции, директора департаментов министерства юстиции, прокуроры департаментов Сената, представители заинтересованных ведомств:

³¹ Неделя. 1894. 24 апр.

министерства внутренних дел, финансов, государственной канцелярии. В ходе работы состав комиссии менялся. На протяжении всего периода работы в ее состав вошли 34 человека. Кроме того, были приглашены в разное время 62 человека, среди которых было много выдающихся ученых и практиков. Можно сказать, что Н.В. Муравьев собрал в своей комиссии весь цвет русской юриспруденции: А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий. Это придавало авторитет работе комиссии.

По словам самого Н.В. Муравьева, «в комиссии собрались и встретились носители и выразители самых различных, иногда противоположных, всегда самостоятельных взглядов и мнений по судебным вопросам»³². Такой состав предполагал «разносторонность, беспристрастие и объективность обсуждения»³³, отражал сложившиеся в обществе два направления в оценке судебной реформы 1864 г.: «одно чересчур восторженного восхваления уставов и слепого перед ними преклонения, другое, наоборот, огульного, ожесточенного и потому несправедливого их осуждения. Первое не отдавало ни пяди, ни буквы от заветных скрижалей, второе требовало чуть не их уничтожения»³⁴.

Присутствием в составе комиссии как сторонников реформы 1864 г., так и противников Н.В. Муравьев демонстрировал свое стремление к объективности.

³² Выступление Н.В. Муравьева в соединенных департаментах Государственного совета при рассмотрении новой редакции судебных уставов // РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 5.

На роли А.Ф. Кони в работе комиссии и его отношении к осуществлявшемуся пересмотру судебных уставов необходимо остановиться особо. Как следует из статей и публичных выступлений, вначале он весьма позитивно отнесся к предстоящему пересмотру. На заседании Петербургского юридического общества 10 декабря 1894 г. известный юрист говорил, что с созданием комиссии «...возвещена и организована большая, богатая по своим возможным последствиям и по влиянию на весь правовой народный быт, работа. Предпринят капитальный ремонт судебной постройки, вызванный необходимостью положить предел пестроте и разнообразию несогласованных между собою загоронок, построек и надстроек разных стилей. Он должен дать всему зданию необходимое и целесообразное единство»³⁵. Выражается надежда, что «предпринятый в настоящее время пересмотр этих уставов не может изменить и конечно не изменит в чем-либо общих начал, заложенных в фундамент»³⁶. На первых порах А.Ф. Кони с энтузиазмом включился в работу. В декабре 1894 – январе 1895 гг. он руководил совещанием прокуроров и старших председателей судебных палат, которое явило собой важный эпизод в деятельности комиссии.

В процессе работы в комиссии позиции А.Ф. Кони и министра юстиции расходились, становясь иногда по ряду вопросов прямо противоположными. Несмотря на это, известный русский юрист оставался в составе комиссии на всем протяжении ее деятельности. Первоначально А.Ф. Кони вошел в состав комиссии по должности как обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената. Н.В. Муравьеву даже по-

³⁵ Ж М Ю. № 3. Январь 1895. С. 95.

³⁶ Там же. С. 124.

требовалось высочайшее разрешение, чтобы оставить в составе комиссии А.Ф. Кони, выбывшего по должности. Сам А.Ф. Кони писал в воспоминаниях, что был включен в комиссию исключительно для того, чтобы придать авторитет ее работе, и его «удаление или выход из комиссии были в глазах общества и судебного мира равносильны громкому нравственному осуждению ее деятельности»³⁷.

Объективности ради следует заметить, что расстановка сил в комиссии отражала расстановку сил в обществе. В судебном ведомстве, вплоть до высших постов, было достаточно либерально настроенных чиновников. Избрав в конце 60-х — начале 70-х гг. своим поприщем судебную деятельность, которая открывала прогрессивно мыслящим людям гораздо больший простор для приложения сил и способностей, в 90-е гг. они уже достигли высоких должностей в своем ведомстве.

В составе комиссии первоначально были образованы четыре отдела в соответствии с системой законодательства, установленной уставами 1864 г.: местной юстиции; судостроительства; уголовного судопроизводства; гражданского судопроизводства. Для координации работы был образован пятый отдел — для предварительного рассмотрения общих принципиальных вопросов, которые могли возникнуть в ходе работ по отдельным частям законодательства о суде и требовали руководящих указаний со стороны комиссии в целом. Вскоре отдел местной юстиции был упразднен, так как пересмотр фактически не затронул существовавшее низовое звено судебной системы. Первым отделом стал пятый — отдел общих вопросов. Время от времени созывалось общее собрание комиссии.

³⁷ Кони А.Ф. Соч.: В 8 т. М., Т. 2. 1966. С. 323.

Н.В. Муравьев не жалел ни сил, ни времени членов комиссии и чиновников своего ведомства, ни государственных финансов. В декабре 1894 г. было созвано совещание старших председателей и прокуроров судебных палат. В течение 1895 г. были проведены систематические ревизии судов России по разработанному комиссией плану. Все суды были завалены статистическими и другими запросами. Пересмотру предшествовала большая подготовительная работа: ревизии судов, обобщения статистических данных, анализ литературы о судоустройстве и судопроизводстве. Действительно, спустя 30 лет после принятия уставов 1864 г., назрела необходимость обобщить практику их применения. Деятельность комиссии объективно отвечала этой потребности.

Материалы комиссии составили 42 тома, представляющие интерес для осмысления опыта применения уставов 1864 г., уяснения целей и задач комиссии, перспектив развития судебной деятельности³⁸.

В 1894 г. было возобновлено издание «Журнала министерства юстиции», что, по-видимому, не случайно совпало с началом работы комиссии. Журнал был призван «опубликовывать, полностью или по частям, те предложения, по которым не

³⁸ См.: Высоч. учр. комис. Подготовительные материалы: В 12 т. СПб., 1894-1896; Труды: В 9 т. СПб., 1895-1899; Проект новой редакции учреждения судебных установлений. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-5; Проект новой редакции устава уголовного судопроизводства. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-5; Проект новой редакции устава гражданского судопроизводства. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-6;

бесполезно вызвать гласное обсуждение в печати и поступление заявлений со стороны частных лиц», а также «раза два, три в год оповещать читающую публику о ходе работ комиссии»³⁹.

Известный юрист и общественный деятель В.Д. Кузьмин-Караваев писал по поводу создания комиссии Н.В. Муравьева: «Но для обоснования какой бы то ни было реформы, само собою разумеется, недостаточно ее *оправдать*: нужно доказать ее *необходимость* (курсив мой. — М.Н.). Нужно доказать, что она вызвана самою жизнью, несовершенством существующего, и что она именно эти несовершенства устранил. Зачем иначе ломать то, что уже существует, к чему население привыкло, зачем обременять казну новыми издержками? В отношении реформы судебного строя, созданного уставами 1864 г., это начало приложимо вдвойне»⁴⁰.

В деятельности муравьевской комиссии были элементы демократизма. Так, министр юстиции обратился в «Правительственном вестнике» с предложением к председателям и прокурорам судебных палат, а также вообще ко всем, интересующимся делом правосудия, с просьбой вносить свои замечания и предложения в комиссию⁴¹. Они подлежали рассмотрению в отделах комиссии.

Несмотря на данное министром юстиции обещание подробно освещать ход работы комиссии в печати и последовавшее с его стороны предложение ко всем желающим принять участие в

³⁹ Ж М Ю. № 4. Февраль. 1895. С. 28.

⁴⁰ Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня 1898-1903. СПб., 1904. С. 99.

⁴¹ См.: Правительственный вестник. 1895. 28 марта. № 96.

обсуждении, широкой гласности не получилось. Уже в феврале 1895 г. в «Журнале министерства юстиции» была опубликована редакционная статья «По поводу оглашения сведений о занятиях комиссии для пересмотра законоположений по судебной части», в которой, в частности, говорилось: «Со стороны некоторых органов повременной печати слышатся сетования на чрезмерную якобы сдержанность и скудость сообщаемых в печати сведений о деятельности комиссии и выражается убеждение в необходимости оглашать все, что говорится в заседаниях комиссии». Далее в статье шла речь о том, что до сведения широких масс будут доводиться только результаты заседаний общего собрания, «что же касается заседаний отделов, то оглашать в печати все происходящие в них рассуждения и прения никогда не имелось в виду»⁴². В то же время полемика происходила большей частью в отделах комиссии. К заседаниям общего собрания противоречия сглаживались. Наконец, в новой редакции судебных уставов четко и последовательно проводилась заданная правительством линия, а не мнение юридической общественности.

Результатом работы комиссии явились проекты новой редакции судебных уставов (учреждения судебных установлений, уставов уголовного и гражданского судопроизводства), содержавшие более 4,5 тыс. статей и 16 томов объяснительных записок к ним⁴³.

⁴² Ж М Ю. № 4. Февраль 1895. С. 29.

⁴³ Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Объясн. зап. к проекту... СПб., Т. 1-5; Проект ... уст. угол. суд. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-5; Проект ... уст. гражд. суд. Объясн. зап. к проекту... СПб., 1900. Т. 1-6.

Как бы министр ни преподносил готовившееся им преобразование нацеленным на совершенствование учрежденного реформой 1864 г. судебного строя, преодоление противоречий, порожденных поправками к судебным уставам, пестротой судебных порядков, можно с уверенностью сказать, что готовилась еще одна судебная реформа, в ходе которой предполагалось пересмотреть всю систему судебных органов и пронизывавшие ее принципы и институты.

Это подтверждает итоговое выступление Н.В. Муравьева по поводу завершения работы комиссии. В докладе министра юстиции Государственному совету от 16 декабря 1902 г. говорилось, что «в учреждении судебных установлений и в уставах уголовного и гражданского судопроизводства предположено множество более или менее существенных изменений, число которых доходит до 200 с лишком, если считать лишь главные и касающиеся не редакции, а самого содержания закона». Очень характерно замечание Н.В. Муравьева, что в гораздо меньшей степени пересмотр коснулся гражданского процесса, «так как в нем отсутствует всякий политический элемент», в то же время «весь уголовный процесс тщательно перебран и переработан»⁴⁴.

Приведение суда в соответствие с основами государственного строя и системой государственных учреждений, обеспечение судом существующего режима следует рассматривать как ключевое звено в осуществленном муравьевской комиссией пересмотре судебных уставов.

⁴⁴ См.: Муравьев Н.В. Последние речи. СПб., 1903. С. 101-109.

Суд, переставший быть опорой самодержавия, следовало переустроить, наполнить тем содержанием, которое бы сделало его послушным орудием в руках правительства.

Проект новой редакции устава уголовного судопроизводства, в котором, как уже было сказано, прослеживалось больше политических моментов, чем в других частях судебных уставов, перерабатывался комиссией дважды. Первый проект, составленный под руководством известного юриста, ученого и государственного деятеля, сторонника реформы 1864 г. Н.С. Таганцева, был затем переработан И.Г. Щегловитовым, придерживавшимся охранительных взглядов⁴⁵.

Таким образом, изменения в порядке судоустройства и судопроизводства могли последовать как путем принятия серии корректирующих уставы 1864 г. законодательных актов, как было в период 70-80-х гг., так и в виде их полного и систематического пересмотра - новая реформа, что и было предпринято комиссией под председательством Н.В. Муравьева.

4.2. Проекты новой редакции судебных уставов

Какова же была конструкция судебной системы, принципы и институты судоустройства и судопроизводства, предусматривавшиеся в проектах муравьевской комиссии? Как рождалась эта конструкция в ходе полемики вокруг содержания судебных уставов в отделах комиссии, в ее общем собрании? Претерпе-

⁴⁵ См.: Всеподданнейший доклад Н.В. Муравьева о закрытии комиссии // Высоч. учр. комис. Объясн. зап. учр. суд. уст. Приложение. С. 90.

ли ли принципы и институты уставов 1864 г. радикальные изменения в проектах?

Если обратиться к источникам, отражающим работу комиссии, при всем их обилии и многообразии достаточно трудно извлечь рациональное зерно, обусловившее последующее содержание проектов новой редакции судебных уставов. Так, составленные комиссией объяснительные записки полны противоречий, «которые затушевываются обыкновенным бюрократическим способом, при помощи выражений: «казалось бы, тем не менее, однако»»⁴⁶.

Проекты муравьевской комиссии в итоге видоизменили систему судебных органов, ликвидировав деление судебных органов на местные суды и общие судебные установления.

Предусматривалось создание следующих судебных инстанций.

Участковые судьи, назначаемые министром юстиции, которым были подсудны гражданские дела с суммой иска до 1000 руб.; уголовные, не влекущие наказаний, соединенных с лишением или ограничением прав состояния; кроме того, в их ведении находилось производство предварительного следствия, нотариальные обязанности, дела охранительного производства.

Уездные или городские отделения окружных судов - апелляционная инстанция по отношению к участковым судьям, связанная с окружными судами и объединяющая (в отличие от мировых съездов) местную юстицию с вышестоящими судебными инстанциями, в составе уездного или городского члена окружного суда, участковых и почетных судей. В отличие от

⁴⁶ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 225-226.

почетных мировых судей, предусмотренных уставами 1864 г., новая категория судей должна была быть не выборной, а назначаемой министром юстиции сроком на 6 лет из лиц, прослуживших не менее 3-х лет в должностях, в которых могли приобрести практические навыки в отправлении судопроизводства. Кроме того, они не могли выполнять обязанности участкового судьи в случае его отсутствия, а только пополняли присутствие уездного (городского) отделения окружного суда.

Окружные суды, которым были подсудны дела, выходящие за пределы подсудности участковых судей. По сравнению с мировыми судьями, предусмотренными уставами 1864 г., подсудность участковых судей увеличивалась (например, по гражданским делам с 500 до 1000 руб., что вполне отвечало потребностям жизни и развитию экономических отношений), соответственно окружные суды должны были «разгрузиться» от большого числа подлежащих их рассмотрению дел.

Судебные палаты, компетенция которых существенно изменялась по сравнению с уставами 1864 г. - они должны были стать апелляционной инстанцией по гражданским делам, подсудным окружному суду, и кассационной инстанцией по делам, подсудным участковым судьям.

Судебные департаменты Правительствующего Сената, которые предполагалось оставить как высшую судебную инстанцию империи. Однако они уже не были единственной кассационной инстанцией, поскольку судебные палаты также приобретали кассационные функции⁴⁷.

⁴⁷ См.: Объясн. зап. учр. суд. уст. Т. 1. С. 59-60; Проект ... учр. суд. уст. Ст.ст. 39, 259, 260, 270.

«В начале работ комиссии многие из ее членов - в том числе и я - полагали, что восстановление начала отделения властей судебной и административной составит одну из важнейших задач комиссии, и что труды ее будут иметь последствием всеми давно ожидаемое упразднение функций земских начальников и возвращение судебным установлениям исключительного права ведать судебные дела»⁴⁸, - отмечал в особом мнении по вопросу об устройстве местной юстиции входивший в состав комиссии сенатор В.А. Желеховский. Таковы были и предположения общества, если вспомнить, как освещалось в печати создание комиссии. «К сожалению, - продолжал В.А. Желеховский, - указанные выше ожидания не сбылись, вопрос об упразднении судебной власти земских начальников не был предложен на обсуждение комиссии и последней, чтобы приискать какое-либо занятие для участковых судей, пришлось отнести к их ведению значительную часть дел, ныне подсудных окружному суду. Этим путем достигнуто, конечно, приближение суда к народу, но означенное преимущество добыто ценою изъятия целых категорий дел из компетенции суда коллегиального и высшего и передачи таковых в ведение судей единоличных и низших»⁴⁹. По его же меткому замечанию, только путем «приискания» занятий можно создать институт участковых судей, если не затронуть институт земских начальников.

⁴⁸ Реферат, прочитанный в административном отделении Санкт-Петербургского юридического общества 22 января 1901 г. // Право. 1901. № 6, 7.

⁴⁹ Объясн. зап. ... учр. суд. уст. Т. 2. Приложение 4.

Противоположный взгляд на проблему большинства комиссии мотивировался кратко: «Принимая во внимание, что компетенция участкового судьи, которому предоставлено разрешение исковых гражданских дел ценою до 1000 руб., охранительное судопроизводство в возможно широких пределах и разрешение большей части дел о преступных деяниях, не влекущих наказаний, соединенных с лишением или ограничением прав, весьма значительно превышает судебную власть земских начальников и что, сверх того, на участковых судей имеется в виду возложить, в общем порядке, производство предварительных следствий и отдельных следственных действий, - т.е. такие обязанности, которые к ведению земских начальников совершенно не относятся, - комиссия пришла к заключению, что существование во внутренней части Империи института земских начальников не может служить препятствием для учреждения в этих местностях проектированной комиссией должности участкового судьи»⁵⁰.

По предварительным подсчетам комиссии в ведение участковых судей должно было перейти более половины уголовных и гражданских дел, подсудных по уставам 1864 г. окружным судам.

Сохранение института земских участковых начальников, учрежденного Положением и Правилами 12 июля 1889 г., мотивировалось в материалах комиссии еще и тем, что судебно-административные установления относятся к ведомству министерства внутренних дел, а не юстиции⁵¹.

⁵⁰ Там же. Приложение 2. С. 15.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 9.

Компетенция единоличного участкового судьи означала увеличение суммы иска для подсудных местной юстиции дел с 500 до 1000 руб., что объяснялось развитием гражданского оборота (если на момент введения судебных уставов 1864 г. дело на сумму свыше 500 руб. действительно представляло крупный имущественный интерес, то к концу XX в. ситуация сильно изменилась). Соединение в одной должности полномочий судьи и следователя, которым предопределены в процессе совершенно различные функции, отнюдь не могло способствовать совершенствованию судопроизводства. Сочетание этих функций в одном лице можно было бы допустить в виде исключения на окраинах. Но было бы более чем странным распространить должность судьи-следователя на всю Россию.

Надо сказать, что учреждение судейской должности с обширной компетенцией не было чем-то принципиально новым. На окраинах России, где судебная реформа проводилась со значительными отступлениями и искажениями (Закавказье, Архангельская губерния, Сибирь, Туркестан), на мировых судей, помимо судейских обязанностей, уже возлагалось производство следственных действий, нотариальные обязанности и были значительно расширены пределы мировой подсудности.

Обязательное производство предварительного следствия было установлено лишь по делам о преступлениях, влекущих за собой лишение всех прав состояния⁵². По всем же другим делам достаточно было производства дознания, которое возлагалось на полицию, вплоть до низших ее чинов - околоточных надзирателей и урядников⁵³. Даже по таким составам пре-

⁵² Высоч. учр. комис. Проект ... уст. угол. суд. Ст. 145.

⁵³ Там же. Ст. 103.

ступлений, где предварительное следствие считалось обязательным, судье предоставлялось право составить постановление о том, что полицейское дознание вполне удовлетворительно и не требует проверки⁵⁴. Надо полагать, что введение такого порядка отнюдь не усовершенствовало бы производства следствия, и без того оставлявшего желать лучшего, а способствовало бы росту произвола со стороны полиции.

«Ограничение подследственности, с соответствующим ему расширением значения и области дознания, по условиям организации нашей общей полиции и по личному составу ее низших агентов, настолько у нас недопустимо, - писал В.Д. Кузьмин-Караваев, - что если бы все прочие соображения бесспорно говорили в пользу упразднения особой должности судебного следователя, реформа все-таки должна была бы быть отвергнутою»⁵⁵.

На первый взгляд (и комиссия упорно обосновывала эту позицию) создавался единый строй судебных органов без существовавшего по уставам 1864 г. деления на местные суды и общие судебные установления. В действительности же это объединение судов было чисто внешним. Параллелизм в работе судов в проекте сохранялся: с одной стороны, окружной суд - судебная палата и Сенат, с другой - участковый судья - уездное (городское) отделение суда - судебная палата. Связующими звеньями, по мысли составителей проекта, были уездное отделение окружного суда и судебная палата. Уездное отделение окружного суда было бы таковым только по названию, на практике оно стало бы уездным съездом участко-

⁵⁴ Там же. Ст.ст. 146 п. 1, 155, 199.

⁵⁵ См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Указ. соч. С. 109.

вых судей - не постоянно функционировавший орган, как окружной суд, в состав которого оно входило, судя по вывеске, а периодически собирающееся присутствие, состоящее из единоличных судей, рассматривавших дела в первой инстанции.

Судебная палата должна была стать кассационной инстанцией по делам, рассмотренным участковыми судьями и уездным (городским) отделением окружного суда. С передачей такого рода полномочий судебной палате Сенат перестает быть единственной в империи кассационной инстанцией, а следовательно, утрачивается единство в толковании и применении закона всеми судами. Таким образом, привносимое проектом единство судебного строя было весьма условным.

Несменяемость судей была ограничена законом от 20 мая 1885 г. «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», о чем шла речь выше. Проекты муравьевской комиссии на пути упрочения «правительственного значения суда» используют предусмотренные законом от 20 мая 1885 г. позиции. Тем не менее комиссия идет дальше по пути ограничения судейской несменяемости.

Согласно разработанным комиссией проектам, судья мог быть уволен за упущения по службе, свидетельствовавшие «о явном с его стороны пренебрежении к своим обязанностям», а также за «противные нравственности и предосудительные поступки», совершенные вне службы. Вопрос об увольнении судьи решался по предложению министра юстиции в отношении председателей, товарищей председателей и членов судебных мест - Соединенным присутствием первого и судебных депар-

таментов Правительствующего Сената с последующим высочайшим утверждением; в отношении участковых и почетных судей - Особым присутствием консультации при министерстве юстиции с последующим утверждением министром⁵⁶.

Таким образом, проект предусматривал те же основания для увольнения судьи, что и закон 20 мая 1885 г. «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», причем пространные формулировки в обоих документах давали возможность для расширительного толкования.

Вопрос об увольнении председателей, товарищей председателей и членов судебных мест предполагалось передать в Соединенное присутствие первого и судебных департаментов Правительствующего Сената, которое вряд ли можно рассматривать как орган судейского сообщества (первый департамент Сената был административным органом). Принятое этим органом решение должно было представляться на высочайшее утверждение.

В отличие от учрежденного по закону 1885 г. Высшего дисциплинарного присутствия Сената вновь проектируемый орган не имел конкретного и ограниченного состава из числа сенаторов. Это могло сделать его менее «послушным», нежели существующее присутствие. Право представлять дела о дисциплинарных проступках судей в обоих случаях получил министр юстиции - лицо административное.

В отношении участковых судей вопрос вообще предполагалось передать на рассмотрение Особого присутствия консуль-

⁵⁶ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Ст.ст. 303, 305.

тации, утвержденной при министерстве юстиции, в состав которого вошли бы: министр юстиции или его товарищ, директор второго департамента министерства юстиции, обер-прокуроры судебных департаментов и соединенного присутствия Сената и четыре члена, ежегодно назначаемые министром юстиции⁵⁷. В состав Особого присутствия консультации при министерстве юстиции предлагалось включить лиц, занимавших административные должности. Получалось, что согласно проектам Муравьевской комиссии, судьи в низовом звене судебной системы не были наделены несменяемостью, поскольку принцип несменяемости состоит в том, что судья может быть уволен за упущения по службе, равно как и за противные нравственности и предосудительные проступки вне службы только по решению коллегии себе подобных - органом судейского сообщества.

Подобным же образом решался вопрос о гласности судопроизводства. Формулировки проектов новой редакции судебных уставов, разработанные комиссией Н.В. Муравьева, воспроизводят позиции закона от 12 февраля 1887 г. Согласно проекту двери судебного заседания могли закрываться для публики по распоряжению министра юстиции или по определению суда «в видах ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка или обеспечения правильного хода судебных действий»⁵⁸. Различие между проектом комиссии 1894 г. и ранее принятым законом состоит в

⁵⁷ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Ст.ст. 303, 305.

⁵⁸ Высоч. учр. комис. Проект ... уст. угол. суд. Ст.ст. 582-585.

следующем: согласно проекту председательствующий при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании мог оставить в зале, кроме очередных присяжных заседателей, лиц судебного ведомства, «присяжных поверенных, а также других лиц по особо уважительным на то причинам»⁵⁹. Право председательствующего в этом отношении было расширено.

Суд присяжных оказался в центре дискуссии, развернувшейся в комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Известный исследователь судебной реформы Г. Джаншиев писал: «В работах комиссии по пересмотру судебного законодательства в начале нынешнего (1895) года имел место эпизод особого оживления, обративший на себя общественное внимание. При министерстве юстиции устроено было совещание высших представителей судебных округов — старших прокуроров и председателей судебных палат, — для уяснения взглядов судебных практиков по важнейшим вопросам судоустройства и судопроизводства, и в том числе по кардинальному вопросу о суде присяжных. Этот вопрос обсуждала секция совещания под руководством А.Ф. Кони. Опытные практики, собравшиеся с разных концов России, почти единогласно (18 против 2) выступили решительными защитниками суда общественной совести»⁶⁰.

Вопрос о том, следует ли сохранять в России суд присяжных, поднимался в заседаниях общего собрания комиссии 22 и 23 ноября 1896 г. Из 27 присутствующих (21 член комиссии, председатель и пятеро приглашенных) четверо высказались за ликвидацию суда присяжных: сенатор

⁵⁹ Там же. Ст. 587.

⁶⁰ Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. М., 1896. С. 3-4.

В.А. Желеховский, обер-прокурор Общего собрания кассационных департаментов Н.Н. Шрейбер и приглашенные на заседания прокурор Петербургской судебной палаты В.Ф. Дейтрих и товарищ прокурора той же палаты А.Е. Кичин⁶¹.

Дискуссия по проблеме суда присяжных в отделах и общем собрании комиссии по пересмотру судебных уставов развивалась следующим образом. За изменение формы участия представителей общества в суде выступили И.П. Закревский, входивший в отдел местных судебных установлений в составе комиссии, по меткому замечанию А.Ф. Кони, «не имевший лично никакого дела с судом присяжных»⁶² и В.Ф. Дейтрих, являвшийся прокурором Петербургской судебной палаты (он явно выражал в комиссии мнение Н.В. Муравьева).

В.Ф. Дейтрих, к примеру, считал, что в ходе реформы 1864 г. «...вместо суда правительственного с участием народных представителей мы получили суд народный с участием правительственных судей. Судьи народные - присяжные заседатели (...) заняли доминирующее положение в суде»⁶³. По его словам, «смешением двух в настоящее время противопоставленных друг другу судебных коллегий - суда коронного и суда присяжных - в одном общем присутствии на началах равноправности, мы возвысим значение суда коронного, как учреждения правительственного, и получим вместо ныне действующего суда присяжных с участием суда правительственного -

⁶¹ См.: Высоч. учр. комис. Труды. Т. 9. Журнал № 5. С. 17-20.

⁶² Ж М Ю. 1895. № 4 . С. 50.

⁶³ Там же. 1895. № 6. С. 18.

суд правительственный с участием представителей общества»⁶⁴.

В.Ф. Дейтрих отмечал такие недостатки суда присяжных, как: 1) неспособность справиться со следственным материалом в сложных и запутанных процессах, сгруппировать улики, систематизировать доказательства; 2) вступление в дела без всякой предварительной подготовки и знакомство с существом обвинения лишь из чтения часто дурно составленного и почти всегда дурно прочитанного обвинительного акта; 3) вынесение вердикта без надлежащего обсуждения представленных в суде доказательств, по одному лишь общему впечатлению, которое зависит от случайных обстоятельств (от симпатичности или несимпатичности подсудимого, от приемов обвинения или защиты), чем подчас можно объяснить вынесение присяжными при полной доказанности обвинения совершенно неожиданных для коронных судей оправдательных приговоров; 4) чисто теоретическое предположение о возможности разделения судей на «судей факта» (присяжных заседателей) и «судей права» (коронных судей), которое не выдерживает испытания практикой; 5) изменчивость решений присяжных, осуждающих сегодня одного и оправдывающих завтра при тех же условиях другого⁶⁵.

По мнению И.П. Закревского, деятельность суда присяжных обставлена многими формальностями, процессуальными сложностями (например, в виде постановки вопросов), что требует постоянного руководства этим судом со стороны председательствующего. Поэтому, полагал он, нельзя при-

⁶⁴ Там же. С. 19.

⁶⁵ См.: Ж М Ю. 1895. № 6. С. 3-15.

знать удовлетворительным тот суд, который постоянно нужно «водить на помочах»⁶⁶. В качестве довода приводилось, в частности, и то, что суд присяжных будто бы постепенно терял на Западе почву под ногами, утрачивала значение лежащая в его основе теория разделения вопросов на фактические и правовые.

В.А. Желеховский в своем выступлении отметил «несоответствие суда присяжных как учреждения, имеющего преимущественно политический характер и являющегося проявлением начала народности, — основным законам Самодержавной монархии»⁶⁷.

Н.В. Муравьев в докладе царю ставил вопрос о том, следует ли вообще сохранять суд присяжных в России, поскольку он не соответствует началу «правительственного значения суда». На заседаниях комиссии он, как и большинство членов комиссии, высказался решительным образом против самой возможности постановки вопроса о суде присяжных как учреждении политическом.

В дискуссию о суде присяжных включилась печать. Так, с критикой суда присяжных, даже, скорее, с критикой защитников суда присяжных, выступили «Санкт-Петербургские ведомости». Газета, за которой, есть основания полагать, стоял ни кто иной как министр юстиции, проводила мысль о том, что защитники суда присяжных в России отстаивали его только как институт политический, предназначенный для охране-

⁶⁶ Там же. № 4. С. 50.

⁶⁷ Высоч. учр. комис. Труды. Т. 9. Журнал № 5. С. 18.

ния свободы граждан против власти и против «царева суда», призванного осуществлять правосудие по закону⁶⁸.

В ответ В.Д. Спасович возражал на страницах «Журнала министерства юстиции»: «Если еще можно было говорить о политическом значении у нас суда присяжных раньше, то теперь, после издания закона 9 июля 1889 г., ограничившего юрисдикцию этого института областью тех дел, которые не имеют никакого касательства к политическим интересам момента, это оказывается невозможно»⁶⁹.

Если В.А. Желеховский выступал за ликвидацию суда присяжных, то В.Ф. Дейтрих, И.П. Закревский, а также и «Санкт-Петербургские ведомости» ограничивались пожеланием соединения двух коллегий – коронных судей и присяжных заседателей – в одну.

В итоге, наряду с *присяжными заседателями общего состава* – ими именовалось то учреждение, которое уже имелось в России – в проектах предполагалось создание *суда присяжных особого состава*. Списки присяжных заседателей особого состава должны были составляться на основе общих списков присяжных заседателей. В них подлежали отбору лица, отвечавшие условиям повышенного имущественного, образовательного и служебного ценза: окончившие высшие и средние учебные заведения, 6 классов гимназии или реального училища, 2-й класс духовной семинарии или занимавшие должности предводителей дворянства, председателей и членов губернских и уездных земских управ, городских голов, их товарищей и членов городских управ, если они при этом владели

⁶⁸ См.: Санкт-Петербургские ведомости за 1895 г.

⁶⁹ Ж М Ю. 1896. № 3. С. 186-187.

землей в размере не менее 200 десятин, другим недвижимым имуществом на сумму не менее 10 тыс. руб., а в столицах - 20 тыс. руб., получали жалование или доход от капитала не менее 1 тыс., а в столицах - 2 тыс. руб. Списки присяжных заседателей особого состава составлялись на основе списков присяжных заседателей общего состава.

Следует заметить, что проект предусматривал внесение в списки присяжных заседателей лиц, занимавших на государственной службе должности IV класса, кроме директоров департаментов и соответствующих им начальников центральных установлений министерств и главных управлений, губернаторов, градоначальников, ректоров университетов (в уставах 1864 г. речь шла о должностях V класса и ниже), офицеров, штатных чинов канцелярий судебных мест, всех лиц сельского состояния, окончивших курс городских и 2-классных уездных училищ или сельскохозяйственных и ремесленных школ. В то же время не подлежали внесению в списки присяжных заседателей канцелярские служащие и чиновники, вольнонаемные писцы в правительственных и общественных учреждениях, лица, исключенные из числа присяжных поверенных и их помощников. В этой части проект продолжает взятый ранее правительством курс на привлечение в состав присяжных заседателей слоев населения, служивших опорой самодержавия - верхов чиновничества, офицерства, зажиточного крестьянства, и на ограничение доступа в их состав разночинной интеллигенции, среди которой было много лиц, нелояльно относившихся к режиму.

В ведение присяжных заседателей особого состава предполагалось передать дела о преступлениях против порядка

управления, должностных преступлений, преступлениях против имущества и доходов казны и некоторые другие, главным образом носившие политический оттенок. Это составы, которые ранее, законом от 7 июля 1889 г., были изъяты из ведения суда с участием присяжных заседателей и переданы на рассмотрение судебных палат с участием сословных представителей.

Присяжных заседателей особого состава предполагалось объединить в одну коллегию с коронными судьями для решения вопросов как вины или невиновности подсудимого, так и постановления приговора⁷⁰.

Как оценить эту, по сути дела, новую форму судопроизводства, предложенную комиссией? Учреждение суда присяжных особого состава, отвечавшего условиям повышенного ценза, привело бы к ослаблению суда присяжных общего состава. Объединение судей от общества в одну коллегию с профессиональными судьями, когда первые лишались самостоятельности в вынесении решения по делу и невольно подпадали под влияние знаний, авторитета, опыта последних, противоречило самой сущности этого института. Коренным отличием суда присяжных служит наличие коллегии судей от общества, самостоятельно и независимо выносящих вердикт о виновности или невиновности подсудимого на основе обыденного правосознания, собственного понимания жизненной правды и справедливости, и коллегии профессиональных судей (или единоличного судьи), на основе вердикта присяжных применяющих закон, выносящих приговор, определяющих меру наказания. В то же

⁷⁰ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Ст. 90.; Проект ... уст. угол. суд. Ст.ст. 32, 779.

время к компетенции суда присяжных особого состава отошли бы дела о преступлениях, ранее изъятые из ведения присяжных заседателей и переданные в ведение судебных палат с участием сословных представителей.

Проектирование суда присяжных особого состава вряд ли можно было считать оправданным еще и потому, что при рассмотрении дел о государственных преступлениях проекты новой редакции судебных уставов сохраняли институт сословных представителей в составе судебной палаты. Если оставался сложившийся особый порядок рассмотрения дел о политических преступлениях, то зачем конструировать еще одно учреждение для суждения близких к этим преступлениям составов?

Таким образом, суд присяжных особого состава был лишен тех основ, которые определяли сущность института присяжных заседателей и в случае положительного решения вопроса о его введении стал бы лишним нагромождением в судебной системе России, ослабив при этом уже сложившуюся, пусть и не лишенную недостатков, форму судопроизводства с участием общественного элемента.

Большое внимание в работе комиссии было уделено устройству адвокатуры в России. Заседания комиссии, посвященные этой проблеме, шли с 18 по 20 января 1897 г. Было много приглашенных: старший председатель Харьковской судебной палаты В.М. Красовский (в 1890 г. он возглавил Совещание, разработавшее проект устройства адвокатуры, который, будучи внесенным в Государственный совет в 1893 г., так и не был рассмотрен в связи с учреждением вскоре комиссии Н.В. Муравьева); председатели трех советов присяжных поверенных, которые успели открыться в соответствии с уставами

1864 г. до того, как в 1875 г. их учреждение было приостановлено; известные русские адвокаты В.Н. Герард, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович.

Проект предусматривал «повсеместное открытие советов присяжных поверенных» при судебных палатах. Советы должны были создаваться всюду, где число присяжных поверенных достигало определенной законодателем нормы — шестьдесят человек. Советы предполагалось организовать лишь в тех городах, где находились судебные палаты. В остальных городах (при окружных судах) советом могли учреждаться отделения с теми правами, которые совет им предоставит. Практика показала несостоятельность закона 5 декабря 1875 г., которым было приостановлено дальнейшее открытие советов присяжных поверенных. Однако, провозглашая корпоративное устройство адвокатуры и адвокатское самоуправление, проект предусматривал прокурорский надзор за деятельностью присяжных поверенных (прокуратуре, например, предоставлялось право приносить протесты на постановления советов о принятии в состав присяжных поверенных), а также ответственность адвокатов и их корпораций перед судебной властью (жалобы и протесты на постановления советов присяжных поверенных должны были вноситься в дисциплинарные присутствия судебных палат)⁷¹. Такого рода меры, по-видимому, также следует рассматривать как проявление принципа «правительственного значения суда».

Вроде бы вводилось единственно правильное для адвокатуры устройство в виде самоуправляющейся корпорации. Но,

⁷¹ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Ст.ст. 417, 441.

по мысли комиссии, между адвокатской корпорацией и судом должно было установиться единение. Адвокаты должны были действовать под непосредственным контролем суда, нести определенную законом ответственность перед ним. Самоуправление предусматривалось лишь в вопросах внутреннего распорядка. Реально администрация получала еще больше возможностей для контроля за адвокатурой.

Некоторые разногласия в комиссии возникли по вопросу о том, должны ли советы присяжных поверенных быть подконтрольны общим собраниям судебных палат или их дисциплинарным присутствиям. Большинство членов комиссии высказалось за последнее предложение⁷².

Позиция Н.В. Муравьева, согласно которой лица, состоявшие под гласным полицейским надзором, не могли быть присяжными поверенными, не получила поддержки в комиссии⁷³. Это подтверждает ту оппозиционную роль, которую играла адвокатура по отношению к существующему режиму.

Проекты сохраняли институт частных поверенных. В.Д. Спасович даже предложил ввести корпоративную организацию в среде частных поверенных — чтобы частные поверенные округа каждого окружного суда объединялись в особую корпорацию, имевшую в качестве органа самоуправления свой совет. Однако это предложение поддержки не получило. Деятельность частных поверенных рассматривалась как промысел, а не как исполнение общественного долга. Профессиональный и нравственный уровень частных поверенных не гарантировал

⁷² См.: Высоч. учр. комис. Труды. Т. 9. № 6. С. 25.

⁷³ Там же. С. 14.

того, что, объединившись в корпорации, они не принесут вреда присяжной адвокатуре и правосудию в целом⁷⁴.

Комиссия справедливо признала, что создание наряду с присяжной адвокатурой частной, не несущей никаких обязанностей, а имеющей те же права, равносильно отрицанию корпоративной адвокатуры. В связи с этим она предложила определить в самом законе, какое число присяжных поверенных можно считать достаточным для признания комплекта, а именно: число, вдвое превышающее число членов судов и палат данного округа; в Петербурге сверх того еще 100, а в Москве - 50 лиц. При появлении в округе такого минимального числа присяжных поверенных выдача свидетельств на звание частных поверенных должна быть прекращена,⁷⁵ и они могли участвовать в разбирательстве лишь у единоличных судей.

Обсуждался вопрос о предоставлении звания частных поверенных женщинам. Большинство (за исключением А.Л. Боровиковского и В.Д. Спасовича) было за законодательное закрепление запрещения женщинам заниматься деятельностью частных поверенных (о привлечении женщин в присяжную адвокатуру вообще не шло речи, хотя на Западе на рубеже XIX-XX вв. это было довольно распространенное явление). При обсуждении этой меры в отделе судоустройства большинство заняло менее консервативную позицию. Предлагалось вообще этот запрет не оговаривать, т.е. в отдельных случаях женщины в принципе могли бы выступать в суде в роли

⁷⁴ Там же. С. 38-39.

⁷⁵ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... учр. суд. уст. Ст.ст. 474-476.

принципе могли бы выступать в суде в роли частных поверенных⁷⁶.

Проекты предусматривали ограничения для принятия в адвокатуру лиц нехристианского вероисповедания. Речь шла прежде всего о евреях. Проекты предполагали несколько смягчить существовавшее положение – по закону 1889 г. принятие в адвокатуру нехристиан зависело всякий раз от усмотрения министра юстиции. Проекты же предусматривали, что число их не должно было превышать 10% от общего числа присяжных поверенных, проживающих в округе окружного суда⁷⁷. Ф.Н. Плевако представил особое мнение по данному вопросу⁷⁸, где предлагалось увеличить этот процент до 20.

Проекты детально разработали порядок оплаты адвокатской деятельности, что также свидетельствовало об усилении контроля за адвокатурой.

Проекты предусматривали *сокращенный порядок судебного разбирательства* в двух формах: а) путем судебных приказов; б) в порядке неотложности.

Порядок разрешения дел путем судебных приказов, предусматривавшийся в проекте, предоставлял участковому судье право, не обращая дела к судебному разбирательству, назначить обвиняемому наказание в виде ареста на срок до трех месяцев, штрафа – до 300 руб. Копия судебного приказа подлежала немедленному направлению должностным лицам и присутственным местам, возбудившим дело. Им, а также осужденному предоставлялось право в течение двух недель ходатай-

⁷⁶ См.: Высоч. учр. комис. Труды. Т. 9. № 6. С. 42.

⁷⁷ Там же. Приложение 1. Ст. 4.

⁷⁸ Там же. Приложение 7.

ствовать о судебном разбирательстве. Если ходатайства в установленные сроки не заявлялись, то судебный приказ получал значение вступившего в законную силу приговора⁷⁹.

Сокращенный порядок производства предусматривался для случаев, когда обвиняемые задерживались при совершении преступления или сразу же после него. Полиции надлежало составить сообщение о сущности преступления, обвиняемый должен быть доставлен к участковому судье не позднее 24-х часов с момента задержания. При рассмотрении дел в порядке неотложности предусматривалось участие свидетелей. Однако свидетели обвинения и защиты были в неравном положении. Если свидетели обвинения должны были доставляться к участковому судье полицией под угрозой ответственности за неявку, то свидетели со стороны обвиняемого, если не являлись сами, подлежали вызову судьей лишь «в случае надобности».

Судебное разбирательство состояло в допросе обвиняемого и явившихся свидетелей. Если судья найдет дело достаточно выясненным, то должен был разрешить его по существу, в противном случае, отложить разбирательство и дать делу направление в общем порядке. Если обвиняемый объявит о своем согласии подчиниться обвинительному приговору и присутствовавший на суде обвинитель откажется от его обжалования, приговор должен был вступать в законную силу и немедленно обращаться к исполнению⁸⁰.

⁷⁹ Высоч. учр. комис. Проект ... уст. угол. суд. Ст.ст. 1161-1166.

⁸⁰ Там же. Ст. 1168¹ и далее.

Сокращенный порядок судопроизводства в принципе является весьма эффективной мерой, но в то же время не «оставленной» достаточными гарантиями прав личности.

Итак, подготовленные комиссией под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева проекты новой редакции судебных уставов изменяли всю систему судебных органов. При этом принципы и институты судостроительства и судопроизводства не развивались в поступательном направлении, не продвигались по сравнению с тем состоянием, в котором находились на момент начала деятельности комиссии. Скорее, это был поворот вспять - откат.

Нельзя не отметить, что комиссия устраняла ту пестроту судебных порядков, которая образовалась как ввиду внесения в уставы 1864 г. изменений и поправок в последующем законодательстве, так и вследствие отступлений от первоначального варианта по мере продвижения судебной реформы к окраинам России. Однако в работе комиссии и в тексте проектов ощущалась некая изначальная заданность. Побеждала не та позиция, которая получала поддержку большинства комиссии, а та, что диктовалась «сверху». Например, стремление во что бы то ни стало сохранить институт земских участковых начальников, которое никак нельзя соотносить с намерением упорядочить судебный строй. Или принцип «правительственного значения суда», через призму которого воспринималась вся концепция предлагавшегося комиссией порядка судостроительства и судопроизводства в России. Показательны такие моменты, когда комиссии просто некуда было дальше идти по пути свертывания демократических принципов и институтов уставов 1864 г. Законодательство 70-80-х гг. ограничило

эти принципы и институты настолько, насколько это было возможно, не отменяя их вовсе. Так было с принципами не-сменяемости судей и гласности судопроизводства. Проекты зачастую попросту воспроизводят позиции соответствующих законодательных актов периода 80-х гг.

Можно отметить, безусловно, и позитивные моменты в проектах, которые усовершенствовали сложившуюся судебную процедуру. Например, была сделана попытка допустить участие адвоката на предварительном следствии⁸¹; проектировалось отменить запрещение сторонам и председательствующему по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, касаться вопроса о наказании, ожидающем подсудимого в случае его осуждения (что часто вводило присяжных в заблуждение, поскольку они, ожидая сурового наказания подсудимому в случае признания его виновным, предпочитали его вообще оправдать)⁸²; прокурору предполагалось предоставить право вносить протесты не только в интересах обвинения, но и защиты⁸³.

Несмотря на такого рода новеллы, предлагавшиеся проектами новой редакции судебных уставов, общую их (проектов) направленность нельзя считать позитивной для развития судоустройства и судопроизводства в России. Положительные моменты, вызванные действительными потребностями практики, терялись и меркли на фоне общего поворота политики прави-

⁸¹ См.: Высоч. учр. комис. Проект ... уст. угол. суд. Ст.ст. 498, 504, 507.

⁸² См.: Высоч. учр. комис. Проект... уст. угол. суд. Ст. 720.

⁸³ Там же. Ст. 869.

тельства «вспять», предполагавшегося проектами новой редакции судебных уставов.

В конце 1899 г. разработанные комиссией проекты новой редакции судебных уставов были разосланы в заинтересованные министерства и ведомства. Министерства, которых данное преобразование касалось больше всего (не считая министерства юстиции, от которого и исходила инициатива создания новых судебных уставов, в чьих недрах проекты и были разработаны) - министерство внутренних дел и финансов - дали отрицательные отзывы.

Министр внутренних дел Д.С. Сипягин в своем отзыве возражал против учреждения должностей участковых судей с необъятными полномочиями и передачи полномочий судебных следователей в руки этих судей и полиции. Проекты не только не упрощали судебную систему, считал он, но делали ее еще более сложной и запутанной⁸⁴.

Министр финансов и будущий российский премьер-министр С.Ю. Витте подвергал критике основные положения проектов, считая, что ни к чему в данном случае тратить миллионы на новое судебное преобразование, облагая при этом народ новыми налогами и экономя на неотложных государственных нуждах. «Конечно, - писал он, - всегда заманчивой представляется постройка нового более совершенного здания, но если такая постройка не по средствам строителя, то благоразумие заставляет от нее отказаться и ограничиться некоторым ремонтом старого, далеко еще не ветхого здания судебных ус-

⁸⁴ См.: Высоч. учр. комис. Свод отзывов ведомств по выработанным комиссией законопроектам. СПб., 1901. С. 767-888.

тавов 1864 г., тем более, что устои последнего все еще тверды и великую службу сослужили они русскому правосудию»⁸⁵.

Отрицательные отзывы заинтересованных министерств Н.В. Муравьевым были проигнорированы. В начале 1900 г. проекты были опубликованы для всеобщего ознакомления. Прошло еще более полутора лет, прежде чем в декабре 1901 г. проекты были внесены на рассмотрение Государственного совета. Еще через год, в декабре 1902 г., Соединенные департаменты приступили к рассмотрению проектов. Заседания проходили 16 декабря 1902 г., 3, 10, 14 марта и затем - 23 декабря 1903 г. На даты следует обратить внимание потому, что они иллюстрируют отсутствие в высших государственных сферах заинтересованности в результатах работы комиссии. Год проекты лежали без движения в Государственном совете. Заседания Соединенных департаментов проходили после больших перерывов.

Обсуждение проектов в Соединенных департаментах было начато с устройства местной юстиции - этого, по словам Н.В. Муравьева, «фундамента всего здания правосудия», подвергнутого комиссией коренной ломке, «фундамента уже потому, что из хода местных судебных дел ежедневно складывается живое, непрерывное воздействие закона и правды на жизнь народа»⁸⁶.

Основные положения проектов, касающиеся местной юстиции, сразу же были поставлены под сомнение в Государственном совете, о чем свидетельствуют журналы Соединенных де-

⁸⁵ Там же. С. 475-749.

⁸⁶ Муравьев Н.В. Последние речи. С. 101.

партаментов⁸⁷, а также печатная записка «Основные вопросы, вытекающие из суждений, происходивших в заседаниях соединенных департаментов...»:

1) »Следует ли взамен мировых и городских судей, а равно уездных членов окружных судов, в целях, преследуемых министерством юстиции, приближения суда к населению и единообразия местной участковой юстиции, - учредить в качестве первой инстанции должность участкового судьи, с возвышением его компетенции сравнительно с пределами ведомства мировых судей по уставам 1864 г. и уездных членов окружных судов по закону 1889 г.?»

2) «Не замечается ли неудобств в принятых проектом основаниях для разграничения компетенции участковых судей от предмета ведомства земских начальников и не следует ли установить другие основания для разграничения этих юрисдикций?»

3) «Следует ли упразднить судебных, по уставам 1864 г., следователей и обязанности их по общему правилу возложить на участковых судей?»

4) «Обеспечивает ли предположенный порядок назначения участковых судей и устанавливаемые проектом условия для замещения сих должностей надлежащий состав этих судебных чинов для разрешения вверяемых им уголовных и гражданских дел?»

⁸⁷ См.: РГИА. Ф. 1587. Особое совещание для подробного обсуждения законоположений по судебной части. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-35.

6) «Следует ли отменить выборное начало замещения мировых судей», сохранявшееся в столицах и еще нескольких крупных городах?

7) «Следует ли учредить, в качестве апелляционных инстанций, уездные и городские отделения окружных судов или производства апелляционные по делам участковой юстиции подчинить непосредственно окружным судам?»⁸⁸

Проектируемая комиссией должность участкового судьи с обширной компетенцией вызвала серьезные возражения в Государственном совете. Как, впрочем, и сохранение института земских участковых начальников, несостоятельность которого была совершенно очевидна. Возникал недоуменный вопрос, почему предпринятый комиссией полный и систематический пересмотр судебных уставов не коснулся этого института. Все прекрасно понимали, что если этот институт не будет пересмотрен сейчас, то в недалеком будущем понадобится еще одно переустройство судебной системы, теперь уже связанное с отменой закона от 12 июля 1889 г.

Н.В. Муравьев не мог не осознавать, что данный закон вносит хаос и неразбериху в судебный строй. Почему же пересмотр его не коснулся? По этому поводу С.Ю. Витте очень точно подметил, что министр юстиции «хотел до известной степени угодить направлению, если так можно выразиться, «дворянскому», которому сочувствовал император и которое выразилось в институте земских начальников, по мысли, институт этот должен быть чисто дворянским, а в действительности он сделался институтом, который заняли такие же чи-

⁸⁸ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.

новники, как и все остальные, только, пожалуй, во многих случаях более низкого качества»⁸⁹.

Начав рассмотрение проектов с устройства местной юстиции, Соединенные департаменты так и не продвинулись дальше.

9 июня 1904 г. высочайшим повелением было создано Особое совещание в составе Государственного совета для подробного обсуждения законопроектов о преобразовании судебной части под председательством И.Л. Горемыкина.

И.Л. Горемыкин занимал должности товарища министра юстиции при Н.А. Манасеине, затем, перейдя на службу в министерство внутренних дел, занял должность товарища министра, а с 1895 по 1899 гг. - министра внутренних дел. Причиной отставки его с поста министра внутренних дел послужил наказ земским участковым начальникам, который несколько ограничивал их произвол. С 1899 г. И.Л. Горемыкин, будучи членом Государственного совета, занимался подготовкой ряда законопроектов: по пересмотру крестьянского законодательства, по земствам и т.п.

Особому совещанию в составе Государственного совета для подробного обсуждения законопроектов о преобразовании судебной части было предоставлено право вносить в Соединенные департаменты заключения по отдельным частям проектов, не дожидаясь их окончательного рассмотрения. И.Л. Горемыкин воспользовался этим правом, начав работу совещания с рассмотрения проекта устава гражданского судопроизводства.

⁸⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 321.

Это был ловкий ход. Порядок гражданского судопроизводства, закрепленный в уставах 1864 г., не претерпел существенных изменений ни в законодательстве 70-80-х гг., ни в ходе последующего пересмотра в комиссии Н.В. Муравьева, а главное, там отсутствовал «политический элемент»⁹⁰. Как отмечал И.Л. Горемыкин, «предначертанные сим проектом правила менее всего затрагивали вопросы судоустройства, требующие, по изменившимся обстоятельствам, предварительного нового соображения ведомствами министерства юстиции и внутренних дел»⁹¹. Имелась в виду доработка положений проектов, касающихся деятельности участковых судей и земских участковых начальников, производства предварительного следствия.

С марта по май 1905 г. состоялось всего три заседания Особого совещания⁹². На этом работа Государственного совета по обсуждению проектов новой редакции судебных уставов была прекращена. В то же время были предприняты попытки ввести в действие отдельные положения проектов, в частности о рассмотрении дел в порядке неотложности и о судебных приказах. Так, 30 мая 1905 г. председатель Особого совещания по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений А.П. Игнатьев обратился к И.Л. Горемыкину с письмом, в котором содержалась просьба «сделать распоряжение о выделении указанных выше вопросов из общего проекта законов по судебной части и предложить их, вне очереди, на рассмотрение ... Особого со-

⁹⁰ См.: Муравьев Н.В. Последние речи. С. 109.

⁹¹ РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

⁹² Там же. Л. 164-167.

вещения для обсуждения означенного проекта с тем, чтобы упрощенный порядок производства по означенным нарушениям мог быть введен в действие»⁹³.

Как уже было сказано выше, Особое совещание под председательством И.Л. Горемыкина было вправе рассматривать положения проектов новой редакции судебных уставов в той последовательности, в которой сочтет нужным. Позиции проектов о рассмотрении дел в сокращенном порядке были бы весьма удобны правительству в контексте охранительных мер в период революции 1905 г. Однако вот что отвечает И.Л. Горемыкин А.П. Игнатьеву: «Вопрос о желательности и целесообразности введения у нас, по образцу некоторых Западно-Европейских государств, института судебных приказов встречает весьма серьезные возражения в юридической литературе, в среде судебных практиков и юридических обществ. Резко отрицательное отношение к сему проекту уже успело ясно определиться. Им указывается, что проектированная мера, составляя шаг назад, в корне колеблет главные устои суда, идет вразрез с взглядами населения, привыкшего к гласному и устному судопроизводству, и может поколебать в населении доверие к судебной власти»⁹⁴. Официальный отзыв И.Л. Горемыкина мог свидетельствовать, как: 1) о необходимости со стороны правительства считаться с общественным мнением; 2) о негативном отношении в «верхах» к наиболее консервативным положениям проектов муравьевской комиссии; 3) просто о нежелании что-то менять в существующем положении.

⁹³ РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 154.

⁹⁴ РГИА. Л. 160.

Проекты не получили одобрения и поддержки «наверху», о чем говорят приведенные выше факты.

Каково же было отношение к проектам муравьевской комиссии в обществе? Отражением общественного мнения является печать, представленная изданиями различных направлений.

Завершение работы комиссии было встречено довольно оживленной дискуссией в печати. При этом большинство изданий независимо от направлений на протяжении 1899-1901 г. выступали с критическими статьями в адрес комиссии Н.В. Муравьева и разработанных ею законопроектов.

Так, «Северный курьер» писал: «Полное вытеснение общественного элемента, уничтожение судейской несменяемости, слияние в лице участкового судьи разнородных функций, огромное расширение единоличной подсудности, раздробление кассационной инстанции - таковы существеннейшие результаты намеченного преобразования». Вместе с тем «пересмотр ничего не тронул в особо покровительствуемой области» (имеется в виду институт земских участковых начальников. - М.Н.)⁹⁵.

«Московские ведомости» выступили с критическими статьями по поводу суда присяжных особого состава⁹⁶, «Русские ведомости» - в защиту института мировых судей⁹⁷. Им вторили «Вестник Европы», «Русская мысль», «Судебная газета»⁹⁸.

⁹⁵ Северный курьер. 1900. 21 сент.

⁹⁶ См.: Московские ведомости. 1900. 24 сент.

⁹⁷ См.: Русские ведомости. 1900. 29 апреля.

⁹⁸ См: Вестник Европы. Кн. 6. 1900. 29 апр.; Русская мысль. Кн. 10. 1900. окт.; Судебная газета. 1900. 9, 16, 23 июля, 6, 13 авг.

Особенно яркие критические статьи были в либеральной «России». «Новые уставы, — писала газета, — представляют собой, если можно так выразиться, закругление дела и всей эпохи 80-х годов»⁹⁹. «Судебные уставы не очищаются от новелл 80-х годов, а наоборот, эти новеллы и их дух проникли в плоть и кровь проектируемых судебных уставов»¹⁰⁰.

Среди материалов комиссии для пересмотра законоположений по судебной части в Российском государственном историческом архиве хранятся подборки статей — это отзывы на проекты. Против статьи в газете «Россия» от 22 ноября 1900 г. — закладка со словами: «Лживая, злостная, политически близорукая ... Какой специфический взгляд?»¹⁰¹. Судя по почерку, фраза могла быть написана рукой министра юстиции. Н.В. Муравьев внимательно следил за откликами печати на его «детище».

Вскоре в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется серия статей в защиту проектов, подписанных З. Связь Н.В. Муравьева с этой газетой была очевидна еще в начале работы комиссии, о чем говорилось выше. За статьями в поддержку проектов стоял сам министр юстиции¹⁰².

Отличную от других изданий позицию занимал «Гражданин» В.П. Мещерского. Так, по поводу завершения работы комиссии Н.В. Муравьева автор заметил: «Судебные уставы выдержали блестяще пятилетний экзамен в большой экзаменационной ко-

⁹⁹ Россия. 1900. 22 нояб.

¹⁰⁰ Там же. 1901. 6 янв.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 188. Л. 98.

¹⁰² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 3, 13, 16 дек; 1901. 13 янв., 25 фев.

миссии»¹⁰³. Далее в форме беседы с читателем автор излагает: «И вот что показалось. Мне показалось, что за эти 35 лет нового судебного режима произошла важная перемена в духовном мире лиц судебного ведомства. Уходилась за эти 35 лет молодец-богатырь и успокоился. (...) Мне показалось, что он сошел с пьедестала, и просто вошел в жизнь, и теперь находится между нами как всякое человеческое учреждение. (...) Мне показалось, что в иных исчезло, а в других ослабело сознание непогрешимости, надменное отношение к другим ведомствам и людям. (...) Я понял, что Засулич оправдал не суд присяжных, а оправдали люди»¹⁰⁴.

В.П. Мещерский, как в свое время М.Н. Катков, отражал позицию правительства. В этом смысле замечание В.П. Мещерского представляет большой интерес. Раз «молодец-богатырь уходился, успокоился» - судебные уставы 1864 г., наполненные демократическим содержанием, «попритерлись» к российской действительности, следует ли тратить силы и средства на новое крупномасштабное судебное преобразование?

Окончание работы комиссии под председательством Н.В. Муравьева совпало по времени с 35-летием судебных уставов. Петербургское юридическое общество 20 ноября 1899 г. демонстративно устроило чествование уставов 1864 г. Речи К.К. Арсеньева, В.Д. Спасовича, И.Я. Фойницкого в их защиту прерывались аплодисментами.

Таким образом, проекты новой редакции судебных уставов не получили поддержки ни в правительстве, ни в обществе, ни в профессиональной юридической среде.

¹⁰³ Гражданин. 1899. 13 июня.

¹⁰⁴ Там же.

В речи, произнесенной в Соединенных департаментах Государственного совета 16 декабря 1902 г. по поводу начала обсуждения проектов новой редакции судебных уставов, Н.В. Муравьев, в частности, сказал: «Всякое существенное изменение в законодательстве и учреждениях только тогда желательно и целесообразно, когда оно соответствует, с одной стороны, твердо установленным основным началам, а с другой, определенной, настоятельной, практической потребности. Нововведениям, которые не удовлетворяют этим условиям, грозит участь всех беспочвенных и произвольных экспериментов: они не прививаются или, встречаясь с жизнью, уступают ее давлению, остаются без ощутительных последствий или приносят один лишь вред»¹⁰⁵. Министр юстиции, надо полагать, имел в виду судебную реформу 1864 г. Но она, не соответствуя общему строю государственных учреждений, отвечала потребностям и перспективам развития страны. Тогда министр юстиции еще не знал, что участь «беспочвенных и произвольных экспериментов» будет уготована проектам судебных уставов, разработанным под его руководством.

Причины неудачи комиссии Н.В. Муравьева можно попытаться объяснить следующим образом. Завершение работы комиссии на рубеже двух столетий, в период, когда весь ход развития России требовал переустройства политических форм, предопределило ее неудачу. Самодержавие вынуждено было не суд приспособлять к основам государственного устройства, а эти основы менять в соответствии с потребностями общества. В противном случае, самодержавие не могло самосохраниться. Поступательное развитие российской государственно-

¹⁰⁵ Муравьев Н.В. Последние речи. С. 90-91.

сти в начале XX в., выразившееся в создании Государственной думы, реформе Государственного совета, Совета министров, объективно способствовало сближению государственного строя с демократическими принципами и институтами судостроительства и судопроизводства.

Новый суд за четыре десятилетия, прошедшие с принятия судебных уставов, успел «притереться» к общему строю государственных учреждений. Правительство к концу 80-х гг. постаралось нейтрализовать демократические принципы и институты уставов 1864 г. Отменить их было нельзя - слишком высок был авторитет судебной реформы. По пути же ограничения принципов и институтов судебных уставов было некуда дальше идти. И комиссия Н.В. Муравьева это подтвердила. Сравнительный анализ законодательства 70-80-х гг. и подготовленных комиссией проектов показывает их совпадение или пересечение по многим позициям. Проекты комиссии воспроизвели положения закона 1885 г. об ограничении судейской несменяемости, законов 1887 г. об ограничении гласности судопроизводства и порядке формирования суда присяжных и 1889 г. об ограничении компетенции суда присяжных, наконец, они сохранили институт земских участковых начальников. Законодательство 70-80-х гг. прошло своего рода проверку в комиссии по пересмотру законоположений по судебной части.

С самого начала перед Н.В. Муравьевым была поставлена неразрешимая задача - пересмотр судебных уставов на основе их неприкосновенности. Лицемерие и двойственная позиция министра юстиции в ходе деятельности созданной и вдохновлявшейся им комиссии объяснялись не столько его личными

качествами, которые, по свидетельству современников, составляли желать лучшего, сколько поставленной перед ним как министром и председателем комиссии «сверху» задачей. Н.В. Муравьев публично провозглашал незыблемость принципов и институтов уставов 1864 г., на которые комиссия якобы не собиралась покушаться, а в докладе, представленном царю, писал не только об ограничении, но и об упразднении провозглашенных судебными уставами основ. Если вначале идея полного и систематического пересмотра уставов была поддержана юридической общественностью, то по мере продвижения работы комиссии, сторонники судебной реформы отходили от нее. Двойственная позиция министра юстиции не могла не отразиться и в проектах комиссии, иначе как можно объяснить тот факт, что, пересматривая всю систему судебных органов, она сохранила институт земских участковых начальников, несостоятельность которого была очевидна. Противоречия, заложенные в проектах, делали их нежизнеспособными.

Комиссия должна была осуществить полный и систематический пересмотр судебных уставов 1864 г. Она же подготовила проект новой судебной реформы, предусматривавший новую конструкцию судебной системы. Нужно ли было правительству переустраивать судебную систему? Были ли на это силы и средства? Возможно, что министр юстиции вышел за пределы предоставленных ему полномочий и не смог соотнести реальных условий и возможностей государства, общественных потребностей со взятыми на себя обязательствами по переустройству суда. Форма - судебная система - вполне устраивала и правительство, и общество. Переустройство ее повлекло бы колоссальные и совершенно неоправданные расходы для казны.

Две судебные реформы в течение четырех десятилетий - это было бы слишком. Еще реформа 1864 г. не докатилась до окраин России, а в недрах министерства юстиции уже была спроектирована новая. Наполнявшее же эту форму содержание - принципы и институты судоустройства и судопроизводства - можно было менять, не тратя столько сил и средств.

Итак, проекты новой редакции судебных уставов оказались «мертворожденными». Колоссальная работа, в которую были вовлечены сотни людей во всей России, и которая заняла более 5-ти лет, и которая нашла отражение в 40 с лишним томах, оказалась напрасной - «гора родила мышь».

Глава 5

Суд в государственно-правовом развитии России начала XX в.

5.1. Основные тенденции в судебной политике России начала XX в.

Состояние судоустройства и судопроизводства следует рассматривать в контексте государственно-правового развития России начала XX в., характеризовавшегося следующими противоречивыми тенденциями:

- неудавшаяся кодификация основных отраслей российского права (уголовного, гражданского, уголовного процессуального и гражданского процессуального);

- развитие российской государственности по пути постепенного превращения самодержавия в конституционную монархию;

- декларация идей законности и правового государства со стороны правительства на фоне применявшихся в условиях подъема революционного движения чрезвычайных мер судебного и административного преследования;

- отношение к суду в условиях формирования в России многопартийности;

- подготовка реформы местной юстиции как способ обеспечения прав и законных интересов крестьян.

На рубеже XIX-XX вв. правительство намеревалось осуществить кодификацию ведущих отраслей права в целях создания целостного правового механизма в стране. Были разработаны

проекты новой редакции судебных уставов, новые Гражданское и Уголовное уложения.

Состояние судоустройства и судопроизводства, модернизированных реформой 1864 г., выгодно отличалось на фоне положения дел в ведущих отраслях материального права. В то же время отсталость гражданского и уголовного права тормозила развитие судебной практики.

Нуждались в правовом регулировании: соотношение собственности и владения; виды обязательств (например, особенности торговых сделок по сравнению с общегражданскими); ответственность за невыполнение обязательств; организационно-правовые формы юридических лиц (акционерные общества, товарищества полные и на вере, губернские и уездные органы местного самоуправления, сельские и волостные общества и др.); протекционистские меры по отношению к отечественной промышленности и торговле.

В ходе подготовки Гражданского уложения сталкивались естественная и историческая школы права. Если сторонники естественной школы настаивали на существовании универсальных, общечеловеческих цивилистических норм, то историческая — делала акцент на национальный характер права. Отечественные цивилисты искали в зарубежном праве конструкции, пригодные для национального права.

Несмотря на то, что состояние дел в сфере гражданского права давно не отвечало потребностям развития экономики страны (действовали разрозненные, противоречащие друг другу, принятые в разное время и в разных условиях законодательные акты, а в крестьянской среде сохранялось обычное право), Россия так и не получила Гражданского уложения,

хотя проект его и был разработан. Комиссия по составлению Гражданского уложения работала до января 1906 г. и ею был подготовлен проект из 2 640 статей: Положение общее, Семейственное право, Обязательства и 12 томов объяснительных записок к ним.

Проект Уголовного уложения поступил в 1901 г. на рассмотрение Государственного совета. Обсуждение было закончено в 1903 г. И указом от 22 марта Николай II утвердил Уложение, состоявшее из 37 глав, объединяющих 687 статей. В Уголовном уложении 1903 г. было провозглашено равенство граждан перед законом, идея отказа от объективного вменения и уголовной ответственности только при наличии индивидуальной вины обвиняемого, другие достижения западноевропейской и русской науки уголовного права. Однако в полном объеме Уложение так и не было введено. Действовали лишь вторая-пятая главы, отдельные статьи некоторых других глав и статьи Общей части применительно к положениям, введенным в действие.

Глава вторая «О нарушении ограждающих веру постановлений» была введена в действие в марте 1906 г. после принятия законов о веротерпимости, провозглашения свободы вероисповеданий при сохранении привилегии православной церкви. Главы третья, четвертая и пятая Уложения: «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О смуте», — по сути охватывали государственные преступления. Эти главы были введены высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 7 июня 1904 г. Кроме указанных глав, были введены в действие от-

дельные статьи других глав. Так, из главы «О противодействии правосудию» были введены статьи, установившие ответственность за недонесение, за укрывательство. В связи с утверждением в 1904 г. Таможенного устава были введены в действие статьи, предусматривавшие ответственность за контрабанду. Из главы «О нарушении постановлений о надзоре за печатью» была введена в действие статья, давшая право суду определять степень преступности помещенного в печати материала¹. Очевидно, что были введены в действие прежде всего те главы и статьи Уголовного уложения, которые отвечали изменившейся политической ситуации в стране.

Ни проекты новой редакции судебных уставов, ни Гражданское уложение, призванное, наконец, заменить устаревший X том Свода законов, не были приняты, а Уголовное уложение, высочайше учрежденное в 1903 г., действовало лишь в незначительном объеме. «Мертворожденными» оказались не только проекты муравьевской комиссии, но и Гражданское уложение. Если потребность в кодификации судебного права может быть поставлена под сомнение, то введению в действие Гражданского уложения не было альтернативы. Неудавшаяся кодификация законодательства начала XX в. показывает неспособность правительства в сложившихся условиях провести серьезное целостное преобразование, нацеленное на перспективу.

В выступлении в Санкт-Петербургском юридическом обществе на тему «Обновленный строй и кодификация» И.В. Гессен сказал: «Как известно, все наше действующее законодатель-

¹ См.: Развитие русского права во второй половине XIX - начале XX века. М., 1997. С. 186-201.

ство давно уже было признано никуда не годным, и ко времени 1904 г. оно все находилось в стадии пересмотра. Но реформа затянулась, и эта задержка реформы послужила одной из главных причин, что смута все росла и дошла до таких пределов, что пришлось применить экстренные меры»².

И.В. Гессен, придерживавшийся конституционно-демократических воззрений, преувеличивал роль закона, видя в нем возможность полностью обновить и переустроить общество. Такая идеализация права была характерна для многих либеральных юристов. По их мнению, хорошо разработанное законодательство было в состоянии обеспечить стабильность общества и государства, а отсутствие надлежащей правовой основы усугубляло существовавшие противоречия. Либеральной юриспруденции было свойственно недооценивать экономические и общественно-политические факторы.

На рубеже XIX и XX вв. в политике самодержавия наблюдались две противоречивые тенденции: корни одной отходят к реформам второй половины XIX в. и проявляются в попытках продолжить этот реформаторский курс (даже если эти попытки слабы и непоследовательны); вторая - была направлена на сохранение самодержавия как формы правления, на поддержание во что бы то ни стало существующего режима. Вторая тенденция все более преобладает над первой, отнимая у правительства все силы. «Главной политической целью правительственного лагеря, - пишет К.Ф. Шацилло, исследуя этот период, - было сохранение в стране неограниченного само-

² Труды Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете / Под ред. М.М. Винавера. Т. 1. 1908-1909. СПб., 1910. С. 487.

державия и всего того общественного строя, который сложился в России в ходе многовековой истории, но уже перестал соответствовать объективным потребностям развития страны»¹.

Концентрация противоречий в общественной и государственной жизни приводит к тому, что со стороны правительства нужны были экстренные меры. И эти отличавшиеся быстротой реагирования меры забрали все силы и средства в государстве. Под воздействием общественно-политических сил самодержавие дальше испытывает свои реформаторские возможности, пока, наконец, они не окажутся исчерпанными. Преобразования «сверху», отражавшие стремление самодержавия к самосохранению и в силу этого имевшие ограниченный характер, вели к накоплению противоречий и в конечном счете к падению режима.

Под давлением общественности происходит поворот в политике самодержавия в сторону либерализации. Последовала конституционная попытка конца 1904 - начала 1905 гг. П.Д. Святополк-Мирский, приняв министерство внутренних дел после убийства В.К. Плеве, составил записку, которая «доказывала необходимость общего изменения внутренней политики правительства, необходимость мер к укреплению законности и необходимость отмены исключительных законов, установления свободы печати, свободы вероисповедания»². Записка была представлена Николаю II в двадцатых числах ноября 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский из последних сил доказывал

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 23.

² Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте). М.-Пг., 1923. С. 44.

«наверху», что если не будут осуществлены либеральные реформы, то последующие перемены будут уже в виде революции, заверяя при этом, что «желание громадного большинства благонамеренных людей» заключается в том, чтобы осуществить реформы «не трогая самодержавия». По свидетельству А.А. Лопухина, являвшегося с 1902 по 1905 гг. директором департамента полиции, «после предпринятого Мирским шага существовавшее в общественных кругах признание негодности данного политического строя проникло в бюрократическую среду и быстро претворилось там в сознание близости его конца, чем последний и был ускорен»⁵.

Комиссия, созданная для обсуждения записки, имела два заседания: 6 и 8 декабря. Позиция П.Д. Святополка-Мирского о введении представительства сильно смущала Николая II и его окружение: насколько представительное учреждение будет сочетаться с самодержавием. Несмотря на некоторые противоречия и разногласия, комиссия сочла «участие общественного элемента в законодательной работе в какой бы то ни было форме мерой опасной»⁶. П.Д. Святополк-Мирский, удрученный неудачей, не медля, подал прошение об отставке.

Конституционная попытка конца 1904 - начала 1905 гг. закончилась подписанием Николаем II указа от 12 декабря 1904 г., в котором в общей форме говорилось о разработке мер по «устроению крестьянской жизни» и изменению крестьянского законодательства, содержались обещания расширить права земских и городских учреждений, ввести государственное страхование рабочих, сократить применение положения об

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. С. 45-51.

исключительной охране, устранить ограничения в делах печати, ввести начала веротерпимости, обеспечить самостоятельность судов и равенство перед ними лиц различных состояний.

Высочайший указ от 12 декабря 1904 г., в частности, предписывал: «принять действительные меры к охранению полной силы закона, важнейшей в самодержавном государстве опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшей обязанностью всех подчиненных нам властей и мест, неисполнение же ее неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчить потерпевшим от таких действий лицам способы достижения Правосудия»⁷. Там же говорилось о необходимости «в целях охранения равенства перед судом лиц всех состояний, внести должное единство в устройство судебной части в империи»⁸. Задачи по выполнению этого указа были возложены на Комитет министров.

Высочайший указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г., предписывавший придать единообразие судебной системе, дал толчок к подготовке наиболее значимого мероприятия самодержавия в судебной сфере в этот период — реформы местной юстиции.

Вопрос о реформе местной юстиции был поднят не случайно, поскольку именно она в ряду других первоочередных мероприятий правительства была направлена на «поднятие благосостояния основного земледельческого класса государст-

⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 24. Отд. 1. № 25495.

⁸ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 7. 1911-1912 гг. Ст. 1749.

ва»⁹. Вопросы устройства местного суда обсуждались в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю. Витте в декабре 1904 - январе 1905 гг.

Особое совещание не могло обойти вопрос о волостном суде. Большинство высказалось за уравнивание крестьян с другими сословиями в правах, в частности в праве на судебную защиту.

В ходе обсуждения звучала резкая критика в адрес волостного суда. Так, профессор гражданского права, член Петербургской судебной палаты А.М. Гуляев назвал волостной суд судом «без законов, без материального права, без правил процессуальных»¹⁰. Какие бы ни строились теоретические предположения о волостных судьях как лучших представителях своей среды, знающих действующее в этой среде право, хотя бы обычное, «на практике выходит, что волостной суд есть суд волостного писаря... Опрашивая крестьян, и в их числе волостных судей, по вопросам о крестьянском суде и праве, мы встретились с указаниями, что волостной писарь до тех пор не записывает в книгу решений постановляемого судьей приговора, пока таковой не состоится в смысле желательном для писаря»¹¹.

⁹ Речь П.А. Столыпина на заседании III Государственной думы 16 ноября 1907 г. // Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906-1911). СПб., 1911. С. 45.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 58. Р. II. П. 13. Д. 2. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 52.

Большинство участвовавших в Совещании признавало наличие обычаев в крестьянской среде, но высказывалось вместе с тем за ограничение по возможности их действия и за необходимость считаться с ними при разработке законодательства. Так, товарищ обер-прокурора Гражданского кассационного департамента Сената А.И. Лыкошин сказал, что «необходимо, по возможности, ограничить сферу применения обычая судами. Необходимо дать более зажиточным, более энергичным и предприимчивым крестьянам возможность выбраться, наконец, на путь общегражданский, выйти из своего обособленного положения, стать действительно полноправными гражданами»¹².

Профессор Л.И. Петражицкий, яркий представитель психологического направления в отечественной правовой науке, участвовавший в заседаниях с правом совещательного голоса, отметил, что «отсутствие надлежащего позитивного права — одна из существенных причин печального экономического состояния крестьянства»¹³. По его мнению, «желательно вообще хорошее гражданское право и при том такое, которое в некоторых областях, особенно в области наследственного права, считалось бы с существующими особенностями экономического быта и направлениями интуитивного права»¹⁴. «Так как никакое экономическое развитие невозможно без прочного юридического порядка, — говорил Л.И. Петражицкий, — то для меня ясно, что необходимо введение определенного писаного права. Если этот вопрос будет решен так, как его представляю

¹² Там же. Л. 79.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ Там же. Л. 69.

я, то тогда не может быть более вопроса о волостном суде»¹⁵.

Министр юстиции Н.В. Муравьев в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказался в том смысле, что пока в России существуют волостные суды, будет невозможно введение Уголовного уложения 1903 г. К этому выводу, по словам министра юстиции, пришла Высочайше учрежденная при министерстве юстиции комиссия по разработке мероприятий, связанных с введением нового Уголовного уложения, которую возглавлял сам Н.В. Муравьев. Уголовное уложение, являясь единым кодексом, должно было заменить прежнее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. При введении нового Уложения такие преступления, совершенные крестьянами, как кражи, мошенничества и т.п., следовало изъять из ведения волостных судов. При этом выяснилось, что «на местах за волостными судами нет никаких подходящих судебных органов - одни уездные члены окружных судов, а дел указанных категорий возникает очень много»¹⁶. Комиссия, занимавшаяся подготовкой мероприятий по введению нового Уголовного уложения, пришла к выводу, что «ничего сделать нельзя» и следует оставить без нового уголовного закона не только волостные суды, но и соприкасавшиеся с ними вышестоящие судебные инстанции. Министр юстиции высказался за настоятельную необходимость упразднения волостного суда и

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 58. Р. II. П. 13. Д. 2. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 113.

учреждения на местах таких судебных органов, которые были бы в состоянии применять общие законы государства¹⁷.

И.Л. Горемыкин как член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и одновременно председатель Особого совещания для пересмотра законоположений по судебной части, призванного решить судьбу проектов муравьевской комиссии, высказался за необходимость объединения работ по переустройству волостного суда с внесенным уже в Государственный совет проектом новой редакции судебных уставов: «Если вопрос о замене и преобразовании волостного суда будет отделен от общей схемы устройства судебных учреждений и отложен до особого рассмотрения - все проекты преобразований судебной части останутся в неопределенном положении»¹⁸.

Два участника Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности настаивали на сохранении волостного суда - А.С. Стишинский и Н.А. Хвостов¹⁹. В обоснование своей позиции они ссылались на материалы комиссии сенатора М.Н. Любоцинского, обследовавшей в 80-х гг. XIX в. крестьянские суды 15 губерний Европейской России и обобщившей свою деятельность в 7 томах по 600-800 страниц каждый. Комиссия сделала вывод о том, что волостной суд пользуется уважением у крестьян: «Суд наш хотя и темный, ... да для нас лучше мирового; беда только в том, что судьи неумелые, законов прочесть не могут, все писарь читает, но все-таки свой суд тем хорош, что близко да дешево, к мировому с

¹⁷ Там же.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 58. Р. II. П. 13. Д. 2. Л. 135.

¹⁹ Там же. Л. 137.

пустяшным делом не пойдешь — далеко, а для нашего брата и пустяк дорог, у мирового пошлина да издержки и адвоката надо»²⁰.

Вывод этот был сделан на основании отзывов должностных лиц, близко стоявших к крестьянскому управлению. Понятно, что действовавшая в 80-х гг. прошлого века комиссия сенатора М.Н. Любошинского была призвана обосновать необходимость отмены мировой юстиции и усиления административной власти в деревне, что и произошло с принятием закона 1889 г. о земских участковых начальниках. Предвзятое мнение комиссии в новых условиях не могло служить весомым аргументом.

Несмотря на возражения А.С. Стишинского и Н.А. Хвостова, Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности приняло решение: «Волостной суд, подчиненный администрации, состоящий из лиц малограмотных, несведущих в технике судебного дела, зависимых в экономическом и правовом отношениях, — не удовлетворяет ни одному из условий правильного суда. Никакие меры по улучшению такого суда не могут изменить основных его недостатков, а потому волостной суд подлежит в принципе упразднению и замене его судом общим для всех сословий, сведущим в технике судебного дела, независимым от администрации и входящим в состав судебного управления»²¹.

Высказавшись за упразднение волостного суда и за необходимость реформы местной юстиции с учетом прозвучавших замечаний и предложений Совещание о нуждах сельскохозяйст-

²⁰ Там же. П. 11. Д. 12. Л. 5.

²¹ Там же. П. 13. Д. 3. Л. 2.

венной промышленности разработало схему преобразований. Было признано возможным устройство трех типов низшего звена судебной системы.

1) Коллегиальное учреждение во главе с выборным председателем из числа местных жителей, отвечающих определенному образовательному цензу. По всем или по некоторым делам к нему добавляются выборные заседатели из крестьян. Такая схема предлагалась товарищем обер-прокурора Гражданского Кассационного департамента Сената А.И. Лыкошиным²², адвокатом Н.Н. Герардом²³.

2) Единоличный выборный мировой судья (мнение А.Н. Куломзина²⁴, Н.Н. Кутлера²⁵).

3) Мировой судья, назначаемый от правительства. Подобное учреждение уже действовало на окраинах России, куда судебная реформа 1864 г. «в чистом виде» не смогла докатиться. Аналогичное учреждение в лице единоличного участкового судьи проектировалось муравьевской комиссией. Кроме министра юстиции Н.В. Муравьева, этой точки зрения в Совещании придерживался Г.Г. Савич, представлявший министерство внутренних дел²⁶.

В начале января 1905 г. министр юстиции Н.В. Муравьев внес в Комитет министров представление по данному вопросу, в котором предлагалось предоставить право отправлять правосудие «исключительно предназначенным для того судебным

²² ОР РГБ. Ф. 58. Р. II. П. 13. Д. 2. Л. 78, 143.

²³ Там же. Л. 127.

²⁴ Там же. Л. 78.

²⁵ Там же. Л. 117-119.

²⁶ Там же. Л. 63-65.

органам», упразднив при этом судебные полномочия земских участковых начальников и волостной суд по крестьянским делам²⁷. Оказались напрасными колоссальные усилия, потраченные Н.В. Муравьевым в комиссии по пересмотру судебных уставов на то, чтобы сохранить угодный высочайшей власти и непопулярный в обществе институт земских участковых начальников. Лавируя в сложных условиях, Николай II вынужден был заявить о необходимости внести единообразие в устройство судебного строя в империи, что означало отказ от института земских участковых начальников. Министру юстиции осталось лишь подтвердить высочайшую волю. Последовавшее за указом Николая II представление министра юстиции означало полный крах деятельности последнего.

Накануне январских событий 1905 г. Н.В. Муравьев стал хлопотать о должности посла. Как писал С.Ю. Витте, Н.В. Муравьев понимал, что в России «наступает эра всевозможных случайностей и катастроф, а потому, как крысы перед бурей покидают корабль, так и он решил устроиться где-нибудь в тихой бухте»²⁸. Причиной ухода с поста министра юстиции будет, наверное, правильным считать не только политическую обстановку в стране, о чем с большой долей иронии в адрес Н.В. Муравьева писал С.Ю. Витте, но и провал работы комиссии по пересмотру судебных уставов, которую считал делом своей жизни. Указом 14 января 1905 г.

²⁷ Там же.

²⁸ Витте С.Ю. Воспоминания / Под ред. А.П. Сидорова: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 336.

Н.В. Муравьев был назначен послом в Италию, где вскоре умер при весьма загадочных обстоятельствах²⁹.

Естественное стремление к самосохранению заставило самодержавие пойти на подписание Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г., в котором царь обещал «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Предполагалось также «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»³⁰.

Самодержавие сделало следующий шаг в своем стремлении к самосохранению - пошло на создание учреждения парламентского типа, провозгласило политические права и свободы. В ходе реформ второй половины XIX в. те принципы и институты, которые в других странах внедрялись в жизнь конституционным путем, в российское право вошли через судебные уставы 1864 г. - разделение властей (в виде независимости судебной власти), формальное равенство (посредством равенства всех перед судом), неприкосновенность личности, презумпция невиновности, право на защиту, право человека быть судимым себе подобными (присяжными заседателями). В этом же русле идет уже структурная перестройка высших государственных учреждений, законодательно закрепляется минимум

²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 357. Л. 1-2.

³⁰ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. № 26803. Ст.ст. 1,3.

гражданских и политических прав и свобод. Правда, все эти преобразования носили незавершенный характер, затрагивали сложившиеся в общественном строе и государственности противоречия, но не разрешали их до конца. Так, ст. 4 «Основных государственных законов» в редакции 1906 г. гласила: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть...» (вместо формулировки ст. 1 «Основных законов...» в редакции 1832 г.: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный»). «Основные государственные законы» закрепляли законодательную власть Государственной Думы и Государственного Совета: «Никакой закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без одобрения государя императора».

Однако в случае прекращения или перерыва деятельности Думы или Совета законопроекты могли быть обсуждены в Совете министров с последующим высочайшим утверждением. Действие высочайшего указа в этом случае носило временный характер, он подлежал утверждению в Думе или Совете в течение двух месяцев после возобновления их деятельности. Этот путь и был использован при введении в действие закона 19 августа 1906 г. о военно-полевых судах. Основные законы составлялись таким образом, чтобы оградить монаршие prerogatives. После учреждения Государственной Думы и реформы Государственного Совета акты стали именоваться: «Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и Высочайше утвержденный закон». Даже внешняя сторона свидетельствовала, по мнению председателя I Думы С.А. Муромцева, с которым трудно не согласиться, что это

были «не более, как акты государственного управления, которые <...> издаются в «законодательном порядке»»³¹.

Оценка Манифеста 17 октября в советской исторической и юридической литературе при некоторых различиях во мнениях имеет общей своей основой признание того обстоятельства, что Манифест провозглашал начала конституционализма. Так, А.М. Давидович считал установившийся строй конституционным самодержавием³². В работе Н.И. Васильевой, Г.Б. Гальперина, А.И. Королева авторы отмечают, что «манифест декларировал эволюцию формы правления Российского государства от абсолютной к конституционной монархии, разумеется, ничем не обеспечив реализацию данного заявления»³³.

Принятие Манифеста 17 октября 1905 г. способствовало развитию законопроектной деятельности, связанной с претворением в жизнь обещаний, данных Николаем II. Эти законодательные мероприятия готовились в спешном порядке. В то же время разрабатывавшиеся ранее законопроекты «повисли в воздухе». Их участь была поставлена в зависимость от новых начал в государственной и общественной жизни. И.В. Гессен в русле своих конституционно-демократических взглядов отмечал: «Уже в указе 12 декабря 1904 г. указывалось на необходимость ввести в наше законодательство существенные нововведения и подчеркивалось, что их нужно ввести наибо-

³¹ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. V. М., 1910. С. 133.

³² См.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 291.

³³ Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И. Первая российская революция и самодержавие (государственно-правовые проблемы). Л., 1975. С. 88.

лее быстрым и полным способом. Когда же была введена конституция 17 октября, то тогда, конечно, быстрота диктовалась уже положением дел, необходимость приспособить все стороны жизни к новым конституционным началам. При таких условиях, понятно, законодатель не в силах был позаботиться о том, чтобы издать закон в настоящем разработанном виде, он устанавливал только общие начала и полагал, что практика переходного времени как-нибудь справится при их помощи, а настоящие законы будут выработаны уже новыми законодательными учреждениями»³⁴.

На фоне законодательного закрепления демократических прав и свобод, изменений в высших органах государственной власти – создание Государственной думы, реформа Государственного совета – судебные преобразования не могли играть существенной роли. Общая тенденция в развитии государственных институтов самодержавия состояла в принятии ограничительных мер в отношении власти императора и развитии высших государственных органов по пути разделения властей. Судебная власть, будучи уже обособленной в ходе реформы 1864 г., общую тенденцию значительно опередила.

Развернувшаяся в Совете министров в период подготовки «Основных государственных законов» дискуссия по вопросу о судейской несменяемости отражала позицию правительства: вроде и хорошо было бы лишить судей несменяемости, но существовали опасения относительно того, какой общественный резонанс вызовет данная мера. Были сторонники включения в Основные законы права царя на увольнение всех без изъятия

³⁴ Труды юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Т. 1. С. 487-488.

должностных лиц. Несмотря на провозглашенную уставами 1864 г. несменяемость, считали они, «судьи до настоящего времени знали, что монарх неограниченный волен сместить их в случае признанной им в том необходимости, а, с другой стороны, волен и отменить самый закон о несменяемости». Большинство же в Совете министров во главе с С.Ю. Витте считало, что если царь не получит в Основных законах права на увольнение всех должностных лиц, он «лишится возможности устранить даже тех судей, которые по своим действиям оказались бы опасными для правильного хода государственной жизни». Возражавшее меньшинство, ссылаясь на то, что несменяемость является «одной из неотъемлемых прерогатив судьи, обеспечивавшей ему возможность разрешить дело по совести и внутреннему убеждению вне всяких сторонних влияний», на самом деле также руководствовалось «охранительными» соображениями: отменить несменяемость судей, прочно вошедшую в жизнь с момента открытия новых судов, тем более после Манифеста 17 октября «едва ли представлялось бы удобным с точки зрения общей политики». К тому же, по мнению меньшинства, ранее уже были выработаны законодательные меры, позволявшие нейтрализовать судейский корпус - «почти во всех случаях увольнение неблагонадежных судей может совершиться на основании закона в порядке дисциплинарного производства»³⁵. При кажущихся противоречиях внутри правительства по вопросу о несменяемости судей, а фактически в оценке роли судебной власти в государстве, в действительности было удивительное единство во взглядах - охранение существующего режима.

³⁵ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 429-430.

Осуществление либеральной программы - добиться водворения в России правового государства и одновременно предупредить возникновение революции - в империи Николая II было невозможно.

В условиях нарастающего кризиса применяются меры административного преследования. Так, число дознаний, разрешенных в административном порядке, по сравнению с 1894 г. в 1903 г. возросло более чем в 27 раз (с 56 до 1522)³⁶. Однако правовую основу (вернее, «неправовую основу» - согласно либеральному пониманию закон может быть неправовым) для применения такого рода мер создавало «Положение об охране» от 14 августа 1881 г. За фасадом судебных уставов существовал внесудебный порядок преследования. Это лишний раз подтверждает, что принятые в 70-80-х гг. ограничительные меры были достаточны для правительства.

Провозглашенные уставами 1864 г. демократические начала судоустройства и судопроизводства в действиях властей сочетались с административными и чрезвычайными мерами.

Крайним проявлением политики самодержавия в ходе революции 1905-1907 гг. было принятие закона о военно-полевых судах 19 августа 1906 г. Согласно этому закону генерал-губернаторы и главнокомандующие в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, получили право в тех случаях, когда «учиненные лицом гражданского ведомства преступные деяния являются настолько

³⁶ См.: Объяснительная записка Н.В. Муравьева «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных...» // Печатные записки РГИА. № 680.

очевидными, что нет надобности в его расследовании, предавать обвиняемого военно-полевому суду с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени». Эти суды учреждались по требованию генерал-губернаторов, главнокомандующих и приравненных к ним лиц, начальниками гарнизонов. Военно-полевой суд состоял из председателя и четырех членов - офицеров армии и флота. Дела в этот суд передавались «безотлагательно за совершением преступного деяния». Закон от 19 августа 1906 г. закреплял, что «суд немедленно приступает к разбору дела и оканчивает рассмотрение оного не далее, как в течение двух суток». Дела рассматривались при закрытых дверях и без форм судопроизводства. Приговор, объявленный на суде, немедленно вступал в законную силу и безотлагательно (во всяком случае не позже суток) приводился в исполнение по распоряжению военных начальников³⁷. Основной мерой наказания была смертная казнь через повешение или расстрел.

В литературе содержатся сведения о степени репрессивности карательного аппарата самодержавия начала XX в. По данным, приведенным Н.Н. Полянским в работе «Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг.», который в свою очередь ссылается на «цифровые итоги деятельности военно-полевых судов», опубликованные в газете «Товарищ» от 20 апреля 1906 г. А.Б. Вентиным, за 8 месяцев действия военно-полевой юстиции было предано смертной казни по непол-

³⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. 1906. Отд. 1. № 28252. С. 813-814.

ным подсчетам 1 102 человека³⁸. Это больше, нежели за весь период с 1825 по 1905 гг.

Репрессивная политика не мешала правительству публично провозглашать принципы законности и правового государства. Декларируя правительственную программу на заседании II Государственной думы 6 марта 1907 г., П.А. Столыпин говорил о необходимости создания в России правового государства: «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит права отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц»³⁹. Среди мероприятий, «устанавливающих твердые устои наново складывающейся государственной жизни России»⁴⁰, председатель Совета министров называет «ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь», как-то: «бессословная, самоуправляющаяся волость, в качестве мелкой земской единицы»⁴¹, упразднение должностей земских участковых начальников, «полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству полити-

³⁸ См.: Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1958. С. 215.

³⁹ Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906-1911). СПб., 1911. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 17.

⁴¹ Там же. С. 19.

ческих дознаний, которые будут переданы власти следственной»⁴².

В непосредственной связи с преобразованиями в сфере местного управления, по мнению П.А. Столыпина, шла и реформа местной юстиции. «Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда, с кассационной инстанцией в лице Правительствующего Сената»⁴³.

В либеральных устремлениях правительства, которые оно вынуждено было под напором общественного мнения хотя бы декларировать, немаловажную роль играли демократические принципы и институты судоустройства и судопроизводства. В той же речи от 6 марта 1907 г. Председатель Совета Министров обратил внимание Государственной думы «на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемости основных начал судебных уставов Александра II, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым, получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следст-

⁴² Там же.

⁴³ Сборник речей П.А. Столыпина... С. 19-20.

вии, введение состязательного начала в обряд предания суду, установление институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения и т.п.»⁴⁴.

Однако на заседании 13 марта 1907 г. П.А. Столыпин, отвечая на прозвучавшие с думской трибуны обвинения в адрес правительства «о том, что у него руки в крови», на требования о немедленной отмене закона о военно-полевых судах, парировал: «Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать на нападки за превышение власти, за не-правильности, допущенные при применении этого закона. На-рекания эти голословны, необоснованны и на них отвечать преждевременно. Государство может, Государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распа-да». И далее: «Когда на вас нападает убийца, вы его уби-ваете, этот порядок признается всеми государствами. Это, господа, состояние необходимой обороны: оно доводило Госу-дарство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к раз-личным категориям людей, оно доводило Государство до под-чинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила Государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, ро-ковые моменты в жизни Государства, когда государственная необходимость стоит выше права, и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»⁴⁵.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Сборник речей П.А. Столыпина... С. 27-28

Двойственная позиция П.А. Столыпина иллюстрирует хаотичность и непоследовательность правительственного курса, в котором идея правового государства и сопутствовавшие ей законодательные мероприятия «сосуществовали» с чрезвычайными мерами, когда соображения целесообразности и государственной необходимости ставились выше права.

Понятно, что в таких условиях пост министра юстиции, который и прежде считался значимым, приобрел особое значение. Смены в руководстве министерством юстиции в столь сложное время говорят о поиске нужной кандидатуры. После того как Н.В. Муравьев в январе 1905 г. оставил этот пост, был период министерства С.С. Манухина (с января по декабрь 1905 г.), затем М.Г. Акимова (с декабря 1905 по апрель 1906 г.). С.С. Манухин, по отзывам современников, порядочный человек, шел явно не в ногу со стремлениями правительства и спустя пять месяцев был заменен М.Г. Акимовым, который также недолго продержался на этом посту. Наконец, министром юстиции становится И.Г. Щегловитов. «В лице Щегловитова он (Николай II. — М.Н.) нашел деятельного сотрудника по реакции. Если Муравьев выживал из ведомства старых юристов и заменял их своими креатурами, если Акимов не стеснялся говорить следователям по аграрным делам, что «от них самих зависит обратить невыгоды командировки в выгоды», намекая на желательное направление действий, то Щегловитов не только откинул в сторону всякие сомнения, но и оформил свои взгляды с неслыханным цинизмом, заявив с думской трибуны о нежелании считаться с законом»⁴⁶.

⁴⁶ Николай II. Последний самодержец. Очерки жизни и царствования. Вып. 5. М.-Пг., 1917. С. 6.

С.Ю. Витте писал, что в «...постыдное положение, в каком находится министерство юстиции, оно могло быть поставлено только таким нравственно ничтожным человеком как ...Щегловитов»⁴⁷, и «наихудшим из зол является утрата судебным ведомством независимости»⁴⁸. По заключению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в начале XX в. министерство юстиции превратилось в «министерство неправосудия», а несменяемость судей подчас оставалась пустой декларацией⁴⁹.

Министр юстиции И.Г. Щегловитов на заседании Думы говорил о внепартийности суда, о необходимости оградить суд «от влияния политических страстей и давлений. Суд есть страж закона, но не проводник тех или других политических идей и тенденций. В суде не может быть места политической борьбе»⁵⁰. На что представитель Войска Донского во II Думе Арканцев заметил: «Можно ли говорить после этого о внепартийности суда, когда само же министерство юстиции, само же правительство втянуло суд в эту партийность, сделав его партийным и благодаря этому убило и последние остатки уважения к суду...»⁵¹. В Государственной думе шло разоблачение нравов «щегловитовской» юстиции.

⁴⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 299.

⁴⁸ Там же. С. 322.

⁴⁹ См.: Падение царского режима. Л., 1924. Т. 2. С. XIV.

⁵⁰ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. Т. 2. СПб., 1907. Ст. 1358.

⁵¹ Там же. Ст. 1387.

Судебное ведомство в начале XX в. откровенно обслуживало политику. Современник писал: о И.Г. Щегловитове «Глава ведомства со всеми замашками самодержца, в просторечии, втихомолку между подчиненными, «Ванька-Каин». Русское самодержавие нашло в нем своего сторожевого пса, лижущего руку хозяевам, бросающегося на всех, не принадлежащих семье. (...) Он подчинил свое ведомство, свои суды политике»⁵². И.Г. Щегловитов занимал пост министра юстиции до лета 1915 г., когда в угоду Думе и общественности были смещены четверо наиболее реакционных министров. На пост министра юстиции был назначен А.А. Хвостов.

Весьма показательны ответы И.Г. Щегловитова на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, где он, юрист, стоял перед юристами. Его ответы «точно бенгальским огнем освещают ту бездну, в которую погружались начала законности и правосудия накануне революции»⁵³. На допросе 24 апреля 1917 г. И.Г. Щегловитов откровенно заявлял, что для него как министра юстиции «в подборе личного состава критерий был один - подбирать людей более твердых, более монархически настроенных, которые являлись бы хранителями того строя, который тогда существовал»⁵⁴. Перед министерством в качестве основной задачи

⁵² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. II. Л.-М., 1925. С. V.

⁵³ Падение царского режима. Стенографические отчеты... С. V.

⁵⁴ Там же. С. 342.

стояло не поддержание законности, а охранение существующего строя.

У правительства в Думе были сильные оппоненты. В русле идеи законности звучали требования различных партий (в том числе, партии народной свободы) об установлении неприкосновенности личности. Вопрос вставал с особой остротой в связи с действием российского Habeas Corpus Act, а - Положения об усиленной охране. Так, М.М. Винавер, представитель партии народной свободы, известный юрист, заметил: «Если даже допустить, что может быть введено положение об усиленной или чрезвычайной охране, если имеется какое-либо оправдание для него в чрезвычайных случаях, то ведь единственное обоснование есть скорость, спешность производства и необходимость, не доводя до сложной процедуры нормального следствия, принять экстраординарные меры»⁵⁵.

Представители партий, выступая с думской трибуны, говорили о том, что действующее законодательство не используется в полной мере. Так, М.М. Винавер в речи при внесении запроса по поводу обнаружения петербургскими мировыми судьями при посещении ими тюрем множества лиц, содержащихся под стражей без всяких оснований, сказал: «И вот нашелся такой закоулок в законе, который дает возможность и теперь, хоть в малой мере, охранять неприкосновенность личности: мировым судьям предоставлено право навещать дома заключений и проверять, правильно ли человек арестован...» Речь идет о ст. 10 Устава уголовного судопроизводства: «Каждый судья и каждый прокурор, который в пределах своего участка или округа удостоверится в задержании кого-либо

⁵⁵ Речи М.М. Винавера. СПб., 1907. С. 78-79.

под стражею без постановления уполномоченных на то мест и лиц, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы». «И в Петербурге мировые судьи решили воспользоваться этим преимуществом. Тут то оказалось, что ... мировых судей стесняют в исполнении долга, когда это идет вразрез не с законами, а с политическими видами правительства»⁵⁶. «Оказалось, что в течение 40 лет закон был забыт, и когда затем он был обнаружен, случился переполох»⁵⁷. Министр юстиции объяснил это тем, что «закон, не соответствующий политическому режиму, хиреет», и тут же обещал немедленно принять «меры к тому, чтобы закон забытый был водворен»⁵⁸.

Партии в своих программных требованиях немалое внимание уделяли судебной власти. Более того, они отражали эти позиции в своих проектах конституций и иных законов. Так, проект Основного Закона в редакции одного из лидеров конституционно-демократической партии и Председателя I Государственной думы С.А. Муромцева предусматривал, что «судебные установления не могут быть в подчинении иной власти, кроме судебной», а «судьи не могут быть, против своего желания, ни увольняемы, ни перемещаемы, ни устраняемы от исполнения должности иначе, как по постановлению подлежащего суда и по основаниям, в законе определенным»; «никакие изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей по роду преступлений не допускаются», и «никто не устраняется от внесения в

⁵⁶ Речи М.М. Винавера. С. 27-28.

⁵⁷ Там же. С. 70.

⁵⁸ Там же.

списки присяжных заседателей на основании своего имущественного или общественного положения»⁵⁹.

В начале XX в. в России широкое распространение получила идея медленной, постепенной трансформации правового и политического строя России в русле, намеченном реформами 60-70-х гг. (С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов). Судейскому правотворчеству в этом смысле отводилась существенная роль. Именно оно должно было способствовать эволюционной замене абсолютистского режима либеральным правопорядком. Стоящий в центре этого процесса широко образованный судья, создавая такого рода правопорядок, мог противостоять как революционерам, стремящимся к разрушению существующего режима, так и реакционерам-охранителям. Так, С.А. Муромцев предлагал «заменить отжившие законы либерально-демократическим судебным правотворчеством»⁶⁰. Однако при всей внешней привлекательности подобных воззрений, звучавших не только в юридической среде, но и с думской трибуны надо понимать несостоятельность и утопичность этих идей применительно к России того времени. Как пишет В.Д. Зорькин в монографии, посвященной государственно-правовым воззрениям С.А. Муромцева, «...при отсутствии прочных демократических традиций, отсутствии буржуазной законности предлагать вместо закона судебно-административное правотворчество значило погрузить страну в еще большую бездну бесправия»⁶¹.

⁵⁹ Муромцев С.А. Сборник статей. М., 1911. С. 400.

⁶⁰ Цит. по.: Зорькин В.Д. Муромцев. М., 1980. С. 106.

⁶¹ Там же. С. 106-107.

Если для конституционных демократов была характерна идеализация судебной реформы 1864 г., то социал-демократы относились к ней весьма критически. Так, Г.В. Плеханов утверждал, что в условиях сильной полицейской и вообще административной власти «реформированное судопроизводство в России осталось экзотическим растением: оно так же подходит ко всему государственному строю России, как шелковый цилиндр к одетому в звериные шкуры эскимосу»⁶².

Понятно, что противоположные подчас взгляды представителей различных партий на суд не могли не отразиться в деятельности Государственной думы. В центре этой полемики оказалось устройство местной юстиции.

5.2. Реформа местной юстиции 1912 г.

Подготовка проекта министерства юстиции о местном суде, начатая еще в период нахождения на посту министра Н.В. Муравьева (до января 1905 г.), была завершена при И.Г. Щегловитове, который и вносил проект о местном суде последовательно на рассмотрение I, II и III Думы.

Закон о местной юстиции 1912 г. по праву можно считать единственным значимым мероприятием правительства в сфере суда в начале XX в. Законопроект о местном суде, внесенный министерством юстиции, пройдя через Государственную думу трех созывов, Государственный совет, став предметом острых думских дебатов, в результате превратился в компромиссный закон. И все-таки этот закон попал в разряд реализованных правительством мероприятий.

⁶² Плеханов Г.В. Собр. соч. М.-Л., 1925. Т. V. С. 10.

Разработанный министерством юстиции проект о местном суде поступил в Государственную думу. Однако в I Государственной думе он рассмотрен не был. II Дума постановлением от 20 марта 1907 г. образовала специальную комиссию под председательством И.В. Гессена для рассмотрения внесенного министром юстиции законопроекта. Всего в состав комиссии вошло 33 человека. Состоялось 8 заседаний⁶³. Таким образом, обсуждение проекта министерства юстиции шло как в думской комиссии, так и в общем собрании II Думы.

Суть проекта, обсуждавшегося II Думой, заключалась в замене существующего многообразия местных судебных органов (волостной суд, земские участковые начальники, городские судьи, выборные и назначаемые от правительства мировые судьи) единой судебной инстанцией – мировым судом, действующим на началах выборности. Мировой суд в будущей его постановке должен был поглотить сословный волостной суд.

Обсуждение проекта о местной юстиции шло во II Думе с 28 мая по 2 июня 1907 г.

Министр юстиции И.Г. Щегловитов выступил во II Думе с резкой критикой волостного суда: «Состоя из людей недостаточно развитых, нередко малограмотных и к тому же лишенных в своей деятельности всякой самостоятельности, волостной суд, как в прошлом, так и в настоящем, не отвечает своему назначению – быть проводником в сельской жизни начал права и законности. <...> Не может быть серьезных споров по вопросу о замене их (волостных судов. – *М.Н.*) мировым судом.

⁶³ См.: Государственная дума. Второй Созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. Журнал Государственной думы № 34. IV, 14. VIII, 17. С. 123-138.

Единственно достойное внимания соображение, которое могло быть приведено в защиту волостного суда - невозможность распространения писаного закона на некоторые области правовых отношений крестьян - отпадает ввиду предполагаемого представления мировым судьям права руководствоваться в этих областях обычаем»⁶⁴.

И в думской комиссии, и в заседаниях общего собрания звучали предложения о создании коллегиальной низшей судебной инстанции (по типу гминного суда, или с добавлением к мировому судье заседателей), но эти отдельные предложения терялись в общем хоре голосов, высказывавшихся в пользу единоличного судьи.

Встал вопрос о том, должен ли этот единоличный мировой судья быть выборным или назначаемым от правительства. Министерский проект предусматривал выборное начало. Причем выборы мировых судей должны были осуществляться органами местного самоуправления - земскими собраниями и городскими думами. Думская комиссия теоретически обосновала преимущество принципа правительственного назначения низшей судебной инстанции, но учитывая недостаток юридических кадров в стране, существующее противостояние между правительством и обществом (что могло повлечь недоверие со стороны населения к назначаемому правительством судье) согласилась с предложением министра юстиции об учреждении должности выборного мирового судьи. При этом комиссия выражала надежду на то, что местное самоуправление в скором времени будет реформировано на демократических началах и выборы судей

⁶⁴ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. Т. 2. Ст. 1345-1346.

будут осуществляться не узкосословными земскими собраниями и городскими думами, рекрутировавшими судей из поместного дворянства, фабрикантов, крупных домовладельцев и подобных категорий населения, а вновь созданными всесословными органами, которые придадут такой же характер и выборам судей⁶⁵.

И.Г. Щегловитов отстаивал в Думе имущественный ценз, которому должны были отвечать мировые судьи, как неотъемлемое условие их независимости - «относительная материальная обеспеченность представляется одним из наиболее надежных залогов независимости»⁶⁶. Предусмотренный министерским проектом выборный мировой судья должен был отвечать имущественному цензу, уменьшенному по сравнению с уставами 1864 г. примерно вдвое и предполагавшему владение землей в размере земского ценза, или другим недвижимым имуществом ценой не менее 7,5 тыс. руб. в сельской местности, 3 тыс. руб. в столицах, 1,5 тыс. руб. в других городах, или уплачивать квартирный налог в минимальном размере от 16 до 45 руб.⁶⁷ При таком подходе мировые судьи стали бы рекрутироваться из представителей привилегированных сословий и приносить в толкование права свойственное им мировоззрение.

Идя на уступки думской комиссии, которая была против установления имущественного ценза, министр юстиции согласился сделать исключение для лиц, обладавших высшим юриди-

⁶⁵ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. Т. 2. Ст.ст. 1337-1339.

⁶⁶ Там же. Ст. 1349.

⁶⁷ Там же. Ст.ст. 1350-1351.

ческим образованием, сняв для них условия ценза, поскольку они «независимы по другим, кроме материального благосостояния, свойствам своего положения и характера»⁶⁸.

Предложенное министерским проектом и казавшееся разумным, на первый взгляд, требование от кандидатов в мировые судьи трехлетнего стажа работы в должностях, позволявших приобрести опыт по отправлению судопроизводства, могло, по мнению думской комиссии, открыть путь на эти должности бывшим земским участковым начальникам. Такого рода преемственность между непопулярным институтом земских участковых начальников и вновь проектируемым учреждением сразу же могла подорвать авторитет последнего⁶⁹. Большинством голосов думской комиссии требование трехлетнего пребывания в должностях или прохождение соответствующего испытания для лиц со средним образованием было отвергнуто.

Если проект министерства юстиции предусматривал шестилетний срок пребывания в должности мирового судьи, то думская комиссия высказалась за установление трехлетнего срока⁷⁰.

Проект, представленный министерством юстиции, предполагал объединение местных судов с общими судебными установлениями. С этой целью в апелляционную инстанцию наряду с мировыми судьями должен был входить уездный член окружного суда. Такое устройство апелляционной инстанции предусматривалось и проектами муравьевской комиссии. Комиссия

⁶⁸ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. Т. 2. Ст. 1348.

⁶⁹ Там же. Ст.ст. 1348-1349.

⁷⁰ Там же. Ст.ст. 1346-1347.

II Думы высказалась против введения в апелляционную инстанцию по отношению к местному суду неоднородного с мировыми судьями элемента — уездного члена окружного суда. Министр юстиции продолжал отстаивать свой проект устройства апелляционной инстанции. Думская комиссия, в свою очередь, остановившись на принципе выборности апелляционной инстанции, считала, что состав ее мог быть как особым, т.е. с участием специально для этого избранных лиц, так и по принципу организации съездов мировых судей, предусмотренных уставами 1864 г.⁷¹ Значимость дискуссии по вопросу об устройстве апелляционной инстанции объяснялась тем, что в этом случае решался вопрос о том, войдет ли проектируемый мировой суд в общий строй судебных учреждений России или будет восстановлено введенное уставами 1864 г. деление на две параллельные и независимые друг от друга системы: мировые суды и общие судебные установления.

Во II Думе (в заседаниях думской комиссии) шла полемика и по вопросу о применении обычного права. По выражению председателя думской комиссии по реформе местной юстиции И.В. Гессена, «...этот вопрос, и сам по себе весьма спорный, у нас сделался великим спором между народничеством и марксизмом»⁷². Народники, отстаивая особый, отличный от Западной Европы путь развития России и делая в политической борьбе ставку на крестьянство, превратили обычай в один из лозунгов своей программы. Представители марксизма напро-

⁷¹ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. Т. 2. Ст.ст. 1341-1343, 1354.

⁷² Там же. Ст. 1332.

тив, отказывались считаться с обычным правом, действовавшим в крестьянской среде.

Проект министерства юстиции не мог не учитывать обычное право, но ограничивал его применение ссылкой сторон или непосредственным усмотрением судьи. Думская комиссия в этом направлении пошла дальше и предусмотрела применение обычая в тех случаях, когда он не противоречил прямому запрещению закона⁷³. Принятие подобного законодательного предложения вызвало бы критику из-за своей расплывчатости и неопределенности, особенно, если принять во внимание отсутствие кодифицированных норм гражданского права.

Законопроект о местном суде был последним, рассматривавшимся II Государственной думой накануне ее роспуска. Судя по выступлениям депутатов 2 июня 1907 г., нашедших отражение в стенографических отчетах, они знали о готовящемся государственном перевороте. Некоторые из депутатов предлагали прервать обсуждение проекта о местной юстиции и принять меры к разрешению назревшего кризиса. Надо отдать должное выдержке депутатов: большинством голосов II Государственная дума приняла решение не нарушать установленного порядка обсуждения.

Из-за роспуска II Государственной думы рассмотрение законопроекта об устройстве местной юстиции не было завершено.

После созыва III Государственной думы фракция Союза 17 октября предложила немедленно учредить комиссию по судебным реформам. Это обосновывалось как значимостью данного вопроса, так и большим числом внесенных по нему законо-

⁷³ Там же. Ст. 1390.

проектов. Каждая думская фракция стремилась предложить свой проект судебной реформы. Было отмечено, что только по вопросу о местном суде в Думу внесено 25 законопроектов⁷⁴. Комиссия по судебным реформам была образована 4 декабря 1907 г. В состав ее вошли 55 человек⁷⁵. Деятельность комиссии продолжалась около двух лет. И основным вопросом в ее работе стал опять же вопрос о местном суде.

Значимость реформы местной юстиции в общем контексте преобразований, предполагаемых с целью уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, одинаково признавали и думские депутаты, и правительство. П.А. Столыпин в речи, произнесенной на заседании III Государственной думы 16 ноября 1907 г., сказал: «Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательные учреждения заложат то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное Русское Государственное здание»⁷⁶. В том же выступлении П.А. Столыпин подчеркивал, что «принципиальное значение имеет представленный в Думу проект министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого – о неприкосновенности личности, и целый ряд преобразований в местном управлении»⁷⁷.

⁷⁴ См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Заседание IV. Ст. 253.

⁷⁵ Там же. Заседание XIII. Ст. 749.

⁷⁶ Сборник речей П.А. Столыпина... С. 45.

⁷⁷ Там же. С. 47.

Действительно, в стране, где большую часть населения составляли крестьяне, хотя и вышедшие из крепостной зависимости, но не ставшие на общегражданский путь (сохранялась сословная волость, обычное право, волостные суды, не говоря уже о пережитках в сознании людей), ничего не могло быть более значимо, чем обеспечение правовых нужд крестьян. В этом русле и шла подготовка реформы местной юстиции.

30 октября 1909 г. было начато обсуждение законопроекта о местном суде в III Думе. Развернулась острая дискуссия, в центре которой, как и во II Думе, стоял вопрос о возможности и необходимости сохранения в России волостного суда. Министр юстиции опять выступил с резкой критикой этого суда, назвав его «в высшей степени неудовлетворительным, как ввиду недостаточности образования судей, так и ввиду низкого нравственного уровня, на котором стоят многие из них»⁷⁸. К тому же он заявил, что «весьма существенному сомнению подвергается само существование у крестьян обычного права в точном смысле этого слова»⁷⁹.

Еще более резкие выпады в адрес волостного суда позволил себе председатель комиссии III Думы по судебной реформе Шубинский. «Нравственная сторона волостного суда, — заявил он, — всем нам ведома в тысяче анекдотических рассказов, (...) там царствует полбутылка, царствует кабак, там накануне решения дел судья заседает с тем, кого надо судить, в кабаке, опивается, дает обещания. (...) Что касается умственной стороны волостного суда, то ведь она прямо в

⁷⁸ Государственная Дума. Третий созыв. 1909. Сессия III. Ч. 1. Ст. 1049.

⁷⁹ Там же. Ст. 1050.

детском состоянии. Ведь сами же судьи говорят: мы неграмотны; ведь в громадном большинстве лучшие из них умеют рисовать фамилию»⁸⁰. Шубинский высказался и в плане отрицания действия обычного права в крестьянской среде: «Обычай есть отрицание закона. (...) В уголовной сфере вы натолкнетесь на необычайные понятия - «женщина не человек» и т.д. (...) По обычаю у нас крадут, жгут, буянят, и хотя это действительно так, но их будут оправдывать... Помилуйте, праздник!»⁸¹

Судя по тому, что министр юстиции и председатель думской комиссии по судебной реформе выступали в одном ключе, между ними по обсуждавшемуся вопросу не возникало серьезных разногласий. Соответственно общими усилиями они спроектировали низшую судебную инстанцию в лице единоличного мирового судьи, отвечавшего условиям имущественного ценза (комиссия отказалась от предложенного министром юстиции ценза в 100 руб. налога в год в пользу старого ценза по числу десятин, который понижался вдвое против действующего). Лица с высшим юридическим образованием предполагалось освободить от имущественного ценза, если они были местными жителями и не менее 5-ти лет прожили в губернии, в которой избирались. Выборы мировых судей вверялись, как и по уставам 1864 г., земским собраниям. Эти собрания по своему составу совпадали с земледельческой и первой городской курией нового избирательного закона, на основании которого была сформирована III Дума. Поэтому думское большинство

⁸⁰ Там же. Ст. 1034.

⁸¹ Там же. Ст. 1039.

должно было охотно принять в свои руки избрание мировых судей.

Предложенный III Думе проект реформы местной юстиции был одобрен фракциями октябристов и кадетов и поддержан думским большинством. Однако на защиту волостного суда встали депутаты от крестьян. Возражения крестьян сводились к следующему: волостной суд, как он ни плох, все же доступен для крестьян, близок им, свободен от всяких формальностей; судьями в волостном суде являются сами же крестьяне, знакомые с местным бытом и обычаями; мировых судей будет гораздо меньше, чем волостных, так что они не будут так близки и доступны населению; возможность руководствоваться местными обычаями поставлена для мирового судьи в узкие рамки - он может руководствоваться обычаями лишь в наследственных и имущественных семейных делах, в остальных же - должен применять общие гражданские законы, в то время как обычаи у крестьян существуют не только в этих областях, но так же и в сфере обязательственного права и др.

Резкий отпор со стороны крестьянских депутатов вызвали прозвучавшие с думской трибуны обвинения в низком нравственном и умственном уровне волостных судей. В самом деле, нелепо звучали обвинения со стороны представителей привилегированных сословий в адрес крестьян в низком уровне их развития и нравственности⁸².

Крестьянские депутаты предложили III Думе свое видение устройства низшего звена судебной системы.

⁸² См.: Государственная Дума. Третий созыв. Ст.ст. 1059-1297.

Одна группа, главным образом левые крестьяне, трудовики, предлагала учредить на местах коллегиальный суд, в который наряду с мировым судьей входили бы два представителя от местного населения. Такая конструкция суда позволила бы соединить юридические знания мирового судьи и владение обычаями и местными условиями со стороны заседателей. В городах по проекту этой группы можно было бы учредить должности единоличных мировых судей, но в сельской местности - только смешанный коллегиальный суд. Мировых судей предлагалось избирать всем населением участка, а не земскими собраниями и городскими думами, как предусматривалось в министерском проекте и проекте думской комиссии. По мнению этой группы депутатов, при выборах мировых судей органами местного самоуправления та партия, которая получит большинство мест в земском собрании или городской думе, будет формировать и судейский корпус в низшем звене. И только путем непосредственных выборов можно создать внепартийный суд.

Для занятия должности мирового судьи в городе данный проект предусматривал обязательное высшее юридическое образование, в сельской местности - менее высокий образовательный ценз. Имущественный ценз не предусматривался. Мировых заседателей предполагалось избирать отдельно в каждой волости всем ее населением из грамотных лиц, без различия сословий. Мировые судьи согласно проекту должны были приезжать в волость и отправлять правосудие при участии двух заседателей из местного населения. В качестве апелляционной инстанции предусматривался мировой съезд, а кассационной - Сенат. Эту позицию в Думе наиболее последова-

тельно отстаивал депутат Челышов, представлявший Самарскую губернию. Им было зачитано заявление от имени 45 крестьян - депутатов III Государственной думы⁸³.

Другая группа, главным образом правые крестьяне, настаивала на введении в России низшего звена судебной системы наподобие гминного суда Царства Польского. Действовал этот суд лишь в сельской местности (в городах сохранялись должности мировых судей). Гминный суд состоял из гминного судьи и лавников в количестве не менее 3 человек. И первый, и вторые избирались гминным сходом на 3 года. Но избирались они, в отличие от судей волостных судов, не обязательно из крестьян, а из всего населения гмины без различия сословий. Поэтому гминные суды, в отличие от волостных, являлись всесословными судами. Введение в центральных губерниях России суда наподобие гминного зависело от введения всесословной волости. Для избрания на должность гминного судьи требовалось окончание какого-нибудь учебного заведения или трехлетняя служба в должностях, которые могли дать необходимые для судьи практические навыки. Для избрания лавников - только грамотность на русском языке. Избранные судьи и лавники подлежали утверждению администрацией. Эту точку зрения отстаивал в Думе депутат от Ставропольской губернии Ляхницкий, аргументируя ее данными анкетирования крестьян 65-ти губерний⁸⁴.

Несмотря на различия в предложениях левых и правых депутатов от крестьян, они были единодушны в одном - волост-

⁸³ Государственная Дума. Третий созыв. Ст.ст. 1059-1074.

⁸⁴ См.: Государственная дума. Третий созыв. Ст.ст. 1287-1297.

ной суд не может быть уничтожен бесследно, взамен его должен быть создан суд коллегиальный, близкий к населению, формируемый путем непосредственных выборов, доступный всем и знакомый с местными обычаями и нравами. Одним словом, суд, обладавший всеми достоинствами и лишенный всех недостатков волостного суда.

В качестве возражения на крестьянские проекты устройства местной юстиции выдвигалась его дороговизна, когда бы пришлось оплачивать труд не только единоличного судьи, но и заседателей. Именно низкая оплата труда волостных судей признавалась одной из главных причин неудовлетворительного состояния этого суда. Приличное же жалование для волостных судей или для проектируемых крестьянами заседателей могло оказаться не по карману государству.

Против первой формы суда (мировой судья с заседателями из крестьян) возражали в том смысле, что крестьянские заседатели будут только лишним балластом для мирового судьи, так как, работая с ним, не смогут проявить никакой самостоятельности: мировой судья, стоящий гораздо выше их по образовательному уровню и служебному положению, будет всегда вести их на поводу. Если же по какой-либо причине заседатели из крестьян сумеют отстоять свое мнение против позиции судьи, то это будет означать победу невежественного мнения над просвещенным.

Против повсеместного введения гминного суда приводились возражения об отсутствии всесословной волости, о том, что гминные суды - суды Царства Польского - не могут служить примером. Гминный суд отличался довольно высоким уровнем судей, поскольку, не имея возможности вследствие

ограниченности общественной и политической жизни в Царстве Польском занимать другие общественные должности, образованные поляки охотно избирались в гминные судьи.

Прения по общим основаниям реформы местной юстиции продолжались две недели. Большинство депутатов III Думы высказалось за упразднение волостных судов и должностей земских участковых начальников, за введение (или точнее; восстановление) института мировых судей, избираемых органами местного самоуправления⁸⁵. По вопросу об устройстве апелляционной инстанции было решено, что ею должен стать мировой съезд во главе с председателем, назначаемым высочайшей властью по представлению министра юстиции⁸⁶.

Уже при постатейном обсуждении проекта закона о местной юстиции развернулась оживленная полемика по вопросу о национальном языке судопроизводства. Статья 11¹ проекта предусматривала, что «судебное производство в судебных установлениях производится на русском языке»⁸⁷. Предложения социал-демократической фракции, прогрессистов, трудовиков о допущении в суде национального языка (в зависимости от того, на каком языке говорит большинство населения данной местности, от желания судящихся и тому подобным основаниям) были категорически отвергнуты министром юстиции: «Русский закон свои веления передает населению Российского государства на русском языке. (...) И суду, который должен быть стражем и исполнителем закона, надлежит облекать свои дей-

⁸⁵ См.: Государственная дума. Третий созыв. Ст.ст. 2751-2752.

⁸⁶ Там же. Ст.ст. 3202-3203.

⁸⁷ Там же. Ст. 2942.

ствия и веления, соответствующие закону, на том самом общегосударственном русском языке, на котором к населению обращается законодательная власть»⁸⁸. Предложения и поправки о введении национального языка судопроизводства при голосовании не прошли⁸⁹.

29 мая 1910 г. законопроект о местном суде поступил в Государственный совет. Для предварительного обсуждения реформы местного суда опять же была образована Особая комиссия Государственного совета. Она проработала около полутора лет. Выводы комиссии разошлись с мнением думского большинства.

Комиссия пришла к выводу о необходимости сохранения волостного суда, предложив Государственному совету подавляющим большинством голосов (23 против 4) «устранить не волостной суд, а лишь его недочеты»⁹⁰. В защиту волостного суда комиссия приводила следующие доводы: 1) волостной суд при всех его недостатках обладает одним бесспорным преимуществом — доступностью; 2) простота разбирательства судебного дела уравнивает тяжущиеся стороны; 3) волостные судьи, сами принадлежащие к крестьянской среде, легко разбираются в домогательствах и интересах обратившихся к ним крестьян. При этом предлагалось ограничить подсудность волостного суда по гражданским делам с 300 до 100 руб., а уголовную подсудность установить в пределах статей Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривав-

⁸⁸ Там же. Ст. 2945.

⁸⁹ Там же. Ст.ст. 3084-3087.

⁹⁰ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 7. 1911-1912 гг. Ст. 1760.

ших санкции в виде штрафа в размере 100 руб. или ареста до 1 месяца. В качестве апелляционной инстанции по отношению к волостным судьям предлагалось учредить верхний сельский суд под председательством мирового судьи с двумя членами, являвшимися председателями волостных судов⁹¹.

Представляет интерес перемена взглядов правительства по вопросу об устройстве местной юстиции. За ликвидацию волостного суда высказывались известные государственные деятели в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, председатель Совета министров П.А. Столыпин, декларируя правительственные программы II и III Думам, министр юстиции И.Г. Щегловитов, докладывавший во II и III Думах проект переустройства местной юстиции. Однако на заседании Государственного совета И.Г. Щегловитов неожиданно заявил, что правительство «не возражает против сохранения суда на тех основаниях, которые предполагаются Особой комиссией государственного совета»⁹². Вместе с тем министр юстиции предложил рассматривать волостной суд как временное учреждение. Хотя министр и называл новые правила о волостном суде «временными» и выразил надежду, что в недалеком будущем с образованием всесословной волости необходимость в сохранении такого учреждения отпадет⁹³, достаточно вспомнить, что временные правила о волостном суде 1889 г. просуществовали четверть столетия.

Хотя раздавались авторитетные требования об упразднении волостных судов - так, С.Ю. Витте заявил, что «после

⁹¹ Там же. Ст.ст. 1759-1760.

⁹² Там же. Ст. 1790.

⁹³ Там же. Ст. 1789.

всего пережитого Россией со времени освобождения крестьян, мы в новом законе опять намерены провозгласить, что крестьянство все-таки не доросло до того, чтобы к нему в отношении способов охранения и восстановления нарушенного права применялись те же основания, какие применяются к другим подданным»⁹⁴, - большинство членов Государственного совета проголосовало за сохранение волостного суда. Однако волостной суд предполагалось преобразовать на началах, предложенных Комиссией Государственного совета, и ввести в общий строй судебных установлений⁹⁵.

Вновь встал вопрос и о судебной власти земских участковых начальников. Из 137 лиц, принявших участие в голосовании по данному вопросу в Государственном совете, 92 человека проголосовали против этого института, 45 - за его сохранение⁹⁶.

При обсуждении вопроса об устройстве апелляционной инстанции в отношении волостных судей было исключено из проекта предложение об участии мирового судьи в верхнем сельском суде в качестве председательствующего⁹⁷.

В Государственном совете, как и в Государственной думе, шла полемика по вопросу о формировании мирового суда. Многие члены Государственного совета, среди которых были известные юристы, отстаивали принцип правительственного назначения мирового судьи, обосновывая его преимущество

⁹⁴ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 7. 1911-1912 гг. Ст. 1901.

⁹⁵ Там же. Ст.ст. 1966-1967.

⁹⁶ Там же. Ст. 1966.

⁹⁷ Там же. Ст. 2058-2075.

главным образом тем, что в этом случае правительство берет на себя ответственность за состав суда. Так, профессор права Н.С. Таганцев, адвокат С.А. Андреевский высказались за назначение единоличного мирового судьи от правительства. А бывший прокурор Петербургской судебной палаты В.Ф. Дейтрих подверг резкой критике принцип выборности, утверждая, что «осуществить выборное начало в местном суде нельзя. (...) Выборы.. есть избрание из числа нескольких лиц достойнейшего. Значит, мест должно быть меньше, чем лиц, из которых приходится выбирать. (...) Количество лиц культурного населения очень мало. (...) Требование на культурный элемент гораздо обширнее». Он предостерегал от того, что мировой суд «...будет пополняться исключительно отбросами судебного ведомства»⁹⁸. Однако, несмотря на столь авторитетные возражения, большинство членов Совета проголосовало за избрание мировых судей⁹⁹.

Таким образом, законопроект в том виде, в каком он вышел из Государственного совета, противоречил позиции III Думы по данному вопросу. Для устранения противоречий была образована согласительная комиссия из представителей обоих органов, в которую входило всего 20 человек. Члены согласительной комиссии от Думы, чья задача заключалась в отстаивании парламентской концепции местного суда, почти без сопротивления уступили, согласившись с проектом Государственного совета.

⁹⁸ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 7. 1911-1912 гг. Ст.ст. 2433-2434.

⁹⁹ Там же. Ст. 2456.

При обсуждении в Думе доклада согласительной комиссии по реформе местного суда 16 мая 1912 г. левое крыло выступило с заявлением, под которым подписались 53 депутата, где предлагалось «передать доклад согласительной комиссии о реформе местного суда, как заключающий в себе новый закон об учреждении волостного суда, еще не обсуждавшийся в Государственной думе, согласно 61 параграфу Наказа, в комиссию по судебным реформам»¹⁰⁰.

В ходе поименного голосования из 292 человек за передачу проекта в комиссию проголосовало 113 человек, против — 175, при 4 воздержавшихся¹⁰¹.

Полномочия III Государственной думы заканчивались. Длительное обсуждение (требовалось начать обсуждение со стадии работы комиссии) привело бы к тому, что законопроект не был бы принят вообще. И так на его подготовку и обсуждение в высших государственных органах ушло более семи лет. Пожалуй, этим можно объяснить, что, несмотря на принципиальные отличия проекта о местной юстиции, в том виде, в каком он вышел из Государственного совета и согласительной комиссии от первоначального думского варианта, он все-таки стал законом. Как отмечал в своем выступлении лидер октябристов Гучков, «...при всех недостатках этого закона он вносит в нашу жизнь крупный плюс. Ведь он окончательно разрывает связь между администрацией и судом, он делает суд независимым, он передает избрание судей в руки земских учреждений. Если он не упраздняет волостного суда, то раз-

¹⁰⁰ Государственная дума. Третий Созыв. Сессия V. Ч. IV. 1912. Ст. 1505.

¹⁰¹ Там же. Ст. 1537.

ве он его не реформирует? Разве этот близкий надзор хорошего мирового суда над волостным судом, разве это не есть гарантия правильного функционирования этого суда? А принятие значительной части расходов по содержанию волостного суда со слабых плеч крестьян ... на государственное казначейство, разве это не означает и финансового облегчения для нашего крестьянства и улучшения личного состава тех волостных судей, которые будут уже прилично оплачиваться?»¹⁰². Гучков призвал всех присутствующих принять предложенный законопроект, поскольку полномочия III Думы заканчивались, реформа местной юстиции была одним из основных направлений ее деятельности, и если проект не вносил радикальных изменений, то, во всяком случае, он вносил некоторые улучшения в деятельность волостного суда¹⁰³.

Проект закона о местном суде прошел в III Думе при по-
статейном голосовании¹⁰⁴.

Таким образом, закон от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда предусматривал следующее устройство низовых звеньев судебной системы.

Волостные суды, хотя и сохраняли свой сословный характер (оставались крестьянскими судами), но вводились в общую систему судебных установлений в качестве низшей инстанции местного суда ст. 2. До этого закона они были судами «особенными», стоящими совершенно в стороне от остальных судов империи. Новый же закон связывал волостные

¹⁰² Государственная дума. Третий Созыв. Сессия V. Ч. IV. 1912. Ст.ст. 1517-1518.

¹⁰³ Там же. Ст.ст. 1505-1602.

¹⁰⁴ Там же. Ст.ст. 1664-1761, 1817-1905, 2014-2076.

суды многочисленными нитями с мировыми судами. Волостные суды учреждались по одному на каждую волость. Однако министру юстиции по согласованию с министром внутренних дел предоставлялось право объединить несколько малолюдных волостей в одну или, напротив, разделить многолюдные волости на два или несколько судебных участков.

В состав волостного суда входили: председатель, два члена и два кандидата. Число членов волостных судов и кандидатов в многолюдных волостях могло быть увеличено до шести. В состав же присутствия волостного суда всегда включались только три человека - председатель и двое судей. На должности волостных судей могли быть избраны крестьяне-домохозяева, грамотные, достигшие 30-летнего возраста, русские подданные. Закон запрещал совмещение должности волостного судьи с какой-либо другой должностью по волостному или сельскому управлению.

Если по закону 1889 г. населением избирались только кандидаты в волостные судьи, а земский начальник назначал из их числа состав волостного суда, то по новому закону сельские общества выбирали волостных судей непосредственно, хотя и путем двухстепенных выборов. Каждое сельское общество избирало одного выборщика на 100 дворов в числе не меньше 18. Выборщики же из своей среды путем тайного голосования выбирали отдельно председателя суда, затем судей и кандидатов в судьи. На собрании выборщиков председательствовал мировой судья. Судьи избирались сроком на 3 года. Однако, несмотря на такой достаточно демократичный порядок избрания волостного суда, утверждение избранных судей отдавалось во власть мирового съезда, который мог

стать средством контроля за процессом формирования волостного суда.

Закон 1912 г. в отличие от прежних порядков освобождал волостных судей от административных взысканий (наложение ареста и денежных штрафов по распоряжению административных властей) и ставил их в особое положение по сравнению с другими должностными лицами волостного управления, служившими по выборам. Однако судьи волостных судов не были наделены несменяемостью. Напротив, новый закон по сравнению с предшествующим еще больше увеличивал число поводов для удаления волостных судей от должности. Волостные судьи могли быть уволены не только за различные проступки по должности, но также и за «предосудительное и несоответствующее достоинству судьи поведение». На волостных судей мировыми съездами могли налагаться следующие взыскания: замечание, выговор, штраф до 15 руб., удаление от должности. По сравнению с законом 1889 г. было значительно увеличено жалование волостных судей.

Волостные суды в зависимости от количества разбираемых ими дел делились на два разряда. В судах первого разряда жалование председателя устанавливалось в 480 руб. в год, судей - в 120 руб.; в судах второго разряда соответственно в 360 и 100 руб. в год. Кроме того, в волостных судах устанавливалась должность секретаря с жалованием от 300 до 360 руб. в год.

Заседания волостного суда должны были проходить не реже двух раз в месяц.

По гражданским делам волостным судам были подсудны споры о наделной земле, находящейся в общинном пользова-

нии, а также дела по наследованию и разделам крестьянского имущества, входящего в состав надела, без ограничения суммы. Подсудность для споров о движимом имуществе ограничивалась суммой иска в 100 руб. Подсудность по делам о разделе между наследниками движимого имущества, не входящего в надел, оставалась прежней - 500 руб. При установлении такого рода подсудности по гражданским делам принималось во внимание действие в крестьянской среде обычного права, которое распространялось прежде всего на наделное имущество и порядок наследования.

По уголовным делам волостным судьям были подсудны проступки крестьян главным образом о нарушении ими благочиния или правил безопасности, когда наказания за эти проступки не превышали 100 руб. штрафа и ареста сроком на 1 месяц. Таким образом, по сравнению с правилами 1889 г. уголовная подсудность волостного суда была существенно ограничена и волостные суды были ориентированы на рассмотрение мелких дел, связанных с нарушением общественного порядка. В то же время изымались из их ведения и передавались в мировой суд дела о кражах, мошенничестве, присвоении чужого имущества, за которые прежде волостные суды могли назначать арест до 30 дней без ограничения прав состояния. Государственный совет счел, что столь мягкие наказания, налагаемые на крестьян за данные преступления, не способствуют росту народного правосознания. По уголовным делам волостные судьи должны были руководствоваться Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Не выдерживает критики позиция закона, требовавшая от сторон обязательной личной явки в суд и не предусматривав-

шая для крестьян представительства их интересов в волостном суде присяжными или частными поверенными. Это обосновывалось тем, что волостной суд должен быть судом даровым, где не следует допускать преимущества для людей богатых, имеющих возможность нанять себе адвоката. Получалось, что, искусственно обеспечивая равенство крестьян перед судом, ограничивали при этом их право на получение юридической помощи. В то же время в апелляционной инстанции дела крестьян могли вестись адвокатами.

Апелляционной инстанцией для волостного суда являлся верхний сельский суд. Он состоял из мирового судьи в качестве председателя и двух председателей волостных судов в качестве членов, заседающих по установленной мировым съездом очереди. Такое устройство апелляционной инстанции, проектированное Особой комиссией Государственного совета близко напоминало ту форму волостного суда, которую предлагали в качестве первой инстанции волостного суда левые крестьяне - депутаты III Думы.

Кассационной инстанцией для волостных судов являлся мировой съезд. В случае отмены решения верхнего сельского суда мировой съезд передавал дело на рассмотрение другого верхнего сельского суда. Однако установленное в новом законе устройство кассационной инстанции нарушало принцип единства кассации - дела, подсудные волостным судьям, никогда не могли попасть на рассмотрение Сената.

Сроки обжалования решений волостного суда устанавливались в 30 дней по гражданским делам, в две недели - по уголовным.

По мнению депутата Масленникова, представлявшего прогрессивную группу, после длительного обсуждения законопроекта о местной юстиции в Государственной думе, затем в Государственном совете, где во главу угла ставился вопрос об уравнивании крестьян в правах, прежде всего в праве на судебную защиту их законных интересов, с другими сословиями, «благодаря сумятице» стало возможным «надуть крестьян и преподнести им вместо реформы то же самое...»¹⁰⁵. Конечно, нельзя отрицать некоторого усовершенствования в устройстве волостного суда по сравнению с предшествующим состоянием — введение его в общий строй судебных учреждений, существенное увеличение денежного содержания волостным судьям, подконтрольность не земскому участковому начальнику, а мировому съезду. Тем не менее, принципиальный вопрос о выравнивании правового статуса крестьян с представителями других сословий оставался открытым.

Самым ценным положением закона от 15 июня 1912 г. следует считать восстановление в России мировой юстиции и уничтожение института земских участковых начальников.

Мировые судьи по закону 15 июня 1912 г. избирались сроком на 3 года уездными земскими собраниями и городскими думами. Судья, прослуживший 3 года, мог быть избран в дальнейшем на 6 лет¹⁰⁶. Избранные судьи подлежали утверждению Первым департаментом Сената.

¹⁰⁵ Государственная дума. Третий Созыв. Сессия V. Ч. IV. 1912. Ст. 1534.

¹⁰⁶ Учр. суд. уст. Ст.ст. 23, 30-32. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

Мировые судьи по-прежнему делились на участковых, почетных и добавочных¹⁰⁷. Мировым судьей могло быть избрано лицо, обладавшее высшим юридическим образованием или средним образованием при условии трехлетней службы, а шестилетняя служба в определенных должностях (предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, земского участкового начальника или секретаря судебного съезда) делала должность мирового судьи доступной и для лиц, не имеющих даже среднего образования¹⁰⁸. Таким образом, закон открывал дорогу в мировые судьи земским участковым начальникам. В том случае, когда мировой судья за неимением подходящего кандидата не мог быть избран, допускалось назначение мирового судьи. Для назначаемых судей было обязательно высшее юридическое образование¹⁰⁹.

По сравнению с уставами 1864 г. земельный ценз при выборах мировых судей был снижен вдвое. Теперь требовалось владение недвижимостью в размере, определенном для выборов гласных в уездные земские собрания, а для владеющих землей в губернии, где производятся выборы, — даже в половине этого размера. Неземельный ценз оставался прежним: в уездах — владение недвижимостью в размере не менее 15 тыс. руб., в столицах — не менее 6 тыс. руб., в других местностях — не ниже 3 тыс. руб. Даже лица с высшим юридическим образованием при выборах на должности мировых судей не освобождались от требований имущественного ценза, как предлагалось в ходе обсуждения законопроекта в Государственной

¹⁰⁷ Там же. Ст.ст. 14-16.

¹⁰⁸ Там же. Ст. 19.

¹⁰⁹ Там же. Ст. 38.

думе. Однако закон шел им навстречу, устанавливая имущественный ценз в половинном размере. Для судей по назначению имущественный ценз не требовался¹¹⁰.

Снижение вдвое имущественного ценза, установленного на основе владения землей, при сохранении прежних, закрепленных уставами 1864 г. или предусмотренных для выборов земских гласных цензовых условий для владения другим имуществом, говорит о том, что предпочтительные условия при выборах мировых судей по закону 1912 г. получали землевладельцы, в которых правительство видело свою опору и доверяло им более, чем представителям других сословий. Таким образом, судебная власть на местах вверялась прежде всего лицам имущим, и лучше, говорил закон, если это будет наличие земельной собственности. Образовательный ценз — даже наличие высшего юридического образования — имел второстепенное значение.

В качестве апелляционной инстанции для мировых судей устанавливались мировые съезды, состоявшие из мировых судей округа под председательством лица, назначаемого правительством¹¹¹. Председатель мирового съезда назначался высочайшей властью по представлению министра юстиции из лиц, которые могли занимать по судебному ведомству должности не ниже члена окружного суда либо из участковых мировых судей, прослуживших в этой должности не менее трех лет. В Петербурге, Москве и некоторых других городах председатель избирался мировыми судьями на 3 года из своей среды. Пред-

¹¹⁰ Там же. Ст. 19.

¹¹¹ Учр. суд. уст. Ст. 17. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

ложение о назначении правительством председателя мирового съезда, отвергнутое Государственной думой, затем было восстановлено в Государственном совете.

Законом 15 июня 1912 г. была значительно расширена подсудность мирового суда по сравнению с уставами 1864 г. По гражданским делам им стали подсудны иски до 1000 руб. (раньше до 500 руб.)¹¹². По уголовным делам - все преступные деяния, за которые налагалось наказание не выше тюрьмы без лишения прав состояния. Мировые судьи могли налагать денежные штрафы и взыскания до 1000 руб.¹¹³ Таким образом, значительная часть подсудных ранее окружным судам дел отошла в мировые суды. Новые правила о подсудности мировых судов созвучны положениям проектов муравьевской комиссии о подсудности дел единоличным участковым судьям.

Кассационной инстанцией для мировых судей был Сенат.

В Законе 15 июня 1912 г. был положительно решен вызвавший оживленную дискуссию в ходе его подготовки вопрос о применении обычного права из-за сохранения обусловленной этим обособленности крестьян среди других сословий.

Суд при постановлении решения мог по ссылке одной или обеих сторон руководствоваться общеизвестными местными обычаями, когда применение местных обычаев дозволялось именно законом, или в случаях, положительно не разрешаемых законами. Сторона, ссылавшаяся в подтверждение своих требований на неизвестный суду местный обычай, обязана была

¹¹² Уст. гражд. суд. Ст. 29. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

¹¹³ Уст. угол. суд. Ст. 33. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

доказать его существование¹¹⁴. При разрешении вопроса о существовании обычая суд мог принимать в соображение сверх общеустановленных доказательств прежние решения по однородным делам¹¹⁵.

Обсуждение и принятие закона о местном суде 15 июня 1912 г. со всей полнотой иллюстрирует половинчатость и непоследовательность политики правительства, задумавшего уравнивать крестьян в правовом отношении с другими сословиями, но не реализовавшего это начинание. Новый закон по сути своей восстанавливал с некоторыми коррективами многие положения уставов 1864 г., сохраняя Временные правила о волостном суде 1889 г.

На примере подготовки, обсуждения и принятия конкретного закона от 15 июня 1912 г. можно увидеть кризис государственных учреждений самодержавия: незрелость Государственной думы, «заговаривавшей» в спорах различных фракций прогрессивные и крайне необходимые для развития страны идеи и преобразования, нежелание Государственного совета считаться с мнением думского большинства и навязывавшего депутатам свое (или правительственное) видение проблемы.

Потребность в урегулировании правовой сферы деревни, в отмене института земских участковых начальников, в создании доступных населению судебных органов была очевидна настолько, что здесь сумели прийти к компромиссу противоборствующие силы. Самодержавие в начале XX в., даже осознав

¹¹⁴ Учр. суд. уст. Ст. 10¹. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

¹¹⁵ Уст. гражд. суд. Ст. 10². В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

значимость конкретного преобразования для развития страны и сумев предпринять шаги в этом направлении, остановилось на полпути, поскольку реформа по сути и содержанию оказывалась половинчатой и незавершенной.

В пореформенный период, как уже отмечалось, существовали две параллельные тенденции: на ограничение судебных уставов и на их усовершенствование. Отдельные проявления второй тенденции можно обнаружить и в законодательстве начала XX в. Отслеживая судебную политику самодержавия, нельзя не обратить внимание на частные поправки к уставам 1864 г.

К мерам, направленным на совершенствование судебной процедуры, следует отнести, например, закон от 2 марта 1910 г. о разрешении объяснять присяжным заседателям об угрожающем подсудимому наказании и другие законные последствия их вердикта¹¹⁶. Содержащийся в уставах 1864 г. запрет знакомить присяжных с предусмотренным санкцией уголовного закона наказанием, угрожавшим подсудимому, часто приводил к необоснованным, нелогичным вердиктам. Например, присяжные, полагая, что подсудимому угрожает жестокое наказание (а на уровне обыденного правосознания существует стремление усугублять такого рода вещи), предпочитали вынести оправдательный вердикт. Если бы судья и стороны в процессе могли разъяснить присяжным, что в действительности угрожает подсудимому, многих необоснованных вердиктов присяжных можно было бы избежать. Нецелесообразность и даже прямой вред требований уставов 1864 г., запрещавших знакомить присяжных с санкцией статьи уголовного закона и последст-

¹¹⁶ См.: Ж М Ю. 1910. Кн. IV. С. 3.

виями их вердикта, были очевидны с самых первых шагов применения судебных уставов. Однако, как видим, запрет продолжал действовать до 1910 г.

Закон от 26 ноября 1913 г. предусматривал назначение присяжным заседателям суточных и путевых денег от казны¹¹⁷. Достаточно вспомнить требования земских собраний 70-х гг. установить оплату нуждающимся присяжным заседателям из крестьян с тем, чтобы предотвратить случаи, когда присяжные заседатели вынуждены были оставаться на ночлег в зале судебного заседания, а в перерывах между заседаниями наниматься на поденную работу, просить милостыню, закладывать носильное платье и т.д. В указе Сената от 1878 г. последовал отказ. И только спустя почти полвека правительство пошло навстречу этим пожеланиям, согласившись на установление минимального размера суточных и путевых денег.

Такого рода поправки не оказали сколько-нибудь существенного влияния на состояние дел в судебной сфере. В то же время они свидетельствовали о совершенствовании судебной практики. Некоторые нормы брались из проектов муравьевской комиссии.

Таким образом, в политике самодержавия в сфере судостроительства и судопроизводства начала XX в. можно выделить следующие направления: 1) не увенчавшаяся успехом попытка осуществить полный и систематический пересмотр судебных уставов; 2) чрезвычайные мероприятия, обусловленные подъемом революционной активности масс (к ним следует отнести прежде всего закон о военно-полевых судах 1906 г.), и широко применявшиеся методы внесудебного преследования;

¹¹⁷ Там же. 1914. Кн. 1. С. 1.

3) реформа местной юстиции 1912 г., направленная на удовлетворение правовых нужд деревни и на укрепление крестьянского хозяйства как фундамента экономики страны;

4) частные, не носившие принципиального характера поправки к судебным уставам (некоторые из которых были позаимствованы из проектов муравьевской комиссии).

Политика самодержавия в судебной сфере в начале XX в. носит весьма противоречивый характер. Неудавшаяся попытка осуществить полный и систематический пересмотр уставов 1864 г. (как, впрочем, не состоялась и кодификация гражданского и уголовного права, потребность в которых в стране была во много крат больше, чем в судебных уставах новой редакции), что свидетельствовало о неспособности самодержавия проводить серьезные, нацеленные на перспективу преобразования. Декларации правительства о необходимости учреждения в России правового государства сочетаются в политике с чрезвычайными мерами (действие «Положения о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», военно-полевые суды). Понимание необходимости введения жизни деревни в правовое русло и обязательно-го предоставления крестьянам равных с другими сословиями прав выливалось в принятие после многолетнего обсуждения в Государственной думе I, II и III созывов компромиссного закона о местной юстиции. Этот закон, упразднив институт земских участковых начальников (что было несомненной заслугой), сохранил сословные крестьянские волостные суды и восстановил мировой суд преимущественно на тех началах, на которых он существовал до 1889 г.

Отсутствие серьезных преобразований в сфере суда (именно преобразований, а не их проектов) с конца 80-х гг. свидетельствует, что к тому времени установился баланс между новым судом и другими государственными институтами самодержавия. Демократические принципы и институты уставов 1864 г., которые шли вразрез с основными государственными институтами, были ограничены последующим законодательством, да и «попритерлись» на практике к существующим в стране порядкам. Судьи, формально наделенные независимостью и несменяемостью, фактически подпадали под влияние министерства юстиции. Для политических дел, где правительство особо нуждалось в суде, отвечавшем государственным устоям, параллельно с судебной процедурой применялись меры внесудебного преследования. Сложившееся положение вещей свидетельствует о самодостаточности ограничительных мероприятий правительства.

Парадокс судебной власти, похоже, состоит в том, что, она может оказаться эффективной только тогда, когда существует вне политики, в то время как власть придерживающиеся всегда стремятся превратить ее в средство политического влияния. В начале XX в. судебная система России не была свободна от политических целей правительства. Она «обслуживала» самодержавие в его стремлении к самосохранению.

Заключение

Итак, какими же оказались последствия самой демократической из реформ второй половины XIX в.?

Чем больше углубляешься в тему, тем лучше понимаешь, что не следует идеализировать судебную реформу 1864 г. В стране с абсолютистской формой правления, с сословным строем, при отсутствии элементарных гражданских прав и свобод, представительных государственных учреждений был введен демократический по своей природе суд. Правительство Александра II, учреждая такой суд, руководствовалось не только позитивными мотивами совершенствования судебного порядка, но и стремлением к самосохранению. Казалось, предоставив независимость и несменяемость судьям, гарантии прав личности в уголовном процессе, возможность защитить свой имущественный интерес в процессе гражданском, открыв двери судов для публики, самодержавие ничего не потеряет или потеряет немного. Главное, что определяет основу строя, сохранится: форма правления, система органов государственной власти и управления.

Если бы стремление самодержавия к самосохранению совпадало с его реформаторскими возможностями, то оно стало бы дальше следовать курсом реформ, внедряя в российскую действительность элементы конституционного строя, реформируя вслед за судеустройством и судопроизводством уголовное и гражданское материальное право.

Обособление судебной власти, и это общепризнанно, происходит еще в недрах абсолютизма. Возможно реформирование сначала институтов процессуального права, а затем

материального (в юридической науке существует мнение, обосновывающее примат первого над вторым). В то же время реформы должны идти поступательно. Однако российское правительство, уловив меру возможных уступок и выйдя из кризиса на рубеже 50-60-х гг. XIX в., успокаивается, перестает чувствовать ситуацию и управлять ею.

Начав процесс реформирования российской государственности с судебных преобразований, самодержавие не сумело его продолжить. Новый суд, основанный на демократических началах, вступил в противоречие с другими институтами самодержавия: независимость суда от администрации лишала монарха прерогатив в судебной сфере; несменяемость судей принципиально отличала их статус от других государственных служащих; равенство всех перед судом противоречило сословному строю с его привилегиями и ограничениями; участие в отправлении правосудия представителей общества - присяжных заседателей - допускалось при отсутствии элементов представительства в других сферах государственной деятельности.

Вместо того чтобы плавно продолжить развитие государственных институтов по тому пути, который был задан судебной реформой, правительство стремится выхолостить демократический дух уставов 1864 г. принятым в дополнение к ним законодательством, призванным если не ликвидировать, то, по крайней мере, сгладить сложившееся противоречие между судом и основами российской государственности. Этот процесс ограничения демократических начал судебных уставов был ускорен подъемом движения народников в стране в 70-х гг. - от пропагандистских тенденций, получивших название «хождения в

народ», до крайних проявлений в виде террора, объектами которого становились должностные лица государства, сам Александр II. В сложившихся условиях, усугублявшихся судебными процессами народников, суд не выполнял той роли, которая ему отводилась в абсолютистском государстве. Суд, основанный на началах гласности, состязательности, права обвиняемого на защиту, разрешал спор о праве, обеспечивал интересы личности, но не был орудием существующего режима.

Новый суд становится не только инородным телом в государственном механизме, но и миной замедленного действия под государством. Политические процессы народников со всей очевидностью продемонстрировали это. Гласность, состязательность, право на защиту, суд присяжных - все это позволяло вскрывать язвы существующего строя. Да и обычные процессы, шедшие при пристальном внимании общественности, свидетельствовали о многом. Большая часть преступлений - это результат негативных социальных условий. В суде скапливались, пересекались, прорывались наружу все противоречия тогдашней российской действительности.

Правительство, которое собственными руками сотворило судебную реформу, недоумевало по поводу того, что нельзя сместить неугодного судью, отменить нежелательный вердикт присяжных, что представители привилегированных и низших сословий оказываются в суде в равном положении. Не случайно уже в начале XX в. В.П. Мещерский на страницах «Гражданина», ставшего выразителем интересов правительства, и в «Воспоминаниях» обвинит «отцов судебной реформы» в не дальновидности, недомыслии, неумении предвосхитить события, отметит политический характер судебной реформы.

Политика самодержавия в сфере суда в означенный период весьма противоречива: самая последовательная в ряду преобразований 60-70-х гг. XIX в. реформа - и почти вслед за принятием судебных уставов самодержавие вступает на путь их «исправления». Трудно уловить грань между судебной реформой и обратными преобразованиями - контрреформой. Сначала коррективы в уставы 1864 г. вносятся без разработанного заранее плана, сообразно с потребностями момента (например, по поводу не оправдавшего надежд правительства исхода политического процесса). Затем в период реакционного курса правительства Александра III принципы и институты уставов 1864 г. «исправляются» по четко очерченной программе. Ограничиваются прежде всего те принципы и институты судебной реформы, которые обеспечивают известную самостоятельность и независимость судебной власти: несменяемость судей и подчинение их только закону (закон 1885 г. о дисциплинарной ответственности судей), гласность (закон 1887 г., предоставивший широкие возможности для рассмотрения дел при закрытых дверях), суд присяжных (законы 1887 и 1889 г. об ограничении подсудности присяжным заседателям и об обеспечении надлежащего состава их коллегий), мировая юстиция (в 1889 г. на большей части территории России вместо мировых судей были введены судебно-административные установления в лице земских участковых начальников). Готовилось преобразование адвокатуры.

Судебная реформа медленно продвигалась к окраинам России (высочайший указ о ее завершении последовал только в 1899 г.). Новые судебные порядки достигают окраин России уже в деформированном виде: без института присяжных заседателей,

с различными типами мировой юстиции и т.д. К концу 80-х гг. положенные в основу судебной реформы принципы и институты были нейтрализованы и суд вполне «вписался» в общий строй государственных учреждений.

Самодержавие пытается приспособить суд к государственным устоям, изымая дела о политических преступлениях из общего порядка судопроизводства, ограничивая демократические принципы и институты судебных уставов, менее адекватные существующему строю, путем принятия отдельных поправок (в период 70-80-х гг. XIX в. последовало более двух десятков законодательных актов).

Следует заметить, что правительство действовало в отношении судебных уставов 1864 г. достаточно гибко и осторожно. Ему приходилось лавировать, потому что откровенное возвращение к прежним, дореформенным порядкам было невозможно: судебная реформа пользовалась популярностью в различных слоях российского общества. Нейтрализуя демократические принципы и институты, правительство вместе с тем пыталось создать видимость неприкосновенности новых судебных порядков. К тому же, наряду с законодательными актами, направленными против демократических принципов и институтов судостроительства и судопроизводства, принимались и те, которые усовершенствовали новый судебный строй, устраняли выявившиеся на практике недостатки. Реформаторские и контрреформаторские тенденции в политике правительства в отношении нового суда на протяжении второй половины XIX в. шли параллельно. Правда, при пристальном исследовании можно определить, что в 70-80-е гг. последняя тенденция

преобладала, и констатировать проведение правительством судебной контрреформы.

Однако подобно тому, как суд должен соответствовать другим звеньям государственного механизма, слаженно должны работать все звенья внутри самого судебного механизма. Практика же внесения в судебные уставы отдельных поправок, деформации основных начал судебной реформы по мере ее продвижения к окраинам России, может быть, и привела к установлению относительно устойчивого баланса между судом и основными государственными институтами самодержавия, но одновременно дестабилизировала судебный механизм изнутри.

Встает общая проблема, которую следует иметь в виду не только применительно к пореформенному суду в России, - проблема соответствия суда форме правления и политическому режиму. Место и роль суда в системе государственных органов таковы, что необходимо как полное соответствие его общему строю государственных учреждений, так и взаимосвязь и взаимообусловленность всех звеньев самого судебного механизма.

В «верхах» с середины 80-х гг. зрели планы полного и систематического пересмотра судебных уставов 1864 г. Осуществить их берется в 1894 г. министр юстиции Н.В. Муравьев, который создает комиссию для пересмотра законоположений по судебной части, вошедшую в историю под названием «муравьевской». Подготовленные комиссией и внесенные в 1901 г. в Государственный совет проекты новой редакции судебных уставов так и не получили практического воплощения. Надо заметить, что готовившиеся в этот же период новые Уголовное и Гражданское уложения также не были

претворены в жизнь. Действовали лишь отдельные части Уголовного уложения 1903 г.

При обострившихся в обществе и государстве в начале XX в. противоречиях самодержавие, чтобы самосохраниться, вынуждено было дальше продвигаться по пути реформ. В этом стремлении, будучи достаточно гибкой политической формой, оно вновь определяет приоритеты. Но реформаторские процессы, происходившие в России в этот период, отражают потребности момента и не нацелены на перспективу. Реформирование общества, государства и права осуществляется потому и настолько, почему и насколько это необходимо для сохранения самого существующего режима. В основе преобразований начала XX в. лежало стремление самодержавия к самосохранению. Как политическая форма, оно эволюционирует через создание Государственной думы - учреждения парламентского типа, через реформу Государственного совета, провозглашая в манифесте 17 октября 1905 г. традиционный набор демократических прав и свобод: свободу слова, печати, митингов и собраний, предоставление населению избирательных прав. Подготовленная к тому времени кодификация права - проекты новой редакции судебных уставов, новые Уголовное и Гражданское уложения - как-то незаметно отходит на задний план.

В начале XX в. основным мероприятием правительства в сфере суда бесспорно была реформа местной юстиции 1912 г. Это - не просто восстановление в России мирового суда. Это - стремление уравнивать крестьян, составлявших большую часть населения страны, в правах с другими сословиями, ввести жизнь российской деревни в правовое русло. Обсуждение реформы местной юстиции Государственной думой II и III созывов ярко

отражает как стремления правительства, так и борьбу сложившихся в России к тому времени политических партий вокруг кардинальных вопросов в общественно-политической жизни России - о создании правовых основ жизни крестьян для обеспечения экономического развития страны, о независимости судебной власти и др.

Несмотря на гибкость самодержавия, которая проявляется в его политике в сфере судоустройства и судопроизводства во второй половине XIX - начале XX вв., сочетание в ней разного рода тенденций как реформирования, так и контрреформирования, все закончилось его поражением. Уступки, на которые шло правительство, затрагивали противоречия в обществе и государстве, но не разрешали их до конца. Шло накопление противоречий, которые повлекли за собой крах режима. И политика самодержавия в сфере суда ярко иллюстрирует эти противоречия: проведение самой демократической среди преобразований правительства реформы 1864 г., стремление приспособить суд к отстающим от него по форме и содержанию основам российского общества и государства, осуществление полного и систематического пересмотра судебных уставов к началу XX в., не получившее практического воплощения, попытки правительства с помощью реформы местной юстиции ввести жизнь крестьян в правовое русло.

Новый суд, учреждение которого уставами 1864 г. было обусловлено стремлением самодержавия самосохраниться, в действительности способствовал обострению противоречий в российском обществе и государстве на рубеже XIX-XX вв. Поэтому в проблеме взаимодействия самодержавия и суда в этот

период как бы фокусируется весь узел проблем, существовавших в экономической, социальной и государственной сферах.

Российское самодержавие во второй половине XIX в., задавшись под натиском общественно-политической ситуации благородной целью продвинуть общество вперед с помощью судебной реформы и одновременно преследуя иную цель - самосохранение, в действительности с помощью этой же реформы обострило собственные противоречия и ускорило гибель существующего режима. При этом надо учитывать, что политическая форма, которая была разрушена, - это устаревший, исчерпавший свой потенциал самодержавный строй.

Судебные преобразования в России второй половины XIX - начала XX вв. имели непреходящее значение. Суть их состоит не только в обеспечении условий правильного разрешения дел в суде, но и в гарантиях свободы личности, в элементах разделения властей, положивших начало конституционному развитию страны.

Источники и литература

1. Нормативный материал

- 1.1. Свод законов Российской империи. - Т. 15. - Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - СПб., 1857. - 602 с.
- 1.2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рас-
суждений, на коих они основаны. - СПб., 1867.
Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. - 713 с.;
Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. - 524 с.;
Ч. 3. Учреждение судебных установлений. - 568 с.;
Ч. 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судья-
ми. - 199 с.
- 1.3. Военно-судебный устав. - СПб., 1867. - 233 с.
- 1.4. Высочайше утвержденные «Правила о порядке действий чи-
нов корпуса жандармов по исследованию преступлений» от
19 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской
империи. (Далее ПСЗ). - Собр. 2-е. - Т. 46. - Отд. 1.
- № 49615. - С. 591-594.
- 1.5. Высочайше утвержденная новая редакция Разд. II. Кн.
III Устава уголовного судопроизводства, ст. ст. 1030-
1061 о судопроизводстве по государственным преступле-
ниям от 7 июня 1872 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 47. -
Отд. 1. - № 50956. - С. 808-812.
- 1.6. Высочайше утвержденные «Правила о лицах, имеющих право
быть поверенными по судебным делам». Мнение Государст-
венного Совета, высочайше утвержденное 6 июня 1874 г.

// ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 49. - Отд. 1. - № 53573. - С. 832-834.

- 1.7. Сенатский по высочайшему повелению Указ «О приостановлении временно дальнейшим учреждением Советов Присяжных Поверенных в округах тех Судебных Палат, где оные до сего времени еще не открыты» от 5 декабря 1875 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 49. - Отд. 2. - № 54130. - С. 409.
- 1.8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О новом штате Кассационных департаментов Правительствующего Сената и о некоторых изменениях и дополнениях в Судебных Уставах 20 ноября 1864 г.» от 10-12 июня 1877 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 52. - Отд. 1. - № 57471. - С. 722-724.
- 1.9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» от 9 мая 1878 г. // ПСЗ. - Собр. - 2-е. - Т. 53. - Отд. 1. - № 58488. - С. 335.
- 1.10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 53. - Отд. 1. - № 58489. - С. 335-337.
- 1.11. Указ именной, данный Сенату «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» от 9 августа 1878 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 53. - Отд. 1. - № 58778. - С. 89-90.

- 1.12. Именной, объявленный в приказе по военному ведомству Указ от 9 августа 1878 г. «О порядке суждения военным судом по законам военного времени лиц, совершивших преступления, означенные в Именном высочайшем Указе, данном Правительствующему Сенату 9 августа сего года» от 9 августа 1878 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 53. - Отд. 1. - № 58779. - С. 90.
- 1.13. Именной, данный Сенату Указ 5 апреля 1879 г. «О назначении временных Генерал-Губернаторов в городах Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе и о предоставлении сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 54. - Отд. 1. - № 59476. - С. 298-299.
- 1.14. Именной, объявленный министром юстиции Сенату Указ от 8 апреля 1879 г. «О порядке производства дел о лицах гражданского ведомства, предаваемых военному суду на основании Высочайших указов 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г. // ПСЗ. - Собр. 2-е. - Т. 54. - Отд. 1. - № 59491. - С. 303-304.
- 1.15. Высочайше утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 1. - № 350. - С. 261-266.
- 1.16. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров от 14 ноября 1881 г. «Об изменении п. «б» ст. 17 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и об-

щественного спокойствия» // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 1. - С. 348-349.

- 1.17. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке издание общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 5. - № 2959.
- 1.18. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении и дополнении ст. ст. 88, 89, 620-622, 624, 918, 1056, 1061⁹ и 1103 Устава уголовного судопроизводства» от 12 февраля 1887 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 7. - № 4227. - С. 79-80.
- 1.19. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении правил составления списков присяжных заседателей» от 28 апреля 1887 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. Т. 7 - № 4396. - С. 189-193.
- 1.20. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» от 7 мая 1889 г. - ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 9. - № 6162. - С. 386-389.
- 1.21. Именной, данный Сенату Указ от 12 июля 1889 г. «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи» // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 9. - № 6195. - С. 507-508.
- 1.22. Высочайше утвержденные: I Положение о Земских Участковых Начальниках; II Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; III Временные правила о Волостном Суде в тех же

местностях и IV Правила о порядке приведения в действие Положения о Земских Участковых Начальниках // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 9. - № 6196. - С. 508-535.

- 1.23. Именной Высочайший Указ, данный Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 24. - Отд. 1. - № 25495. - С. 1196-1198.
- 1.24. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 25. Отд. 1. - № 26805. - С. 754-755.
- 1.25. Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. 23 апреля 1906 г. Именной Высочайший Указ, данный Сенату // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 26. - Отд. 1. - № 27805. - С. 456-461.
- 1.26. Высочайше утвержденной положение Совета Министров «Об учреждении Военно-полевых судов» от 19 августа 1906 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 26. - Отд. 1. - № 28252. - С. 813-814.
- 1.27. Судебные уставы в редакции закона от 15 июня 1915 г. // ПСЗ. - Собр. 3-е. - Т. 32. - Отд. 1. - № 37328.
- 1.28. Узаконения, подлежащие внесению в Свод Законов // Журнал министерства юстиции. - 1910. - Кн. IV. - С. 1-26.
- 1.29. Собрание Узаконений и распоряжений правительства. Декабрь 1913 г. // Журнал министерства юстиции. - 1914. - № 1. - С. 1-28.
- 1.30. Судебные уставы Императора Александра II с толкованиями, извлеченными из отечественной юридической литературы. - М., 1885.

- 1.31. Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 года. - СПб.-М., 1883. - 588 с.
- 1.32. Закон РФ от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. - 1993. - № 33. - Ст. 1313.
- 1.33. Закон РФ от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 51. - Ст. 6270.

2. Материалы официального делопроизводства

- 2.1. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части // Журнал министерства юстиции. - 1894. - № 1. - С. 23-48.
- 2.2. Подготовительные материалы высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части: В 12 т. - СПб., 1994 - 1996: Т. 1-8 - 1894; Т. 9-10 - 1895; Т. 11-12 - 1896.
 Т. 1: Законоположения, изданные в изменение, дополнение или пояснение судебных уставов 20 ноября 1864 г. / по 1 января 1894 г. / - 102 с.
 Т. 2: О кассационном суде. - 179 с.
 Т. 3: О преобразовании адвокатуры. - 308 с.
 Т. 4: О пересмотре устава гражданского судопроизводства об исполнении судебных решений. - 558 с.

Т. 5: О преобразовании коммерческих судов. - 340 с.

Т. 6: Записка тайного советника Аристова о преобразовании гминных судов. - 147 с.

Т. 7: О предельном возрасте лиц судебного ведомства. О пересмотре правил о судебных издержках. Об опротестовании определений о предании суду. О цене исков о недвижимости. О вознаграждении за ведение дел упрощенного порядка. - 263 с.

Т. 8: Материалы по составлению проекта общего наказа судебным установлениям. - Ч. 1. - 928 с.; Ч. 2 - 618с.

Т. 9: По вопросу о защите на суде дел казны. - 604 с.

Т. 10: Отзывы представителей административной власти о состоянии судебной части в различных местностях империи. - 122 с.

Т. 11: Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству. - 834 с.

Т. 12. Сборник вопросов, разрешенных соединенными присутствиями 1-го и кассационных департаментов Правительствующего Сената. - 882 с.

2.3. Труды высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части: В 9 т. - СПб., 1895 - 1899. - Т. 1 - 1895; Т. 2-6 - 1897; Т. 7-9 - 1899.

Т. 1: Совещания старших председателей и прокуроров судебных палат по некоторым вопросам судебной практики в связи с пересмотром законоположений по судебной части. - 254 с.

Т. 2: Свод ревизионных отчетов. - 208 с.

Т. 3: Свод ревизионных отчетов. - 640 с.

Т. 4: Свод ревизионных отчетов. - 312 с.

- Т. 5: Свод ревизионных отчетов. - 578 с.
- Т. 6: Свод статистических данных. - 387 с.
- Т. 7: Свод статистических данных. - 539 с.
- Т. 8: Протоколы заседаний комиссии.
- Т. 9: Протоколы заседаний комиссии.
- 2.4. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Проект новой редакции учреждения судебных установлений. - СПб., 1900. - 220 с.
- 2.5. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений: В 5 т. - СПб., 1900: Т. 1. - 94 с.; Т. 2. - 400 с.; Т. 3. - 200 с.; Т. 4. - 116 с.; Т. 5. - 286 с.
- 2.6. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Проект новой редакции устава уголовного судопроизводства. - СПб., 1900. - 514 с.
- 2.7. Объяснительная записка к проекту новой редакции устава уголовного судопроизводства: В 5 т. - СПб., 1900. - Т.1. - 262 с.; Т. 2. - 400 с.; Т. 3. - 392 с.; Т.4. - 320 с.; Т.5. - 284 с.
- 2.8. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Проект новой редакции устава гражданского судопроизводства. - СПб., 1900 - 564 с.
- 2.9. Объяснительная записка к проекту новой редакции устава гражданского судопроизводства: В 6 т. - СПб., 1900: Т. 1. - 354 с.; Т. 2. - 258 с.; Т. 3. - 182 с.; Т. 4. - 312 с.; Т. 5. - 336 с.; Т. 6. - 222 с.

- 2.10. Особое приложение к судебным уставам о волостном судебном устройстве в Прибалтийских губерниях. - СПб., 1900.
- 2.11. Объяснительная записка к особому приложению к судебным уставам о волостном судебном устройстве в Прибалтийских губерниях. - СПб., 1900.
- 2.12. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным комиссией законопроектам. - СПб., 1901. - 913 с.
- 2.13. Материалы по судебной реформе в России 1864 г. - СПб., 1864. - Т. 17.
- 2.14. Отчет министерства юстиции за 1868 г. - 543 с.
- 2.15. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1886-1887 гг. - 151 с.
- 2.16. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1888-1889 гг. - СПб., 1891 - 131 с.
- 2.17. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1890-1891 гг. - СПб., 1891 - 148 с.
- 2.18. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1892 г. - СПб., 1893. - 138 с.
- 2.19. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1893 г. - СПб., 1894. - 111 с.
- 2.20. Всеподданейший отчет по министерству юстиции за 1894 г. - 261 с.
- 2.21. Всеподданейший отчет по министерству юстиции за 1895 г. - 111 с.
- 2.22. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1896 г. - 111 с.
- 2.23. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1897 г. -

109 с.

- 2.24. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1898 г. - 87 с.
- 2.25. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1899 г.- СПб., 1900. - 101 с.
- 2.26. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1900 г. - СПб., 1901. - 101 с.
- 2.27. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1901 г.- СПб., 1902. - 105 с.
- 2.28. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1902 г.- СПб., 1903. - 105 с.
- 2.29. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1903 г.- СПб., 1904. - 109 с.
- 2.30. Циркулярные распоряжения министра юстиции за 1895 г. // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 11. - С. 30-49.
- 2.31. Обзор деятельности Государственного совета в царствование государя императора Александра III. 1881-1894 гг. Всеподданейший отчет председателя Государственного совета. - Отдел У. Судоустройство и судопроизводство. - С. 173-182.
- 2.32. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. - 1907 г. - Сессия II. - Т. 2. - СПб., 1907.
- 2.33. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. - СПб., 1907.
- 2.34. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты.
- 2.35. Государственный Совет. Стенографический отчет. Сессия 7. 1911-1912 гг.

- 2.36. Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного Совета и Государственной Думы (1906-1911). - СПб., 1911.- 132 с.

3. Документы государственных архивов

Российский государственный исторический архив

- 3.1. Ф. 1149. Департамент законов Государственного совета: Оп. 6. - 1864 г. - Д. 44.; Оп. 6. - 1866. - Д. 3.; Оп. 8. - 1871 г. - Д. 35.; Оп. 8. - 1872 г. - Д. 36.; Оп. 8. - 1873 г. - Д. 39.; Оп. 9. - 1877 г. - Д.24.; Оп. 9. - 1878 г. - Д. 17.18; Оп. 9. - 1882 г. - Д. 63.; Оп. 9. - 1882 г. - Д. 63.; Оп. 10. - 1884 г. - Д. 58, 63.; Оп. 10. - 1885 г. - Д. 26.; Оп. 11. - 1889 г. - Д. 44², 78.
- 3.2. Ф. 1405. Министерство юстиции: Оп. 515. - Д. 188-193; Оп. 515. - Д. 118, 327, 347, 357, 358; Оп. 539. Д. 118.
- 3.3. Ф. 1587. Высочайше учрежденное особое в составе Государственного совета совещание для подробного обсуждения законоположений по судебной части. - Оп.1. - Д.1.
- 3.4. Ф. 1544. Совещание, образованное при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (1905-1906 гг.). - Оп. 1. - Д. 23.
- 3.5. Ф. 851. Головнин А.В. - Оп.1. - Д. 14,15,36.
- 3.6. Ф. 995. Муравьевы Н.В. и В.Н. - Оп.2. - Д.2.; Оп.3. - Д. 5, 8, 15, 20.
- 3.7. Ф. 1016. Графы Пален. - Оп. 1. - Д. 56, 177.
- 3.8. Ф. 1626. Горемыкин И.Л. - Оп.1. - Д. 256, 257.
- 3.9. Печатные записки ЦГИА. № 680.

Государственный архив Российской Федерации

- 3.10. Ф. 272. Верховный уголовный суд. - Оп. 1. - Д. 5.
3.11. Ф. 564. Кони А.Ф. - Оп. 1. - Д. 23.
3.12. Ф. 569. Лорис-Меликов М.Т. - Оп.1. - Д.88.

Российская государственная библиотека.

Отдел рукописей

- 3.13. Ф. 58. Воронцовы-Дашковы. - Р. II. - П. 13. - Д. 2.
3.14. Ф. 169. Милютин Д.А. - Оп. 23. - Д. 21.

Российская национальная библиотека.

Отдел рукописей

- 3.15. Ф. 587. Победоносцев К.П. - Д. 16.
3.16. Ф. 208. Головнин А.В. - Д. 301, 303.

Государственный архив Саратовской области

- 3.17. Ф. 7. Саратовская судебная палата: Оп. 1. - Т. 1. - Д. 16, 1173, 1609, 13786, 13787; Оп. 1. - Т. 2. - Д. 3621, 4776.
3.18. Ф. 8. Саратовский окружной суд. - Оп. 1. - Д. 210, 313, 334, 363.
3.19. Ф. 9 Прокурор Саратовской судебной палаты. - Оп. 1. - Д. 38.

- 3.20. Ф. 53. Саратовское губернское жандармское управление. -
Оп. 1. - Д. 14.

4. Письма, дневники, воспоминания

- 4.1. Богданович А.В. Три последних самодержца. - М.-Л., 1924. - 504 с.
- 4.2. Валуев П.И. Дневник / Под ред. П.А.Зайончковского: В 2 т. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - Т. 1. 1861-1864 гг. - 421 с.; Т. 2. 1865-1876 гг. - 587 с.
- 4.3. Витте С.Ю. Воспоминания / Под ред. А.И. Сидорова: В 3 т. - М.: Изд-во соц-экон. лит., 1960. - Т. 1. 1849-1894 гг. - 421 с.; Т. 2. 1894-1905 гг. - 640 с.
- 4.4. Волжин В.А. Из мемуаров // Исторический вестник. - 1912. - Т. 129. - № 7,8.
- 4.5. Козлинина Е.И. Записки старейшей русской журналистки. За полвека /пятьдесят лет в стенах суда/. 1862-1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. - М., 1913. - 562 с.
- 4.6. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» С.Ю. Витте). - М.- Пг., 1923.- 100 с.
- 4.7. Мещерский В.П. Мои воспоминания. - Ч. 1. 1850-1865 гг. - СПб., 1897, - 454 с.; Ч. 2. 1865-1881 гг. СПб., 1898. - 514 с.
- 4.8. Милютин Д.А. Дневник / Под ред. П.А.Зайончковского: В 4 т. - М.: ОР ГБЛ, 1947-1950. - Т. 3. 1878-1880 гг. - 324 с.; Т. 4. - 1881-1882 гг. - 204 с.
- 4.9. Письма Победоносцева к Александру III. - М., 1925-1926. Т. 1. - 448 с.; Т. 2. - 370 с.

- 4.10. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред. М.Н. Покровского. - М.- Пг., 1923. - Т. 1. - Полутом 1. 1878-1883 гг. - 440 с.; Т. 1. - Полутом 2.- 1884-1894 гг. - 1147 с.
- 4.11. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 т. - М.: Наука, 1966. - Т. 1. - 1883-1886 гг. - 551 с.; Т. 2. - 1887-1889 гг. - 578 с.
- 4.12. Таганцев Н.С. Пережитое. - Пг., 1919. - 120 с.
- 4.13. Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896 / Под ред. Ю.Г.Оксмана. - Л., 1929. - 428 с.

5. Периодические издания

- 5.1. Вестник Европы. - Кн. 6. - 1900. - 29 апр.
- 5.2. Гражданин. 1899. 13 июня.
- 5.3. Московские ведомости. 1865. 30 апр.; 1871. 13 окт., 19 нояб.; 1872. 27-29 янв.; 1873. 18 дек.; 1874. 1 авг.; 1875. 25 сент.; 1876. 19 июня; 1884. 23 янв.; 1885. 27 мая; 1886. 3 окт.; 1900. 24 окт., 3 нояб.
- 5.4. Неделя. 1894. 9 янв., 24 апр.
- 5.5. Новое время. 1900. 16 окт.
- 5.6. Право. 1901. № 6, 7.
- 5.7. Россия. 1900. 22 нояб.; 1901. 6 янв.
- 5.8. Русская мысль. Кн. 10. 1900. окт.
- 5.9. Русская старина. 1886. Кн. 12.
- 5.10. Русские ведомости. 1900. 29 апр.

- 5.11. Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 3, 13, 16 дек.; 1901. 13 янв., 25 февр.
- 5.12. Свет. 1900. 21, 25 апр.
- 5.13. Северный курьер. 1900. 21 сент.
- 5.14. Судебная газета. 1900. 9, 16, 23 июля; 6, 13 авг.

6. Литература до 1917 г.

- 6.1. Анненков К. Желательные изменения в нашем судоустройстве и судопроизводстве // Журнал гражданского и уголовного права. - 1887. - Кн. X. - С. 1-36.
- 6.2. Бобрищев-Пушкин А.М. Об изучении русского суда присяжных // Журнал министерства юстиции. - 1896. - № 2. - С. 102-157.
- 6.3. Бранцевич Е.М. Стихотворение на смерть Н.В. Муравьева. - Томск, 1908.
- 6.4. Васьковский Е.В. Значение адвокатуры и задачи ее организации // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 9. - С. 117-124.
- 6.5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. - 2-е изд. - М., 1912. - 404 с.
- 6.6. Винавер М. Конфликты в Первой Думе. - СПб., 1907. - 184 с.
- 6.7. Гасман А.Г. Николай Авксентьевич Манасеин (некролог) // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 10.
- 6.8. Гессен И.В. Судебная реформа. - СПб., 1905. - 268 с.
- 6.9. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. - Изд. 3-е. - М.: Изд-во юрид. лит., 1960 - 1962. - Т. 3 - 430 с.; Т. 4. - 302 с.

- 5.11. Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 3, 13, 16 дек.; 1901. 13 янв., 25 февр.
- 5.12. Свет. 1900. 21, 25 апр.
- 5.13. Северный курьер. 1900. 21 сент.
- 5.14. Судебная газета. 1900. 9, 16, 23 июля; 6, 13 авг.

6. Литература до 1917 г.

- 6.1. Анненков К. Желательные изменения в нашем судоустройстве и судопроизводстве // Журнал гражданского и уголовного права. - 1887. - Кн. X. - С. 1-36.
- 6.2. Бобрищев-Пушкин А.М. Об изучении русского суда присяжных // Журнал министерства юстиции. - 1896. - № 2. - С. 102-157.
- 6.3. Бранцевич Е.М. Стихотворение на смерть Н.В. Муравьева. - Томск, 1908.
- 6.4. Васьковский Е.В. Значение адвокатуры и задачи ее организации // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 9. - С. 117-124.
- 6.5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. - 2-е изд. - М., 1912. - 404 с.
- 6.6. Винавер М. Конфликты в Первой Думе. - СПб., 1907. - 184 с.
- 6.7. Гасман А.Г. Николай Авксентьевич Манасеин (некролог) // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 10.
- 6.8. Гессен И.В. Судебная реформа. - СПб., 1905. - 268 с.
- 6.9. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. - Изд. 3-е. - М.: Изд-во юрид. лит., 1960 - 1962. - Т. 3 - 430 с.; Т. 4. - 302 с.

- 6.20. История русской адвокатуры: В 2 т. Т. 1 / Под ред. И.В. Гессена. Адвокатура, общество и государство. 1864-1914. - М., 1914. - 624 с.; Т. 2 / Под ред. М.Н. Гернета. Сословная организация адвокатуры. 1864-1914. - М., 1916. - 410 с.
- 6.21. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. 1874-1894 гг. / Сост. при участ. Е.Н. Тарновского. - СПб., 1899. - 208 с.
- 6.22. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1864-1886 гг. - М., 1897.
- 6.23. Кизеветтер А.А. История России в XIX веке: В 2 ч. - М., 1916. - Ч.2. - 129 с.
- 6.24. Кони А.Ф. Мировые судьи // Соч.: В 8 т. - Т. 1. - М.: Юрид. лит., 1966. - С. 288 - 330.
- 6.25. Кони А.Ф. Присяжные заседатели // Соч. - Т. 1. - С. 331- 391.
- 6.26. Кони А.Ф. Новый суд // Соч. - Т. 1. - С. 392 - 419.
- 6.27. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Соч. - Т. 2. - М., 1966. - С. 24 - 252.
- 6.28. Кони А.Ф. Политическая записка // Соч. - Т. 2. - С. 329 - 347.
- 6.29. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Соч. - Т. 4. - М., 1967. - С. 201- 222.
- 6.30. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино // Соч. - Т. 4. - С. 223 - 261.
- 6.31. Кони А.Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями // Соч. - Т. 4. - С. 262 - 292.

- 6.32. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Соч. - Т. 4. - С. 317 - 357.
- 6.33. Кони А.Ф. О новых течениях в уголовном процессе // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 3.
- 6.34. Кони А.Ф. Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с сословными представителями. При руководстве Совещанием старших председателей и прокуроров Судебных палат 29-31 декабря 1894 г. // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 4. - С. 32-60.
- 6.35. Коркунов Н.М. Проект Верховного совестного суда // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 4. - С. 135-138.
- 6.36. Коц Е.С. Местный суд и его реформа. - СПб., 1913. - 64 с.
- 6.37. К реформе государственного строя в России. Правовое государство и всенародное голосование. - СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. - 352 с. и Приложения.
- 6.38. Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898-1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. - СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1904. - 430 с.
- 6.39. Ленин В.И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. - Т. 5. - С. 21-72.
- 6.40. Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии // Полн. собр. соч. - Т. 6. - С. 340.
- 6.41. Ленин В.И. Три запроса // Полн. собр. соч. - Т. 21. - С. 104-116.
- 6.42. Лихачев А. Мелочи присяжного суда (заметки) // Журнал гражданского и уголовного права. - 1990. - Кн. 10. - С. 1-17.

- 6.43. Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902. Исторический очерк. - СПб., 1902. - 340 с.
- 6.44. Муравьев Н.В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. - СПб., 1890. - 96 с.
- 6.45. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: В 2 т. - СПб., 1900. - Т. 1. Статьи по судебным вопросам. - 654 с.; Т. 2. - Речи и сообщения. - 587 с.
- 6.46. Муравьев Н.В. Последние речи. - СПб., 1903. - 156 с.
- 6.47. Муромцев С.А. Статьи и речи. - Выпуск П. - М., 1910. - 96 с.
- 6.48. Муромцев С.А. Статьи и речи. - Выпуск V. - М., 1910. - 142 с.
- 6.49. Муромцев С.А. Сборник статей. - М., 1911. - 420 с.
- 6.50. Николай II. Последний самодержец. Очерки жизни и царствования: В 5-ти вып. - Вып. 5. - М.-Пг., 1917. - 24 с.
- 6.51. О недостатках нашего устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного судопроизводства. - 1888. - Кн. 7. - С. 44-57.
- 6.52. Очерк деятельности комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // Журнал министерства юстиции. - 1896. - № 4. - С. 40-48.
- 6.53. По поводу оглашения сведений о занятиях комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 4. - Февраль. - С. 28-31.
- 6.54. Плевако Ф.Н. Избранные речи. - М.: Юрид. лит., 1993. - 544 с.

- 6.55. Плеханов Г.В. Н.Г. Чернышевский и его время Собр соч. / Под ред. Д. Рязанова. Изд. 2-е. - Т. V. - М.: Гос. Изд-во, 1925. - 363 с.
- 6.56. Принтц Н.Г. Случайности, влиявшие на судебное преобразование 1864 г. // Журнал министерства юстиции. - 1894. - № 2.
- 6.57. Речи М.М. Винавера (партии народной свободы). - СПб., 1907. - 84 с.
- 6.58. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма к тетеньке // Собр. соч.: В 20 т. - М.: Худож.лит, 1972. - Т. 14. - С.373-395.
- 6.59. Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного Совета и Государственной Думы. 1906-1911. - СПб., 1911.
- 6.60. Случевский В.Л. Учебник русского уголовного процесса. - Пг., 1915.
- 6.61. Случевский В.П. О суде присяжных и его противниках // Журнал министерства юстиции. - 1896. - № 3. - С. 178-242.
- 6.62. Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат. 28 и 29 декабря 1894 г. // Журнал министерства юстиции. - 1895. - № 11. - С. 37-54.
- 6.63. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М.: Изд. Соц.-экон. лит., 1964. - 408 с.
- 6.64. Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. - Т. 1. - М., 1915. - 380с.
- 6.65. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. - Пг., 1914. - Т. 1. - 786 с.; Т. 2. - 831 с.
- 6.66. Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. - М., 1910. - 200 с.

- 6.67. Труды юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете, издаваемые под редакцией М.М. Винавера. - Т. 1. - 1908-1909. - СПб., 1910. - 528 с.
- 6.68. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. - Т. 1. - СПб., 1896. - 594 с.; Т. 2. - СПб., 1898. - 607 с.
- 6.69. Фойницкий И.Я. Как мы провели 1878 год? Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. - Т. 2. - СПб., 1900. - С. 310 - 392.
- 6.70. Фукс В. Суд и полиция: В 2 ч. - М., 1899. - 230 с.
- 6.71. Хрулев С. Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. - Кн. 8. - С. 1-74; Кн. 9. - С. 1-76; Кн. 10. - С. 47-129.
- 6.72. Щеголовитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление судебных уставов 20 ноября 1864 г. - Пг., 1915. - 70 с.

7. Литература после 1917 г.

- 7.1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. - М.: Наука, 1989. - 149 с.
- 7.2. Афанасьев А.К. Суд присяжных в России /организация, состав и деятельность в 1866-1885 гг./. - Дис... канд. ист. наук. - М., 1978. - 200 с.
- 7.3. Васильева Н.И., Гальперин Г.В., Королев А.И. Первая российская революция и самодержавие / государственные правовые проблемы /. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. - 152 с.

- 7.4. Верещагина А.В. Реформа уголовной юстиции 1864 года и ее значение для преобразования уголовного процесса Российской Федерации. - Дис... канд. юрид. наук. М., 1993. - 214 с.
- 7.5. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. - Саратов: Изд-во СГУ, 1963. - 147 с.
- 7.6. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. - Саратов: Прив. книж. изд-во, 1969. - 400 с.
- 7.7. Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. - Киев: Научно-исслед. и ред.-изд. отдел КВШ МВД СССР, 1973. - 68 с.
- 7.8. Воронин А.В. Вопросы формирования суда присяжных в до-революционной России (по документам Саратовского окружного суда 1871-1917 гг.) // Вестник Саратовской государственной академии права. - 1996. - № 3.- С. 108 - 119.
- 7.9. Гаврилов С.Н. Актуальные вопросы организации адвокатуры и участия защитника в уголовном процессе России. История и современность. - Автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 1998.
- 7.10. Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX века /1866-1879 гг./. - Дис... канд. ист. наук. - Минск, 1979. - 207 с.
- 7.11. Глазунов М.М., Митрофанов Б.А. Первые Советы перед судом самодержавия (1905-1907 гг.). - М., 1989.
- 7.12. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. - М.:Наука, 1975. - 350 с.

- 7.13. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и цапизм в 1911-1914 гг. - Л.: Наука, 1988. - 228 с.
- 7.14. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. - М.: Высшая школа, 1968. - 368 с.
- 7.15. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи (проблемы историографии) // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. - М., 1960. - С. 155 - 158.
- 7.16. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802-1917 гг. / Историко-правовое исследование /. - М.: Наука, 1983. - 150 с.
- 7.17. Ефремова Н.Н. Судустройство России в XVIII - первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). - М.: Наука, 1993. - 192 с.
- 7.18. Жвания З.И. Судебная реформа в Грузии (60-80-е годы XIX в.). - Дис... канд. ист. наук. - Тбилиси, 1979. - 173 с.
- 7.19. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. - М.: Изд-во МГУ, 1952. - 370 с.
- 7.20. Зайончковский П.А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 года // Исторические науки. - 1961. - № 2. - С. 42-72.
- 7.21. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. - М.: Изд-во МГУ, 1964. - 510 с.
- 7.22. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / политическая реакция 80-х - начала 90-х годов /. - М.: Мысль, 1970. - 443 с.
- 7.23. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. - 288 с.

- 7.24. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М.: Изд-во МГУ, 1968. - 178 с.
- 7.25. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. - 1972.- №8. С. 119 - 140.
- 7.26. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - 254 с.
- 7.27. Зорькин В.Д. Муромцев. - М.: Юрид. лит., 1980. - 128 с.
- 7.28. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI - XX вв. - М.: Юрист, 1995. - 380 с.
- 7.29. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: В 4 т. - М.: Книга, 1979. - Т.3. 1857-1894 гг.: В 4 ч.
- 7.30. Ишкулов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. - Дис... канд. юрид. наук. - Саратов, 1974. - 179 с.
- 7.31. Казанцев С.М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. - Воронеж: Изд -во ВГУ, 1987. - С. 114-124.
- 7.32. Казанцев С.М. Роль прокурора в гражданском процессе дореволюционной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. - С. 81-93.
- 7.33. Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860-1880 годов в оценке английской и американской буржуазной историогра-

- фии // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. - С. 124- 139.
- 7.34. Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М.: Мысль, 1991. - 270 с.
- 7.35. Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // Правоведение. - 1985. - №4. - С.86-91.
- 7.36. Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства. - Дис... канд. ист. наук. - Л., 1990. - 213 с.
- 7.37. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. - М.: Наука, 1982. - 184 с.
- 7.38. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. - 184 с.
- 7.39. Коротких М.Г., Сорокина Ю.В. Реформа следственного аппарата России в 1860-1864 гг. // Советское государство и право. - 1991. № 10. - С. 122-129.
- 7.40. Краковский К.П. Судебная реформа в земле Войска Донского. - Дис... канд. юрид. наук. - Ростов н/Д, 1981. - 221 с.
- 7.41. Краковский К.П. Суд и администрация в России в начале XX в. (о «независимости» суда на политических процессах) // Правоведение. - 1988. - № 4.- С. 78-83.
- 7.42. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. - Л.: Наука, 1984. - 664 с.
- 7.43. Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - 214 с.
- 7.44. Крылов И.Ф. В мире криминалистики. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. - 327 с.

- 7.45. Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80-90-х годов XIX века в России /государственно-правовая характеристика/. - Дис... канд. юрид. наук. - Л., 1977. - 161 с.
- 7.46. Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. - М., 1994. - 158 с.
- 7.47. Либерман А.А. Институт земских начальников 1889-1905 гг. - Дис... канд. ист. наук. - М., 1976. - 192 с.
- 7.48. Мамонтов А.Г. Реформа предварительного следствия во второй половине XIX века в России (историко-правовое исследование). - Автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 1996. - 24 с.
- 7.49. Марышкин А.В. Судебная реформа 1894 г. и особенности ее проведения на территории Белоруссии. - Автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 1985. - 24 с.
- 7.50. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х годах XIX века. Лекции по спецкурсу. - Горький: Изд-во ГГУ, 1974. - С.108-134.
- 7.51. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России: / 1826-1830 гг. /. - М.: Мысль, 1982. - 207 с.
- 7.52. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. - М.: Изд-во ВЮЗИ, 1961. - 303 с.
- 7.53. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. Щеголева П.Е.: В VII т. - М.-Л.: Госуд. изд-во, 1924-1925. - Т. 1. - 432 с.; Т. 2 - 439 с.

- 7.54. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 г. - М.: Мысль, 1986. - 343 с.
- 7.55. Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг. - М.: Изд-во МГУ, 1958. - 240 с.
- 7.56. Развитие русского права во второй половине XIX - начале XX века. - М.: Наука, 1997. - 366 с.
- 7.57. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. - М.: Наука, 1983. - 558 с.
- 7.58. Скрипилев А.Е. Об одной стороне судебной контрреформы в России // Советское государство и право. - 1983. - № 9. - С. 119-123.
- 7.59. Скрипилев Е.А. «Императорская партия» в борьбе против конституции и конституционализма // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. - С. 84-98.
- 7.60. Слухоцкий Л. Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. - М.-Л.: Госиздат, 1926. - Т. 3. - С. 247-286.
- 7.61. Смолярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение. - М.: Юрид. лит., 1990. - 400 с.
- 7.62. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. - М.: Юриздат, 1939. - 152 с.
- 7.63. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг./ Сост. С.М. Казанцев. - Л.: Лениздат, 1991. - 512 с.

- 7.64. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. / М.Н. Катков и его издания /. - М.: Наука, 1978. - 280 с.
- 7.65. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1891 гг. - Саратов: Изд-во СГУ, 1971. - 240 с.
- 7.66. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. - Саратов: Изд-во СГУ, 1976. - 406 с.
- 7.67. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг. - М.: Мысль, 1978. - 335 с.
- 7.68. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг. - М.: Мысль, 1979. - 350 с.
- 7.69. Троицкий Н.А. «Народная воля» как фактор второй революционной ситуации // Освободительное движение в России. - Саратов: Изд-во СГУ. - Выпуск 10. - 1981. - С. 3-22.
- 7.70. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1880-1894 гг. - Изд. 2-е. - Саратов: Изд-во СГУ, 1983. - 424 с.
- 7.71. Троицкий Н.А. Корифеи русской адвокатуры первого призыва // Советское государство и право. - 1985. - №2.- С. 120 - 129.
- 7.72. Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905-1907 гг. - Дис... канд.юрид.наук. - Иваново, 1974.
- 7.73. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. - М.: Госюриздат, 1957. - 839 с.

- 7.74. Черкасова Н.В. Судебная реформа 1864 г. и возникновение адвокатуры в России // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. - М., 1980. - С. 151-154.
- 7.75. Черкасова Н.В. К истории русской адвокатуры // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. - М.: Изд-во АН СССР, 1982. - С. 118-126.
- 7.76. Черкасова Н.В. Образование и развитие адвокатуры в России // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. - М., 1986.- С. 76-85.
- 7.77. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России в 60-80-е гг. XIX в. - М.: Наука, 1987.
- 7.78. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. - Л.: Наука, 1978. - 248 с.
- 7.79. Шавров А.В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России /1864-1917 гг./ // Советское государство и право. - 1985. - №12. - С. 100-105.
- 7.80. Шавров А.В. Сенат в системе юридических учреждений Российской империи /1861-1904 гг./. Дис... канд. юрид. наук. - М., 1986. - 211 с.
- 7.81. Шувалова В.А. Подготовка судебной реформы 1864 года в России. Дис... канд. юрид. наук. - М., 1965. - 345 с.
- 7.82. Щербина П.Ф. Судебная реформа 1864 года на Правобережной Украине. - Львов, 1974. - 190 с.

- 7.83. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика.- М.: Наука, 1985. - 348 с.
- 7.84. Ярошевская Е.М. Государственный Совет и политическая реакция 80-х - начала 90-х гг. XIX в. Дис... канд. ист. наук. - М., 1984 - 167 с.
- 7.85. Vagner W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies // The Slavonic and East European Review. - 1976. - Vol. 54.- № 3;
- 7.86. Vagner W.G. Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861-1914 // Russian Law. Historical and Political Perspectives. - Leiden, 1977.
- 7.87. Kaiser F.S. Die Russische Justizreform von 1864. - Leiden, 1972.
- 7.88. Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. - New York, 1953;
- 7.89. Plank T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia // William and Mary Bill Rights Journal. - Winter, 1996.
- 7.90. Tarnovski T. The Aborted Counter-Reform: Muraviev Commission and the Judicial Statutes of 1964 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. - 1981. - № 89.
- 7.91. Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. - Chicago, 1976.